

Предисловие

В 2004 г. к моему 70-летию вышел *первый* сборник избранных статей «Девиантность, преступность, социальный контроль» (СПб.: Юридический центр Пресс, 2004). Логично, что к 75-летию вышел *второй* сборник моих избранных статей «Глобализация, девиантность, социальный контроль» (СПб: DEAN, 2009). А далее стали действовать два фактора: (1) «ускорение времени», как одна из характеристик общества постмодерна и (2) приближающийся (с ускорением...) естественный конец автора. Так что *третий* сборник моих статей «Девиантность, преступность и социальный контроль в «Новом мире»» (СПб: Алеф-Пресс, 2013) вышел на год раньше «положенного». Оба названных фактора продолжают действовать. Так что я спешно (ускорение усиливается, конец надвигается) подготовил *четвертый* сборник статей «Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна», предлагаемый заинтересованному читателю.

По рекомендации издательства «Алетейя», я воспроизвожу в этом — четвертом — сборнике по одной статье (наиболее значимой для автора) из трех предыдущих, так что знакомые с ними читатели могут их пропустить.

Как и в предыдущих трех сборниках, статьи расположены по мере их выхода в свет. Сохраняются и особенности цитирования (ссылок). И, как всегда, бесконечная благодарность Н.Н. Проскурниной — моей музе, суровому критику, неизменному составителю Библиографий (до которых у авторов-мужчин руки обычно не доходят...).

О глобальном¹

Мы, люди, часто похожи на муравьев. Мечемся, каждый в своем тесном мирке, стремимся, добиваемся, отчаиваемся, обижаемся, приносим огорчения и беды себе подобным.

Возьмем на себя труд приостановиться. На мгновение задуматься о Вечности, смысле существования, счастье и несчастье. Сегодня мы предлагаем читателям размышления «О глобальном» постоянного нашего автора, академика АГН, профессора Якова Гилянского, которые, несомненно, будут интересны каждому, достигшему моральной зрелости, независимо от возраста.

От редакции

От автора

В романе Л. Фейхтвангера «Успех» один из героев — адвокат Гейер — давно мечтает написать историю Баварской юстиции. Он — пожилой человек и умом понимает, что никогда ему не совершить сей грандиозный труд. Но он продолжает верить, рассудку вопреки. Ему порой видятся тома его «Истории Баварской юстиции» на книжной полке.

Мне тоже мерещится подчас Главный труд жизни «Человек — Общество — Вселенная», естественно, в твердом переплете...

В работах, опубликованных, по правде говоря, в малоизвестных изданиях, я предпринимал попытку изложить хотя бы схему своих рассуждений. Этот текст — еще одна такая попытка. В то же время предлагаемый материал — эксклюзивный, специально подготовленный для журнала «Молодежь: Цифры. Факты. Мнения». Как всякий грандиозный замысел, он обречен на неуспех. Но высказаться — значит облегчить душу. Автор благодарит всех читателей, кто с пониманием отнесется к такому эгоистическому намерению.

¹ Молодежь: Цифры. Факты. Мнения. 1995. № 2–3. С. 197–212. А также: Гилянский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. СПб: Юридический центр Пресс. 2004. С. 71–87.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ТРАГИЗМ БЫТИЯ или РАЗМЫШЛЕНИЯ МАЛИЦИРИСТА

*Истинным началом универсума
является зло.
А. Шопенгауэр*

Прорвало плотину...

*Вопрос о смысле жизни
является самым актуальным
среди всех вопросов.
А. Камю*

За последние годы в России изданы «Миф о Сизифе» А. Камю, «Человек в поисках смысла» В. Франкла, «Смысл жизни» С. Франка, «Иметь или быть?» Э. Фромма, двухтомник Ф. Ницше и отдельно — «Так говорил Заратустра», работы С. Кьеркегора, Ж.-П. Сартра, А. Мальро, не говоря уже о трудах Вл. Соловьева, а также Н. Бердяева, Г. Федотова, Л. Шестова и других российских философов, изгнанных из России в 1922 году или же уничтоженных ГУЛАГом... А в первом выпуске «Одиссея» сразу две статьи о жизни и смерти: С. Великовского («Культура как полагание смысла») и А. Гуревича («Смерть как проблема исторической антропологии»). На конференции молодых социологов был представлен доклад О. Борецкого о социологии «в танатологическом измерении». И далее: Ф. Арьес «Человек перед лицом смерти», А. Лаврин «Хроника Харона: Энциклопедии смерти», сборник «Бездна: «Я» на границе страха и абсурда», танатологическая подборка в «Ступенях» (1993, № 1) и т.д.

Итак, наши соотечественники получили впервые за многие десятилетия «ударную дозу» смысложизненной литературы. Вообще-то, нормальный человек в нормальном обществе не может не задумываться (хотя бы иногда, хотя бы лет в 11–12 — возрасте гениев!) о смысле жизни, смысле собственного существования. Вся «Книга Екклесиаста,

или Проповедника» — дань этой проблеме (с небезызвестным выводом: «Суета сует... суета сует, — все суета!»). В конечном счете, именно от «решения» этого вопроса каждым для себя зависит избираемая индивидом *стратегия* жизни и *тактика* поведения. Более того, быть может, размышления о смысле существования, а значит, и о смерти — единственное, что принципиально отличает *Homo sapiens* от всех остальных животных, которым в большей или меньшей степени присущи и разум, и воля, и чувства, и, казалось бы, высшие, человеческие потребности: в признании, статусе, творчестве (поисковая активность).

Однако подданным тоталитарного государства, основанного на всеобщем единогласии и единодушии, задумываться было «не положено». Только один дозволенный «смысл» был — построение светлого будущего. Неудивительно поэтому, что сограждане отучились размышлять над самым актуальным среди всех вопросов. Да и сам вопрос о смысле жизни, будучи задан, способен чаще всего вызвать у многих людей лишь недоумение или усмешку.

И впрямь, откуда же было взяться с малолетства экзистенциальным размышлениям, если родители заняты в первую очередь проблемой выживания. Самая средняя из всех средних школ в мире воспитывала оптимизм и патриотизм, а пионерская и комсомольская организации — преданность вождям мирового пролетариата и верность коммунистическим идеалам (или же «социалистическому выбору»...). Так что о самой проблеме смысла жизни можно было узнать лишь из зарубежной литературы или же... из предсмертных записок самоубийц — жертв «экзистенциального вакуума» (В. Франкл). Например: «Не сумел своевременно понять свое назначение... Природа этого не прощает» (гр-н Б., 35 лет, инженер), «Все, что я задумал выполнить в жизни, не удалось...» (гр-н Г., 47 лет, доцент), «Зачем жить?» (гр-н Н., 21 год, студент)...

Мы долго и упорно уклонялись от обсуждения проблем смерти, жизни, ее смысла. Зато неплохо преуспели в практике лишения жизни. Расплата в виде бездуховности, безнравственности, обесценивания жизни и, соответственно, эскалации насилия не заставила долго ждать.

Будучи интровертом, я рано начал нескончаемый диалог с собой. Думается, что вечная человеческая проблема смысла *своего* собственного существования — глубоко *интимна* (личностна, индивидуальна) и — принципиально — *неразрешима*. Вообще-то, по-моему, «смысла» жизни вообще нет. Но ведь жить (а, следовательно, страдать) без смысла — это абсурд, логически ведущий к самоубийству.

Каждое самоубийство психически здорового человека, в конечном счете, — следствие осознания отсутствия или утраты смысла жизни. Недаром, по К. Ясперсу, больной человек идет к врачу, здоровый — кончает самоубийством... Поэтому жизнь каждого индивида — либо постоянный *поиск* смысла существования, или же *примирение* с его отсутствием (при непоследовательном — «а жить-то нужно!»), или *уверенность* в своем, найденном, истинном (!) смысле (будь-то служение Богу или делу революции...). Так вот, может быть, авторские заметки будут бесполезны тем, *кто ищет?*.. Да и, кроме того, если верить В. Франклу, «потребность и вопрос о смысле жизни возникает именно тогда, когда человеку живется хуже некуда». А не это ли есть сегодняшнее состояние многих соотечественников?

Sub specie aeternitatis

*История человеческого будущего —
это история его смерти.
М. Хайдеггер*

Мне было давно, с самого детства, ясно: поскольку жизнь каждого человека конечна, да и жизнь человечества тоже конечна (и существование Земли!), постольку всякая жизнь не имеет «смысла». А попытки человека «увечковечить» себя — в детях, словах и делах, в бронзе и камне — нелепы, иллюзорны, бессмысленны. И если уж пользоваться понятием «смысла жизни», то он — утешения ради! — в самой Жизни, в самом факте Существования.

Но тогда логично — уйти из жизни! Логично ли? Разве не существуют без всякого «смысла» и скорби по его отсутствию камни и деревья, звери и птицы? Удерживали меня от рокового решения и Жажда жизни, и Принцип «плохого кино»: смотреть противно, а уйти жалко — вдруг еще что-нибудь покажут интересенького?! Впрочем, никогда не надо зарекаться ни от суммы, ни от тюрьмы, ни от петли... Грустно.

Все же мой разум не мог ограничиться столь простенькими доводами *pro et contra*. Требовалась *Система* — система научных знаний, включающая проблему смысла бытия в качестве элемента, некая *Theory of Everything*. Разумеется, я понимал, что есть истины, но нет Истины: нет и не может быть некой законченной — единственно «истинной» теории по любой научной проблеме, не говоря уже об Общей Теории Мира. И *нельзя* покушаться на ее хотя бы абрисное, схематичное создание. *Нельзя!* Но

если очень хочется, то... Ну, не мог я существовать, не представив — только лишь для себя! — картину мироздания. А вот выбор из имеющегося ассортимента картин — дело вкуса и случая. Вот я и выбрал.

Одной из тенденций современной науки является поиск наиболее общих, фундаментальных закономерностей, единых для всего мироздания, для всей структурной иерархии форм организации материи (физической, биологической, социальной). Складывается некая «инфранатура» (Н. Моисеев) или «меганатура» (Б. Кузнецов), объединяющая исследования процессов, протекающих в неживой и живой природе и в обществе, изучающая их с точки зрения универсальных законов мироздания. И тогда, например, основные закономерности социальной формы бытия предстают как *инобытие* всеобщих законов самодвижения, самоорганизации материи, как модификация и доразвитие ее фундаментальных свойств (Э. Маркарян, Е. Нерсесова).

Интеграция наук особенно существенна при рассмотрении *эволюции* мироздания — единого мирового процесса самодвижения, самоорганизации материи (Н. Моисеев).

От *Big Bang* (Большого взрыва), «породившего» Вселенную, до современной угрозы всему живому на Земле в результате экологической или же ядерной катастрофы — путь длинный (порядка 15–20 млрд лет). Но это — *единый* путь эволюции. «В науке сейчас уже есть эскиз, черновой набросок объяснения всей эволюции — от «первичного бульона» (примерно четыре миллиарда лет тому назад) до появления «венца творения» — Человека, — писал Г. Наан. Или даже изначального вакуума и космологического «Большого взрыва» (20 млрд лет назад) до таких необычайно сложных продуктов адаптации, как логическое мышление, совесть и любовь. В конечном счете, все приходит в мир естественным путем, путем самоорганизации и самоусложнения... Мы в принципе сейчас уже в состоянии представить всю эволюцию Вселенной, включая возникновение жизни, человека и общества как некий единый процесс самодвижения, самоорганизации и самоусложнения материи». Итак, около 20 млрд лет назад произошел «Большой взрыв», с которого началось развитие нашей Вселенной из «точечного» вакуумоподобного состояния (первичная сингулярность), просуществовавшего «в течение примерно одной стомиллионной миллиардной миллиардной доли секунды» (И. Новиков), плотностью 1^{94} г в см³ и породившего горячую Вселенную с температурой на этот момент в миллиард миллиардов миллиардов градусов. Современный сценарий развития Вселенной уже дописан во времени, отстоящего от момента взрыва

до 10^{-43} секунды. А спустя десятипятнадцатую долю секунды Вселенная, расширяющаяся с огромной скоростью, составляла в радиусе 1/30 светового года (или 300 млрд км), плотность вещества в тысячи миллиардов раз больше плотности воды, температура порядка триллионов градусов. Расширяясь, Вселенная охлаждается со скоростью, обратно пропорциональной ее радиусу, а радиус увеличивается как корень квадратный из прошедшего времени.

Через несколько минут расширения радиус Вселенной достиг уже 100 световых лет, а ее температура — 300 млн градусов. Вот тогда стало возможным образование атомных ядер. Спустя миллион лет температура упала ниже 3–4 тысяч градусов, и началось образование атомов. Еще через какой-нибудь миллиард лет стали образовываться галактики, звезды и вещество в своем известном, современном виде (при температуре «всего» в сотню градусов). Наконец, от 4 до 6 млрд лет назад в «нашей» Галактике в результате сжатия огромного газового облака родилось Солнце, а вскоре и планеты, включая Землю. На ней около 2 млрд лет назад появились первые простейшие организмы, около 1900 млн лет назад — первые многоклеточные, 220–230 млн лет назад — первые млекопитающие, а в четвертичном периоде кайнозоя — человек.

Возможны ли иные сценарии эволюции Вселенной? Безусловно, да. Но теория «Расширяющейся Вселенной» наиболее сегодня признана среди специалистов.

В таком случае, какое отношение имеет все это к рассматриваемой теме? А вот какое. До сих пор речь шла о прошлом Вселенной. Но принимаемая автором теория предсказывает и ее возможное *будущее*, причем в двух вариантах (или сценариях). Первый — менее вероятный — бесконечное расширение Вселенной с постоянным угасанием звезд (продолжительность жизни нашего Солнца — порядка 10 млрд лет). В результате через сто тысяч миллиардов лет погаснут последние звезды, так как произойдет распад всего вещества, из которого состоят эти звезды и планеты, да и сама жизнь, и человек. Второй вариант — более вероятный, по мнению специалистов, условно называемый — Пульсирующая Вселенная. Тогда через некоторое время (это порядка 20 млрд лет) расширение Вселенной сменится сжатием. Плотность материи начнет возрастать, температура повышаться, и, как в киноленте, просматриваемой в обратном порядке, нашу Вселенную ожидает коллапс — переход к новой (вторичной) сингулярности.

Итак, безусловным фактом является не только бесспорная индивидуальная смерть каждого существа, включая человека, не только гибель

всего живого на Земле, самой Земли и Солнечной системы, но и — вероятнее всего — всей Вселенной (всего Мироздания). Не правда ли, это добавляет некоторые доводы в пользу бессмысленности нашего существования в целом?

Даже если отвлечься от мрачной картины «конца света» (такого пока далекого!), имеются бесспорные научные основания утверждать брэнность *каждой* конкретной системы, *каждого* конкретного процесса в мире. И дело не только в простом эмпирически достоверном факте конечности существования каждого живого организма, каждой неживой системы. Речь идет о законе возрастания энтропии как следствии второго закона термодинамики.

Самодвижение (эволюция) Вселенной осуществляется в двух основных (дополнительных — в боровском смысле) формах: самоорганизации (убывание энтропии, повышение негэнтропии и степени организованности) и самодезорганизации (возрастание энтропии, хаотичности, снижение уровня организованности). Количественно определимым критерием направленности развития (изменения) системы может служить энтропия (мера беспорядка): ее возрастание свидетельствует о преобладании регрессивных, дезорганизационных процессов, а уменьшение — о преобладании прогрессивных процессов, повышении уровня организованности (Г. Алексеев, А. Братко, А. Кочергин и Е. Седов).

Процесс развития можно представить как уменьшение энтропии, увеличение негэнтропии в развивающейся системе. Уменьшение энтропии возможно за счет накопления *информации* (мера упорядочения). При этом, однако, «уменьшение энтропии в самой самоорганизующейся системе может иметь место лишь за счет ее увеличения в среде» (Э. Маркарян). Единство и дополнительность процессов организации и дезорганизации, негэнтропийных и энтропийных, возникновения и гибели («добра» и «зла», «ян» и «инь») — суть проявления объективной диалектики бытия материального Мира. Но! В силу второго закона термодинамики, *в конечном счете*, во всякой системе «побеждает» энтропия — распад, гибель («зло»!). «Надо подчеркнуть, что вывод о постоянном росте энтропии во Вселенной правилен... Во Вселенной идет необратимый процесс роста энтропии» (И. Новиков). Зло — метафора энтропии и дезорганизации! Вот почему (в силу закона возрастания энтропии), конечно, «смертно» не только все живое, но и неживое в мире. Вот почему за все приходится платить («принцип Расплаты»). Вот почему «небытие... первично и абсолютно. Бытие же относительно и вторично по отношению к небытию... Все возникает

на время, а погибает навечно» (А. Чанышев). Вот почему «истинным началом универсума является зло» (А. Шопенгауэр), «абсолютное зло неистребимо в мире» (У. Стайрон), «миром правит зло» (Х. Ногалес), а «вся история является развитием абсолютного зла» (В. Арсланов). Вот, наконец, почему, автор, убежденный в вышеизложенном, считает себя *малициристом* (от лат. *malum* — зло, *malitia* — злоба).

Человеческое, слишком человеческое...

И тогда я огляделся вокруг и понял, что вообще не могу вынести больше ничего из этой системы.
К. Воннегут

Вывод неопровержим: уничтожение человека человеком началось.
Г. Грас

Диалектика энтропийных и негэнтропийных процессов предполагает неравномерное их распределение в пространственно-временном континууме Вселенной. Одним из «островков» относительного (и, конечно же, временного) преобладания негэнтропийных, информационных процессов является Земля, породившая эволюционирующий ряд информационно-генерирующих процессов, вершиной которых явилась деятельность общественного человека (техногенез как результат антропосоциогенеза). Вообще, системы, не превышающие меру информации в 5×10 бит, относятся к неживой природе, 5×10^{15} бит — к живой, информационная же «емкость» мыслящей материи — 5×10^{25} бит. Биосфера в целом выступает как антиэнтропийная система. При этом «теория информации позволяет четко выявить линию эволюции путем подсчета темпов возрастания информации в системе за год. Так, на Земле далекие от прогрессивной линии биологические системы почти не увеличили первоначальную скорость накопления информации (1 бит информации на 100 тыс. лет) и частично вымерли, частично остались на том же положении... Системы, которые постоянно наращивали темпы поглощения информации, за это же время превратились в такую сверхсложную систему, как человек (в среднем 10^{19} битов информации за год)» (А. Братко, А. Кочергин).

Так вырисовывается функция («смысл?») человечества в мире: «Мы плывем вверх по течению, — писал отец кибернетики Норберт Винер, — борясь с огромным потоком дезорганизованности, который,

в соответствии со вторым законом термодинамики, стремится все свести к тепловой смерти, всеобщему равновесию и одинаковости... В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы». Априорно можно представить, что вторая функция («смысл», оправдание существования) рода *Homo sapiens* — служить орудием *самопознания* материя (Мира, Вселенной). Правда, неясно, *зачем* это прародительнице всего сущего понадобилось!

Более ясно, *как* это происходит.

Существование (сохранение и изменение) всякой системы возможно лишь в случае ее *адаптации* (приспособления) к среде. Чем выше адаптационные возможности системы (любой — неживой, живой, социальной), тем больше вероятность ее сохранения (выживания). В этом смысле прогрессивная эволюция мироздания суть эволюция способов адаптации различных систем (разного уровня). При этом чем выше степень организованности системы, тем выше ее адаптационные возможности (камень может только растрескаться под влиянием неблагоприятных средовых воздействий; растение обладает большим разнообразием средств приспособления — сбросить листву, увеличить корневую систему; животное может убежать; человек — изменить среду). Однако, как мы помним, повышение степени организованности одних систем не может происходить иначе как **за** счет повышения энтропии других систем — «среды», за счет ее дезорганизации.

Так, живые организмы «непрерывно получают свободную энергию из внешней среды в количестве, компенсирующем ее уменьшение в системе» (А. Опарин). Так, «более активные особи, — писал И. Шмальгаузен, — лучше использующие ресурсы внешней среды для роста, жизни и размножения, вытесняют в процессе смены поколений менее активных особей. Более устойчивые особи, т. е. лучше противостоящие различным вредным влияниям, также вытесняют путем преимущественного размножения менее устойчивых особей. В обоих случаях более упорядоченные формы организации с более низким уровнем энтропии вытесняют менее упорядоченные формы организации с более высоким уровнем энтропии». Так, «сохранение вида достается ценой гибели подавляющей массы его представителей... Для противодействия энтропии хищник вынужден истреблять травоядных животных. На прирост одного кг биомассы хищника требуется съесть примерно 10 кг травоядных. Следовательно, хищник как «самоорганизующаяся система» живет за счет дезорганизации травоядных, вызывая эту дезор-

ганизацию в масштабе, оставляющем далеко позади масштаб собственной самоорганизации» (М. Камшилов).

Нетрудно продолжить этот ряд примеров увеличения адаптационных возможностей путем повышения уровня организованности за счет дезорганизации средовых систем: если эволюция биологических систем, организмов включает механизм борьбы за существование, то *сверхадаптация* общественного человека, «органа» самопознания Вселенной, осуществляется путем сверхактивного воздействия на среду (природную и социальную), включая *сверхборьбу за сверхсуществование* (лучшее существование). Думается, не надо напоминать, к чему сегодня привели «преобразования природы» (в том числе уничтожение тысяч видов растений и животных!). Что касается внутривидовой борьбы, то замечу лишь, что по весьма неполным подсчетам, с 3600 г. до н.э. по настоящее время (т. е. за 5590 лет) на Земле было всего 300 мирных лет, свыше 15 тыс. войн, унесших около 3,5 миллиардов человеческих жизней. С 1900 по 1980 г. в мире было 154 войны, стоившие человечеству свыше 100 млн. жизней. Какие хищники животного мира могут похвастаться столь массовым уничтожением сородичей? И ведь всего этого (не считая «мирных» кровавых побоищ, убийств, жертв революций и контрреволюций, «левого» и «правого» терроризма, массовых казней в прошлом и сохранения смертной казни в ряде государств современного мира) мало! К началу 1980-х годов мировые запасы ядерных боеприпасов в пересчете на обычную взрывчатку составили 10 т на каждого жителя Земли. Имеющегося в 1980 г. запаса ядерного вооружения достаточно, чтобы 27 раз полностью уничтожить население планеты. А ведь наращивание военного потенциала продолжается. Интересно, сколь еще будет продолжаться таким образом самоорганизация «венца творения»?..

В ряде работ я попытался подробнее раскрыть механизм эволюции адаптационных возможностей и рода человеческого, и человеческого общества в целом. Здесь же отметим лишь некоторые закономерности социального бытия, небезразличные для наших рассуждений.

В процессе антропосоциогенеза становится человеческое *общество* как «средство» адаптации физически малосильного человека в мире когтистых и клыкастых, а, в конечном итоге — «высшая форма, как писал В. Сагатовский, — развития негэнтропийной тенденции живой природы».

Общество как система в процессе саморазвития (= повышение уровня организованности) *дифференцируется* (через общественное разделение труда), следствием чего является социальное неравенство. Заметим, что все усложняющаяся дифференциация системы — неперенный при-

знак повышения уровня организованности. Так что коммунистическое «социально однородное общество» — либо утопия, либо неизбежный результат полной деградации системы (общества) накануне ее гибели...

Важнейшим адаптационным «средством» человечества помимо социальной организации служит *деятельность*. А ее стимулом — нужда, или неудовлетворенные потребности (воистину, гегелевская «хитрость мирового разума», провоцирующая человека на деяния!).

В процессе совместной человеческой деятельности по удовлетворению растущих потребностей (аппетит приходит во время еды!) формируется и совершенствуется неизвестный животному миру и специфический для людей *способ* жизнедеятельности — *культура*. Культура аккумулирует все адаптивные формы (способы) человеческой жизнедеятельности (неадаптивные элиминируются в процессе эволюции) и служит опять-таки специфическим для человека средством накопления, хранения и передачи (трансляции) информации, принимая на себя функции генетического наследования (Э. Маркарян). Если для остальных биологических видов основным механизмом эволюции служит естественный отбор, то для человека — развитие культуры, искусственного «генофонда» человечества (что, разумеется, не отменяет и генетического наследования биологических признаков).

Именно культура выступает продуктом собственно человеческой жизнедеятельности, «средством» осуществления функции человечества в мире и, тем самым, интегральным «способом» заполнения «экзистенциального вакуума». «Культура и есть выход из безвыходных перипетий человеческого бытия» (В. Библер). Более того, по мнению С. Великовского, «первично-сущностной клеточкой» всякого культуротворчества выступает *способ полагания смысла*. Ибо, «что такое культура... как не вновь и вновь, каждый раз и в каждом своем проявлении осознанно или непроизвольно предпринимаемая человеком попытка вскрыть и утвердить смысл человеческой жизни в соответствии его со смыслом сущего». Другое дело, что это лишь бесконечные попытки...

Если потребности людей (витальные, социальные, идеальные, по П. Симонову) относительно одинаковы, то возможности их удовлетворения принципиально не равны и зависят от места, занимаемого человеком (социальной группой) в структуре общества. Социальное неравенство служит источником активности, порождающей и высшие достижения человеческого духа и самые страшные преступления, а также «уход» неудачников в алкоголь, наркотики или — в петлю.

Иначе говоря, если естественная ограниченность средств удовлетворения потребностей приводит на биологическом уровне к борьбе за существование, то аналогом на социальном уровне выступает «борьба за лучшее существование». Естественная дифференциация биологических особей модифицируется в социальную дифференциацию как следствие общественного разделения труда. *Степень* (а иногда и сама возможность) удовлетворения потребностей становится *функцией* места индивида в социальной структуре. Социальное *неравенство*, осознаваемое как *несправедливость*, является важнейшим фактором, порождающим зависть и преступления, внутривидовую борьбу, войны и революции. Высшие социальные и идеальные потребности — в статусе, престиже, самоутверждении и др., не удовлетворенные посредством Творчества или иной легальной созидательной деятельности — удовлетворяются путем Насилия, Богатства, Власти (Т. Веблен). При этом насилие является самым простым, «первичным» средством самоутверждения, а власть и богатство — «вторичными», опосредованными. Надо ли говорить, что всякая революция против власти и насилия оканчивается новой властью и новым насилием (так что, по словам Х. Ортеги-и-Гассета, «каждая революция выдвигает пустую химеру более или менее полно осуществить какую-либо утопию. Эта попытка неизбежно проваливается»).

И, пожалуй, последнее в связи с обществом и закономерностями его развития. Мы уже знаем, что энтропия и неэнтропия, организация и дезорганизация, «добро» и «зло» идут рука об руку и что, увы! — побеждает отнюдь не добро. Разумеется, люди испокон века мечтают об обществе без зла, о счастливом обществе, о рае на Земле, о светлом будущем... И хотя, быть может, бесчеловечно разрушать эту веру (блажен, кто верует!), следует для сильных духом уяснить абсолютную ее утопичность. Принципиально невозможно создание общества без социальной патологии, без социального «зла», без борьбы и побежденных, как нельзя «отрезать» один полюс магнита, сохранив другой (получим два новых магнита, каждый с двумя полюсами), или же раскачивать маятник в одну только сторону (он тут же остановится). Попытки же осуществить царство Божие на Земле кончались до сих пор и не могут кончаться иначе впредь, как морем крови, еще большими мучениями и несчастьями — будь-то крестовые походы средневековья, гитлеровский «тысячелетний рейх» или же наше «светлое будущее»... *История — не сказка со счастливым концом.*

Итак, во-первых, существование Человека и Общества — лишь фрагмент, элемент, момент Единого мирового процесса самооргани-

зации материи. Во-вторых, человечество и общество конечны, преходящи, «смертны», как всё без исключения в этом лучшем из миров... В-третьих, существование каждой системы, включая человека, человечество, общество, возможно лишь за счет иных систем (человека — за счет других людей, природы, общества; общества — за счет человека, людей, природы, других обществ). За сверхорганизацию расплачиваемся насилием, жестокостью, тоталитаризмом и т.п. За Гегеля, Гете, Гейне человечество расплачивается Гитлером, Герингом, Гиммлером, за НТР и ЭВМ — Хиросимой и Чернобылем... В-четвертых, если и существует какой-то объективный «смысл» человеческого существования, то он не в идеальных фантомах, а в выполнении онтологических функций: негэнтропийной и «самопознания» Мира. В-пятых, онтологический трагизм бытия, заключающийся в конечности, смертности и индивидуального, и родового, и социального существования, усугубляется *социальным злом* (внутривидовой борьбой «на уничтожение», социальным неравенством, несправедливостью, завистью, нищетой и т.д., и т. п.). Ибо основной закон *социальности* — урвать побольше кусок от общественного пирога, меньше дать и больше взять (А. Зиновьев).

По ту сторону отчаяния...

*Настоящая человеческая жизнь
начинается по ту сторону отчаяния.
Ж.-П. Сартр*

*Человек небытия мужествен.
Его мужество — это мужество
быть, несмотря на ничто, а не
только несмотря ни на что.
А.Н. Чанышев*

«Несчастный? А почему, собственно говоря, вы вообще решили, что вы должны быть счастливы?... Почему вы вообще решили, что вы будете единственным счастливым исключением из всеобщего правила?». Это обращение к великому Гете в пьесе Н. Шмелева. И действительно — откуда убеждение, что человек рожден для счастья (как птица для полета...)? Как пропагандистский миф — другое дело. Но реальная жизнь очень далека от мифического счастья. Скорее уж, «человек рождается на страдания» (Иов) и «дни ... бегут скорее челнока и кончаются без надежды» (Иов). «И люди будут издыхать от страха и ожи-

даний бедствий, грядущих на вселенную» (Лк.). «И возвратится прах в землю, чем он и был» (Екклесиаст)...

Вся история человечества, история каждой человеческой жизни — муки, страдания, горе, несчастье. Правда, с искорками счастливых мгновений. Но суть — то ведь не в сведении баланса времени «счастливых» и «несчастливых» минут, часов, дней. Суть — в неизбывном онтологическом *трагизме* бытия: в его преходящести, *конечности*, смертности. Да еще, пожалуй, и в *заданности* существования: «Здесь я могу быть, но не хочу; там хочу, но не могу; и здесь, и там я несчастен» (Августин); «Не понимаю, что делаю: ибо не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то и делаю» (ап. Павел); и вообще, «Вашей долей было то, что вы ненавидели, и, что вы любили, не было вашей долей» (Будда).

Смертно все живое (и неживое тоже). Но человек — единственное существо, *осознающее* свою смертность (высшие животные нередко предчувствуют Нечто, что есть их смерть). Осознание обреченности (и заданности) суть *отчаяние*. Отчаяние как осознание трагичности бытия.

И *тщетно* человек мучительно бьется всю жизнь — осознанно или же нет — над *смыслом* своего существования.

Но человек, как правило, не в состоянии вынести обреченности, заданности, бессмысленности существования. И тогда — осознанно или же нет — он ищет утешение в радостях и развлечениях (*carpe diem!*), в религии или мистике, в «самоувековечении» (в творчестве, деяниях) или же в утопиях типа коммунизма: «эта милая сердцу угнетенных и обездоленных сказка о потерянном и возвращенном рае» (М. Киссель). Все это, с точки зрения автора — малицириста — есть *страусизм*.

Вопрос о смысле жизни — это и вопрос о *смерти*. Сам поиск смысла жизни — реакция на знание о смерти. «Осознание смертности — важнейший импульс человеческой активности» (О. Борецкий), страх смерти — источник философии, науки, искусства, вообще творчества (не в этом ли еще одна «хитрость мирового разума»: дать человеку *знание* своей смертности, чтобы побудить добросовестнее выполнять антиэнтропийную функцию?!). Томас Манн так объяснял творчество Льва Толстого: «Что же было всему основой? Плотский страх смерти». О страхе смерти как источнике искусства пишет академик Дмитрий Лихачев. И не является ли текст статьи, лежащей перед вами, уважаемые читатели, плодом подсознательного желания автора (скептика, малицириста, гордящегося своим не-страусизмом...) продлить бытие после смерти?!

Во всяком случае, единственно достойная «подготовка» к смерти — полнота жизни, раскрытие и реализация потенциалов, самоосуществление

в созидании. Как заметил великий знаток трагизма бытия и его абсурдности — Ф. Кафка: «Тот, кто познал всю полноту жизни, тот не знает страха смерти. Страх перед смертью — лишь результат *неосуществившейся* жизни».

И все же...

Достойная человека, осмысленная жизнь возможна лишь по *ту сторону* отчаяния, при полном и осознанном избавлении от иллюзий и надежд, жизнь — *Вопреки* (бренности и бессмысленности). Идея достойной и мужественной жизни «вопреки», «наперекор», без надежд и иллюзий наиболее плодотворно развивается французскими экзистенциалистами Ж.–П. Сартром, А. Камю, А. Мальро. В сопротивлении Судьбе, существовании «наперекор громадной тяжести судьбы» (А. Мальро) видят они долг Человека. Но такой Человек («человек небытия», по А. Чанышеву) — мужественный человек. «Он понимает, что всякая ситуация преходяща, он видит ничтожество всякой ситуации на фоне просвечивающего сквозь нее небытия, он смело смотрит вперед без надежды и отчаяния».

«Стоицизм — мировоззрение мужественных людей. Не все люди таковы», — возразил Ю. Булычев автору, выступившему с докладом в марте 1990 г. на заседании клуба «Сизиф». Да, конечно. Но ведь я и не претендую на *решение* проблемы. Моя задача — лишь попытаться *высветить* ее, представив некий ход авторских рассуждений. И только.

Non sequiter, или Рассудку вопреки

*Верую, ибо абсурдно.
Тертуллиан*

И еще несколько «вопреки». Пока и поскольку человек существует — вопреки обреченности и бессмысленности существования, но и именно в силу этой своей обреченности — нелишне помнить, что жизнь каждого — его *единственная* жизнь. И все, чем обладает человек, — это *время* собственного существования («Ибо жизнь моя есть день мой — и он именно мой день», — писал В. Розанов.) А отсюда — *самоценность* каждого мига бытия. Чем бесследнее исчезновение, чем ценнее каждое мгновение существования. И «ценность» индивидуального бытия человеческого определяется не столько его *длительностью*, сколько *наполненностью*.

Пока и поскольку человек существует, он сосуществует с себе подобными и «меньшими братьями» (вина наша перед которыми безмерна). Не пора ли оценить принцип *veneratio vitae* А. Швейцера? И дело не только в альтруизме и гуманизме, но и реализме, и эгоизме: благоговение перед жизнью — любой жизнью, включая свою собственную.

Пока и поскольку человек существует (и сосуществует), не есть ли основа нашего сосуществования — *сосочувствие обреченных*? Вспомним у Марины Цветаевой:

*Еще меня любите
За то,
Что я умру.*

И может быть, тогда — *Вопреки всему* — будет легче встретить Конец с мудрым пониманием: «*Достиг кончины, ради которой родился*». (Это уже Аристотель.)

«Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций²

Положение индивида в современном обществе становится центральной, ключевой проблемой.

Н. Луман

История криминологической мысли богата утверждениями зависимости состояния, структуры и динамики преступности от социальной структуры общества. Наиболее распространенным было мнение о преступности, как порождении бедности, малообразованности, а основным субъектом преступлений считались представители низших слоев общества, социального «дна» — малоквалифицированные рабочие, безработные, бездомные, алкоголики и т.п. Так постепенно сложилось представление об «опасном классе» (*dangerous class*). Этому немало способствовал некритический анализ *официальной* статистики: большинство так называемых «общеуголовных» или «уличных» (*street crime*) преступлений совершали представители низших страт³. Тогда как очень высокая латентность «беловоротничковой» преступности — экономической, должностной, коррупционной, политической, экологической, а также хорошо известная селективность полиции и уголовной юстиции — не позволяли в полной мере оценить масштабы преступлений представителей высших страт.

Как известно, Э. Сазерленд в 1939 г. впервые вводит в научный оборот понятие преступности «белых воротничков» (*white-collar crime*), понимая под ней вначале лишь респектабельную преступность власт-

ной и деловой элиты⁴. Позднее этот термин распространился на всю должностную и экономическую преступность, независимо от ранга чиновника или бизнесмена. Началось ее активное изучение⁵.

Девиантность проявляется через действия, поступки людей. Между тем, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических или витальных (в пище, питье, в укрытии от неблагоприятных погодных условий, в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); духовных или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

Потребности людей распределены относительно равномерно и имеют тенденцию к возрастанию. А возможности удовлетворения потребностей — различны, неравны. И хотя отчасти степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом или не очень), однако главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит социально-экономическое неравенство, занятие индивидом позиций различного уровня в социальной структуре общества (рабочий или предприниматель, фермер или банкир, школьный учитель или член правительства). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения (можно говорить о едином *социально-экономическом статусе*) индивида в решающей степени зависят возможности удовлетворять (более или менее полно) те или иные потребности.

Социальную структуру общества изображают обычно в виде пирамиды, верхнюю, меньшую часть которой составляет «элита» общества (властная, экономическая, финансовая, военная, религиозная и т.п.). Средняя — самая значительная по объему часть — «средний класс». В основании пирамиды, в ее нижней части располагаются низшие слои (малоквалифицированные и неквалифицированные рабочие, сельскохозяйственные наемные работники, так называемый «младший обслуживающий персонал»). За пределами официальной социальной структуры (а иногда в самом ее низу — все зависит от точки зрения

² Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. № 6. С. 69–77. А также: Гишинский Я. Глобализация, девиантность, социальный контроль. СПб: ДЕАН, 2009. С. 8–17.

³ См.: Gilinskiy Y. The Underclass in Today's Russia. In: A Dangerous Class: Scotland and St. Petersburg: Life on the Margin. Edinburgh, /1998/. pp.99–108.

⁴ Подробнее см. более позднюю работу Сазерленда: Sutherland E. White-Collar Crime. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1983.

⁵ См., например: Coleman J. The Criminal Elite: The Sociology of White Collar Crime. New York: St. Martin's Press, 1985; Podgor E. White Collar Crime in a Nutshell. St. Paul (Minn.): West Publishing Co, 1993.

исследователя) находятся аутсайдеры, изгои (бездомные, безработные, лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией, опустившиеся проститутки и т.п.). Ясно, что чем ближе к вершущке пирамиды располагаются позиция и занимающий ее индивид, тем больше возможностей для удовлетворения потребностей, чем дальше от вершины и ближе к основанию, тем меньше таких возможностей. При этом распределение индивидов по тем или иным социальным позициям («местам») обусловлено, прежде всего, независимыми от них (индивидов) факторами — социальным происхождением, принадлежностью к определенному классу, слою, группе, и лишь во вторую очередь — личными способностями, дарованием, талантом.

Со временем кастовая или средневековая жесткость социальной структуры ослабевает, социальная мобильность растет («каждый простой американец может стать президентом»), однако статистически зависимость от социальной принадлежности остается. В современном обществе одним из важнейших дифференцирующих признаков является наличие высшего образования. Как заметил Т. Парсонс, человечество делится на две части: окончивших колледж, и тех, кто его не заканчивал. Между тем, стартовые возможности выпускника российской сельской школы и элитной московской или петербургской гимназии различны, также как стартовые возможности выходца из рабочей или профессорской семьи.

Социально-экономическое неравенство появилось как следствие общественного разделения труда, значение которого для развития общества трудно переоценить. При этом следует отметить ряд обстоятельств.

Во-первых, одним из важнейших критериев развития системы (в нашем случае — общества), повышения уровня ее организованности служит *дифференциация*, усложнение структуры, повышение разнообразия составляющих ее элементов. Закон необходимого разнообразия У. Эшби действует и в социальном мире. Вообще дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия.

Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает и социально-экономическое неравенство, различия (и весьма существенные) в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать *зависть, неудовлетворенность, социальные конфликты, протестные реакции, принимаю-*

щие форму различных девиаций. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»⁶.

Во-вторых, главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и идеальных потребностей, а *степень различий*, «разрыва» в возможностях их удовлетворения. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении. На это в свое время обратил внимание еще К. Маркс: «Как бы ни был мал какой-нибудь дом, но, пока окружающие его дома точно также малы, он удовлетворяет всем предъявляемым к жилищу общественным требованиям. Но если рядом с маленьким домиком вырастает дворец, то домик съезживается до размеров жалкой хижины». Более того, «как бы ни увеличивались размеры домика с прогрессом цивилизации, но если соседний дворец увеличивается в одинаковой или же еще в большей степени, обитатель сравнительно маленького домика будет чувствовать себя в своих четырех стенах еще более неуютно, все более неудовлетворенно, все более принижено»⁷. Так что по-своему правы были наследники Маркса, возводя «железный занавес» вокруг нищего населения СССР и выпуская за его пределы только самых проверенных, надежных, «идейных» или зависимых... Социальная неудовлетворенность, а, следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе — незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными — по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности (ломка «перед лицом смерти всех иерархических перегородок»⁸), наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств⁹.

На роль социально-экономического неравенства в генезисе преступности обращали внимание еще в XIX в. Так, по мнению Турати, «классовые неравенства в обществе служат источником преступле-

⁶ Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 375.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 446.

⁸ Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981. С. 198.

⁹ Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 306–310, 449–459; Podgórecki A. Patologia życia społecznego. Warszawa, 1969.

ний.... Общество со своими неравенствами само является соучастником преступлений»¹⁰. Принс «главной причиной преступности считает современную систему распределения богатства с ее контрастом между крайней нищетой и огромными богатствами»¹¹. С точки зрения Кетле, «неравенство богатств там, где оно чувствуется сильнее, приводит к большому числу преступлений. Не бедность сама по себе, а быстрый переход от достатка к бедности, к невозможности удовлетворить всех своих потребностей ведет к преступлению»¹². Д. Белл пишет, что человек с пистолетом добывает «личной доблестью то, в чем ему отказал сложный порядок стратифицированного общества»¹³.

Интересные результаты были получены в исследовании под руководством А.Б. Сахарова социальных условий в двух регионах России: «было установлено, что более неблагоприятное состояние преступности имеет место в том из сравниваемых регионов, где материальный уровень жизни населения по комплексу наиболее значимых показателей (средняя заработная плата, душевой денежный и реальных доход и т.д.) лучше, но зато значительнее контрастность (коэффициент разрыва) в уровне материальной обеспеченности отдельных социальных групп... Иными словами, состояние преступности коррелировалось не с уровнем материальной обеспеченности, а с различиями в уровне обеспеченности: с размером, остротой этого различия»¹⁴. Исследование преступности в динамике за ряд лет подтвердило зависимость уровня преступности от увеличения/уменьшения разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения»¹⁵.

Степень неравенства, разрыва между элитой и аутсайдерами лишь отчасти оценивается такими экономическими показателями как фондовый или децильный коэффициент дифференциации (соотношение доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных слоев населения) и коэффициент концентрации доходов — индекс Джини»¹⁶.

¹⁰ Гернет М.Н. Там же. С. 111.

¹¹ Там же. С. 119.

¹² Там же. С.375.

¹³ Белл Д. Преступление как американский образ жизни. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 267.

¹⁴ Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / ред. А.Б. Сахаров. М., 1979. С. 29–30.

¹⁵ Коробейников Б.В., Селиванов Н.А., Скворцов К.Ф. Изучение факторов, влияющих на изменение уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1982. № 1.

¹⁶ Подробнее о социально-экономическом неравенстве в современной России см.: Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / ред.

В—третьих, все более тревожным и криминогенным представляется наблюдающееся с конца XX в. общемировое углубление степени социально-экономического неравенства обществ и социальных групп.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 60–х гг. как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими»¹⁷. Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей»¹⁸. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «Рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может в конечном счете породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»¹⁹.

Процессы глобализации конца XX в. — начала XXI в. лишь обострили проблему принципиального и устойчивого (более того, увеличивающегося) экономического и социального неравенства как стран, так и различных страт («классов») внутри них.

Процесс «*inclusion/exclusion*» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX в.: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего — Я.Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые

И. Рывкина. М.: Референдум, 2003. См. также: Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8. С. 73– 78.

¹⁷ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т.П. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140–156.

¹⁸ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

¹⁹ Погам С. Указ. соч. С. 147.

будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра;... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние»²⁰.

Аналогичные глобальные процессы применительно к государствам отмечает отечественный автор, академик Н. Моисеев: «Происходит все углубляющаяся стратификация государств... Теперь отсталые страны "отстали навсегда"!... Уже очевидно, что «всего на всех не хватит» — экологический кризис уже наступил. Начнется борьба за ресурсы — сверхжестокая и сверхбескомпромиссная... Будет непрерывно возрастать и различие в условиях жизни стран и народов с различной общественной производительностью труда... Это различие и будет источником той формы раздела планетарного общества, которое уже принято называть выделением "золотого миллиарда". "Культуры на всех" тоже не хватит. И, так же как и экологически чистый продукт, культура тоже станет прерогативой стран, принадлежащих "золотому миллиарду"»²¹.

Об этом же пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике, и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах»²². При этом «если стране не удастся стать частью мировой экономики, то чаще всего за этим кроется неспособность ее правительства выработать разумную экономическую политику, повысить уровень образования и здравоохранения, но, самое главное, — отсутствие правового государства»²³.

²⁰ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94–108.

²¹ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 360, 447.

²² Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. М.: George C. Marshall, European Center for Security Studies, 2003. С. 30.

²³ Купер Р. Там же. С. 31.

Надо ли говорить, что Россия не входит в группу стран «золотого миллиарда»?... По классификации И. Уоллерстайна (Центр, Периферия, Полупериферия), Россия относилась им к Полупериферии, «хотя есть уже немало признаков того, что она деградирует в направлении Периферии»²⁴.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается в одной из последних книг З. Баумана. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. Это — длительное время безработные, мигранты, беженцы и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»²⁵. И в условиях глобализации, беспримерной поляризации на «супер-класс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда» (это перекликается с вышеприведенным высказыванием Н. Моисеева: «Теперь отсталые страны "отстали навсегда"»²⁶). Применительно к России идеи Баумана интерпретируются О.Н. Яницким: «За годы реформ уже сотни тысяч жителей бывшего СССР стали "отходами" трансформационного процесса, еще многие тысячи беженцев оказались в России без всяких перспектив найти работу, жилье и обрести достойный образ жизни. Для многих Россия стала "транзитным пунктом" на пути в никуда»²⁷.

Совершенно очевидны социальные следствия процесса «включения / исключения». **Именно «исключенные» составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности (алкоголизм, наркотизм, терроризм, проституция и др.).** Так, «отчаяние молодых перед будущим, которое им кажется безысходным, лежит в основе делинквентного поведения, нарушений общественного порядка, столкновений с полицией»²⁸. «Исключенность» как основа терроризма была показана нами ранее²⁹.

²⁴ Pro et Contra. Проблемы глобализации. 1999. Т. 4, № 4. С. 227

²⁵ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5–7.

²⁶ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 360, 447.

²⁷ Яницкий О.Н. Модерн и его отходы // Социологический журнал. 2004. № 1/2. С. 205.

²⁸ Погам С. Указ. соч. С. 150.

²⁹ Гилинский Я.И. Терроризм: понятие, сущность, перспективы // Труды Санкт-Петербургского Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. № 5. 2003. С. 66–70; Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 248–255.

Неудивительно, что мировая криминология активно обсуждают процесс «inclusion/exclusion», как один из источников преступности³⁰.

Некоторые криминогенные и девиантогенные факторы глобализации представлены В.В. Лунеевым (который совершенно верно воспринимает глобализацию как объективную данность, не зависимо от того, нравится нам это или нет)³¹.

1. *Проблема занятости*. Глобалисты говорят о «концепции 20:80»: в XXI веке будут заняты всего 20 % населения, а 80 % окажутся «лишними». С нашей точки зрения, это парафраз концепции «inclusion/exclusion». Если 80 % населения окажутся безработными, без средств к существованию, то это — огромный резерв девиантности, включая преступность.

2. *Проблема рынков финансовых спекуляций*. Свыше 80 % финансового капитала не имеют реального материального наполнения. Это «рынок игроков в рулетку». Финансовый крах будет все чаще сотрясать «исключенные» страны, не входящие в «золотой миллиард» (примеры тому — российский дефолт 1998 г., финансовые проблемы стран Восточной Азии и др.).

3. *Существенное снижение возможностей национальных правительств в управлении обществом и в обеспечении социального контроля над преступностью*. Как известно, эта тенденция отмечается криминологами со второй половины минувшего столетия («кризис наказания» и иные аналогичные подходы). О скептицизме в отношении способности современных государств поддерживать общественный порядок говорит и один из крупнейших социологов И. Уоллерстайн³². Напомним, что другой столп современной социологии Н. Луман также считает: «Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля».

Итак, «класс», т.е. принадлежность индивида к той или иной социальной группе — классу, страте, слою, касте, иначе говоря — социально-экономический статус, существенно определяет вероятность тех

³⁰ Finer C., Nellis M. (Eds.) Crime and Social Exclusion. Blackwell Publishers Ltd., 1998; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.

³¹ Лунеев В.В. Терроризм и организованная преступность: национальные и транснациональные аспекты // Организованная преступность, терроризм и коррупция. Криминологический ежеквартальный альманах. 2003, № 2. С. 21–39.

³² Wallerstein I. Globalization or the age of transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. V. 15. 2000. N 3. p. 263.

или иных девиаций. Но, во-первых, только *вероятность* (а не фатальную необходимость). Во-вторых, нет какого бы то ни было «криминального» класса (группы). Как уже говорилось, идея «опасного класса» родилась в западной криминологии на основе данных уголовной статистики о социально-демографическом составе лиц, совершивших преступления, при этом не учитывалась «беловоротничковая» преступность, не говоря уже о других видах девиантности — потреблении «престижных» наркотиков (кокаина), злоупотреблении алкоголем, нарушении моральных норм и т.п. Другими словами, **различные виды девиантности в относительно большей степени распространены среди различных классов, страт.**

Интересные данные о распределении различных преступлений между разными группами населения в Австрии, Германии, России, Франции приводил еще М.Н. Гернет в работе 1914 г. Один из его выводов: «Класс состоятельных, не зависимо от профессионального состава, обнаруживая такую склонность к мошенничествам, чувствует отвращение к таким нарушениям права собственности, при совершении которых преступник действует открыто, смело и дерзко... Эта психологическая особенность преступности богатых, всегда предпочитаящих совершить преступление при помощи менее грубых способов, но вместе с тем и более изощренных, с соблюдением внешнего декора приличия, и во всяком случае втихомолку, обнаруживается даже в убийствах с корыстной целью: рабочий превращается в разбойника, экспроприатора, состоятельный — в отравителя: один прибегает к ножу, другой к шприцу врача, к бокалу вина»³³.

Данные по России, представленные в таблице, позволяют сделать как минимум два вывода: различные виды преступлений преобладают в разных социальных группах; постоянно возрастает удельный вес «исключенных» — лиц без постоянного источника доходов, безработных.

С нашей точки зрения, наибольшую криминогенную опасность представляют сегодня два контингента: растущая масса «исключенных», *маргиналов* и развращенная *коррумпированная властная элита*.

Для полноты картины следует заметить, что социальная дифференциация, социально-экономическое неравенство и наличие аутсайдеров, «исключенных» служат... источниками прогресса и двигателями истории. Существование социальных групп разной степени удовлетворенности наличным бытием, конкуренция, рынок труда (с

³³ Гернет М.Н. Избранные произведения. Указ. соч. С. 277–287.

[illegible]

Доля (в %) различных социальных групп в структуре преступности в России (1987–2001)

	1993						2001					
	Убийства (с покуш.)	Изнасилование (с покуш.)	Кражи	Разбой	Растрата, присвоение	Взяточничество	Убийства (с покуш.)	Изнасилование (с покуш.)	Кражи	Разбой	Растрата, присвоение	Взяточничество
Рабочие	30,5	31,8	27,9	19,0	35,5	16,4	17,3	23,8	19,1	13,6	53,8	16,8
Служащие	2,8	1,9	1,5	1,4	29,2	43,9	1,6	1,7	0,6	1,2	22,3	43,2
Работники сельского хозяйства	4,1	5,7	5,1	1,2	8,4	1,8	0,8	1,7	2,3	0,3	5,7	0,6
Учащиеся	1,5	9,1	11,0	9,5	—	2,7	3,6	9,6	9,8	9,6	—	4,1
Предприниматели (без образования юридич. лица)	2,1	2,4	1,3	2,1	2,9	6,1	0,6	0,8	0,2	0,7	1,3	5,8
Лица без постоянного источника дохода	39,8	37,7	42,3	57,9	—	6,8	66,8	57,9	64,4	69,9	—	15,1
Безработные	3,5	2,7	3,5	3,6	—	0,2	6,3	6,1	6,7	5,6	—	2,0

Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор³⁴

Каждый человек имеет право жить так, как хочет, если уважает права других.

Д. Боуз

Право и экономика не вполне сходятся по всем вопросам.

Р. Познер

Преступность, как и иные виды девиантности, — суть социальный конструкт³⁵. Уже поэтому единственная «причина» преступности — воля «конструктора» — законодателя и порожденный ею уголовный закон (это понимали еще древние римляне: *ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* — преступления возникают из сенатских и народных решений).

Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «преступен» сам по себе, по своему *содержанию*, независимо от социального контекста. Так, «преступное» употребление наркотиков, в частности производных каннабиса, было допустимо, «нормально» во многих азиатских странах, да и в современных Нидерландах; широко распространенное легальное потребление алкоголя — незаконно, преступно в странах мусульманского мира; легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Голландии; умышленное причинение смерти — тягчайшее преступление (убийство), но и ... —

³⁴ Российский криминологический взгляд, 2009, №3. А также: Гилинский Я. Девиантность, преступность и социальный контроль в «Новом мире». СПб: Алеф-Пресс, 2013. С. 34–56.

³⁵ Подробнее см.: Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб, 2009. С. 37–44; Он же. Конструирование преступности. В: Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией. Саратов, 2009.

подвиг в отношении противника на войне. И даже изнасилование может быть деянием легальным, обычным: феодальное *jus prima noctis* или обряд инициации девушек в некоторых обществах.

Вместе с тем ясно, что, во—первых, уголовно—правовой запрет «имеет основания»: есть виды деятельности, подлежащие запрету ради существования и благополучия других людей и общества в целом (убийство, различные виды насилия, кражи, грабежи, разбои и некоторые иные действия). Другое дело — каков объем (перечень) действительно опасных деяний. Во—вторых, пока и поскольку существует то, что законодателем определено как «преступление», существуют и факторы, влияющие на состояние и динамику преступности и ее видов (помимо изменения самого уголовного закона). Отчасти представление о том, что существуют деяния объективно вредные для общества и деяния, сконструированные как «преступления» законодателем, отражено в зарубежной литературе в виде деления на *mala in se* (зло как таковое) и *mala prohibita* (зло запрещенное)³⁶.

На протяжении многовековой истории криминологии назывались и исследовались десятки криминогенных факторов: экономические, политические, демографические и даже космические. Наряду с этим все больше криминологов и представителей других общественных наук склонялись в пользу *социально—экономического неравенства* как одного из главных (наиболее значимых) криминогенных факторов. Придерживается этого взгляда и автор³⁷.

Анализу *объективных* криминогенных (вообще девиантогенных) факторов (от социально—экономического неравенства до солнечной активности) посвящено немало трудов³⁸. Между тем в криминологии почти не исследовался такой «объективно—субъективный» фактор как сам уголовно—правовой (административно—правовой, гражданско—правовой, моральный) *запрет*. Хотя в целом ряде случаев

³⁶ Burke R. An Introduction to Criminological Theory. Third Edition. Willan Publishing, 2009, pp. 5–7; Hagan F. Introduction to Criminology. Theories, Methods, and Criminal Behavior. 6th Edition. SAGE Publications, 2008, pp. 8–9.

³⁷ Гилинский Я. Криминология. Указ. соч. С.184–193; Он же. Генезис преступности. Проблема причинности в криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права 2007. СПб ГУ, 2008. С. 382–398.

³⁸ См., например: Burke R. Ibid.; Grover Ch. Crime and Inequality. Willan Publishing, 2008; Hagan F. Ibid; Maguire M., Morgen R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007; White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005; etc.

именно он выходит на первое место в так называемом «причинном комплексе».

В одной из своих работ я писал: «Следует постоянно иметь в виду некоторую двусмысленность, "шизофреничность" объяснения преступности. С одной стороны, рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя по конструированию "преступности". С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой жизнедеятельности (убить или ранить другого, завладеть имуществом другого, обмануть другого с выгодой для себя и т.д.), возможно выявление факторов, условий, обстоятельств, при которых эти виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме»³⁹. До сих пор максимальное внимание уделялось второму проявлению шизофреничности (поиск объективных криминогенных факторов). Между тем представляется немаловажным обратиться к первому проявлению шизофреничности — действиям творцов правовых (да и моральных) запретов — законодателя, политиков, к общественному мнению — и их *последствиям*.

Это весьма обширное исследовательское поле лишь отчасти вспахиваемое при анализе субъектов и процесса *конструирования* преступности (наркотизма, коррупции, терроризма, проституции и т.п.)⁴⁰. Вместе с тем, насколько мне известно, в криминологической литературе почти не рассматривается роль *запрета* как значимого криминогенного фактора.

Попробуем разобраться в этом.

Будем надеяться, что магистральный путь развития человечества, при всех поворотах и зигзагах истории, — расширение степеней *свободы каждого* индивида. «Общий вектор развития человеческой цивилизации в тенденции можно определить как расширение степеней свободы человеческой деятельности в пределах ограничений, заданных состоянием среды обитания»⁴¹. Человек — в тенденции —

³⁹ Гилинский Я. Генезис преступности... Указ. соч. С. 384.

⁴⁰ Гилинский Я. Конструирование девиантности: проблематизация проблемы. В: Девиантное поведение и интернет (опыт социологического анализа). М., 2008; Он же. Конструктивизм в современной криминологии // Криминалист №1 (4), 2009; Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004; Maguire M., Morgen R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179–337.

⁴¹ Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. М., 2009. С. 83.

стремится к максимальной самореализации, самоутверждению в творчестве, труде, досуге, быту. И если на пути такой самореализации возникают социально нормируемые препятствия (закон, мораль, обычай, традиция), люди либо смиряются с требованиями общества, либо нарушают их. Выбор вариантов поведения зависит от ряда объективных и субъективных обстоятельств: насколько значима для индивида деятельность, нарушающая социальные нормы данного общества; в какой степени общество обеспечивает легальные условия для самореализации, самоутверждения; каковы санкции за нарушение и вероятность подвергнуться таковым; насколько обоснованы социальные запреты здесь и сейчас; существует ли противоречивость самих социальных норм (право — обычай, право — мораль), и если — да, то какие из запретов (правовые, моральные) более значимы для индивида, и др.

Вообще, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условиях, сексуальных или в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); духовных или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям). Эмпирически установлено, что наибольшие «девиантогенные» риски таятся в неудовлетворенности *социальных* потребностей. Это, прежде всего, относится к насильственным действиям, а также к ретретистским формам девиантности — пьянству, наркотизму, самоубийствам.

Обозначенная Э. Фроммом дилемма «иметь» или «быть»⁴², не так проста для решения. Конечно, престижно в мире, погрязшем в потреблении, Быть вопреки «иметь». Но существует более сложная, более «интимная» взаимосвязь между «иметь» и «быть». К сожалению, чтобы «быть», надо что-то «иметь». Для самого высокого Быть (творцом, ученым, художником, поэтом) необходимо нечто Иметь — минимально приличное жилье, приемлемую пищу, средства для приобретения книг (полотна, красок), а сегодня еще и компьютера, средства на лечение, когда под угрозой самое «быть» и т.д., и т.п. А еще для того, чтобы когда-нибудь «быть», надо получить приличное образование, вооружиться знанием языков. А в сегодняшнем глобализирующемся мире

⁴² См.: Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.

и покататься по свету весьма желательно для творчества. Кроме того, есть еще такие недалекие, несознательные, ущербные люди, которые несмотря ни на что предпочитают *иметь*. И как можно больше, и как можно гламурнее... И несть числа этим людям, в отличие от бытийствующего меньшинства...

Поэтому презираемое, но совершенно необходимое «иметь» ведет нас к проблемам экономики. А уж в этой сфере свобода или несвобода предпринимательства, степень такой свободы, равно как и возможности *иметь* потребителям — вопрос вопросов. И оказывается, что в сфере экономической жизни любой запрет, любое ограничение порождает их нарушения — от аморальных поступков до преступных деяний. Обратимся к экономистам, которые широко обсуждают проблему «теневой (нелегальной)» экономики⁴³.

Во-первых, «с юридической точки зрения, теневой экономикой можно называть *экономические процессы, вступающие в противоречие с правовыми нормами*»⁴⁴. Иначе говоря, юридически теневая экономика — *shadow economy* (она же «неформальная экономика» — *informal economy*, она же «подпольная экономика» — *underground economy*, она же «скрытая экономика» — *hidden econome*, она же «вторая экономика» — *second economy*, она же «черная» или «серая» экономика — *black, gray economy*) это нелегальная экономика, действующая вне правового поля или вопреки ему.

Во-вторых, «сама теневая экономическая практика приобрела систематический характер только на определенном этапе экономического прогресса — в ответ на усилившиеся в XX в. претензии государства все в большей степени контролировать и регулировать рыночные операции»⁴⁵. Опрос американцев Институтом Гэллага в 1995 г. показал, что, по мнению большинства, «федеральное правительство стало настолько огромным и могущественным, что представляет собой

⁴³ Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход // Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М., 2003; Бурова Н.В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб, 2006; Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000; Латов Ю.В., Ковалев С.Н. Теневая экономика. М., 2006; Теневая экономика — 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности / ред. Л.М. Тимофеев. М., 2008; Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория — анализ — модели. М., 2008.

⁴⁴ Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория — анализ — модели. М., 2008. С. 31.

⁴⁵ Тимофеев Л.М. Там же. С. 13–14.

угрозу правам и свободам простых граждан»⁴⁶. Вам это ничего не напоминает, уважаемый читатель?

В–третьих, «в последние десятилетия теневая экономика приобрела во всем мире небывалый размах»⁴⁷.

В–четвертых, «причину этого явления следует искать не в глобальном падении нравов, но в стремлении правительств и легального бизнеса поставить как можно более жесткие правовые и институциональные рамки для любой экономической практики — настолько жесткие, что подчас элементарная предпринимательская инициатива оказывается вне закона... Рациональная система теневых экономических отношений есть прямая и неизбежная реакция на обременительные для бизнеса экстерналии — в частности, на стремление государства зарегулировать рынки тех или иных товаров, пользующихся спросом»⁴⁸.

Поэтому, в–пятых, именно в России «в парламентских кабинетах и на обочинах больших дорог, в банках и офисах таможенных терминалов, в сибирских лесах и в водах дальневосточных морей, в милиции, в суде, в больнице, даже в церкви, даже на кладбище — теневые экономические обмены происходят повсюду и охватывают самые различные социальные и профессиональные категории российских граждан»⁴⁹. Так, по официальным статистическим данным, на конец 2009 г. — начало 2010 г. доля теневой экономики в России составляет примерно 20%. Об этом заявил руководитель Федеральной службы государственной статистики Александр Суринов в интервью «Российской газете». По мнению Суринова, существует несколько форм теневой экономики: производство товаров и услуг, которые запрещены к производству и реализации на территории страны; скрытое производство, при котором скрываются его размеры, чтобы уйти от налогов, или от исполнения трудового законодательства; так называемая неформальная легальная деятельность (например, репетиторство); личные подсобные хозяйства населения и все, что производится внутри семьи для себя (сельскохозяйственная продукция, строительство для себя и т.п.). Поскольку все эти виды теневой экономики не поддаются точному учету, есть основания полагать, что теневой сектор составляет более названных 20%.

Экономисты не перестают подчеркивать, что преступная, правонарушающая, девиантная деятельность поддается такому же

⁴⁶ См.: Боуз Д. Либертарианство. История, принципы, политика. М., 2004. С. 1.

⁴⁷ Тимофеев Л.М. Там же. С. 12.

⁴⁸ Тимофеев Л.М. Там же. С. 12, 18.

⁴⁹ Тимофеев Л.М. Там же. С. 9.

экономическому анализу, как и любая человеческая деятельность (напомним — направленная на удовлетворение потребностей). Во всяком случае, если это — *рациональная* деятельность, а не поступки психически нездорового человека. «Экономический подход исходит из посылки, что преступная деятельность — такая же профессия, которой люди посвящают полное или неполное рабочее время, как и столярное дело, инженерия или преподавание. Люди решают стать преступниками по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами или учителями, а именно потому, что они ожидают, что "прибыль" от решения стать преступником — приведенная ценность всей суммы разностей между выгодами и издержками, как неденежными, так и денежными, — превосходит "прибыль" от занятия иными профессиями»⁵⁰.

Для дальнейших рассуждений оговоримся: во–первых, социологам и криминологам известно, что в действительности не все так просто. Имеется множество факторов — большей или меньшей «силы» («веса»), влияющих на девиантное, включая криминальное, поведение людей, социальных групп, сообществ⁵¹. Во–вторых, далее мы сознательно сужаем проблему до рассмотрения одного вопроса — роль юридического *запрета* как одного из криминогенных (деликтогенных, девиантогенных) факторов. Кроме того, существует огромное число проявлений теневой экономики⁵². В рамках нашей темы будут затронуты лишь немногие из них.

Торговля алкоголем

Надо ли напоминать, что *потребление* алкоголя присуще человечеству с древнейших времен и далеко не всегда приводит к злоупотреблению, включая зависимость (*addiction*) — *алкоголизм* как заболевание. Более того, некоторые виды алкоголя в определенных дозах рекомендуются врачами в медицинских целях (например, 30 г. водки в день для профилактики сердечно–сосудистых заболеваний, бокал красного сухого вина в сутки при гипотонии и др.).

⁵⁰ Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. Т. 1. Вып. 1. 1993. С. 33–34.

⁵¹ Это хорошо показано в: Калягин Г.В. Экономический анализ криминального поведения. В: Экономическая школа. Аналитическое приложение. № 3. 2006. С. 91–124.

⁵² Обзор многочисленных классификаций (по разным основаниям) представлен в: Бурова Н.В. Указ. соч. С. 9–47; Тимофеев Л.М. Указ. соч. С. 30–37.

Потребление алкогольных изделий, как и *все* сохранившиеся в процессе эволюции виды человеческой жизнедеятельности, выполняет определенные социальные функции — седативную, психостимулирующую, интегративную, престижно—статусную и др.⁵³ Для некоторых — это радость человеческого общения, для других — уход от мерзостей бытия. Нужно ли запрещать легальную торговлю алкогольными изделиями ради удовлетворения нравственного чувства некоторого (как правило, незначительного) меньшинства пуритан? Я сейчас не говорю о некоторых разумных ограничениях и запретах: продажи алкогольных изделий детям и подросткам, вовлечения их в потребление алкоголя и т.п.

Накоплен значительный мировой опыт ограничения или запрещения легальной торговли алкогольными изделиями и последствий таких запретов. Через так называемый «сухой закон» прошли многие страны: Исландия (1912–1923), Норвегия (1919–1926), Финляндия (1919–1932), некоторые регионы Канады (начало XX века). Однако распространившиеся в годы запрета торговли алкоголем контрабанда и самогонование каждый раз заставляли правительства отменять «сухой закон». Так, в Финляндии контрабандисты в годы запрета ежегодно ввозили в страну до 6 млн. литров спирта.

Ограничения в торговле алкоголем существовали в Швеции с 1865 г., а некоторые действуют до сих пор, в частности, монополия принадлежит одной единственной компании.

Наиболее известен по негативным последствиям «сухой закон» в США (1920–1932). Именно на его основе родилось массовое бутлегерство — нелегальная продажа алкоголя преступными организациями. К концу 20–х годов их доход достиг 2 миллиардов долларов в год. С отменой «сухого закона» криминал перепрофилировался на торговлю наркотиками...

Многочисленно запрещалась или ограничивалась торговля алкоголем в России — СССР: в 1914 г., 1917 г., 1919 г. Надо ли говорить, что все эти попытки запретить алкопотребление заканчивались провалом. Равно как «полусухой закон» 1985 года. Несмотря на улучшение некоторых демографических показателей, массовое самогонование и потребление заменителей — от одеколона и лосьонов до жидкости для чистки окон и тормозной жидкости — привели к провалу компании. Автор этих строк своими глазами видел в 1986 г. объявление в одном из сель-

⁵³ См.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд. СПб., 2007. С. 287, 307–322.

ских магазинов Ленинградской области: «Продажа питьевого одеколона производится с 16 часов»...

В настоящее время полный запрет на производство и продажу алкоголя существует лишь в ряде стран мусульманского мира (Иран, Египет, ОАЭ, штаты Бомбей и Мадрас в Индии). Но там это имеет рациональное основание в виде массового религиозного сознания мусульманского населения.

Является ли массовая алкоголизация населения злом? Да, конечно. Но антиалкогольная политика должна включать хорошо продуманную систему мер социального, экономического, воспитательного характера.

Вместе с тем *запрет* на продажу алкогольных изделий — безусловно *криминогенный фактор*, провоцирующий контрабанду, подпольное изготовление алкоголя, нередко грозящего здоровью и жизни людей (фальсификат), самогонование, и создающий поле деятельности организованной преступности.

Наркотики

Проблема торговли наркотиками одна из наиболее острых и дискуссионных в современном мире. Надо ли напоминать, что власти и правоохранительные органы России придерживаются политики безусловного запрета потребления и торговли наркотиками и уголовной ответственности за любые действия, связанные с наркотиками: незаконное изготовление, переработка, приобретение, сбыт, хранение, перевозка, пересылка наркотических средств и психотропных веществ, культивирование наркосодержащих растений и др. — ст. ст. 228–234 УК РФ. Венцом этой политики стало предложение мэра Москвы Ю.М. Лужкова ввести смертную казнь за торговлю наркотиками.

Между тем наркотики сопровождают человечество всю известную историю. Еще «отец истории» Геродот описывал употребление древними египтянами производных каннабиса, а «отец медицины» Гиппократ использовал опий в медицинской практике. О снотворном действии опия упоминается в Шумерских таблицах, т.е. 6 тысяч лет назад. Раскопки в Перу и Эквадоре свидетельствуют об употреблении листьев коки около 2300 лет назад. Очевидно, человеку, как и некоторым животным (вспомним кошку и валерьянку, собаку, которая что-то откопала в лесу и «ловит кайф», валяясь на спине), присуще стремление изменять психику с помощью каких-либо средств — будь то наркотики,

алкоголь, токсические вещества, табак или же крепкий чай (включая «чифир»), крепкий кофе и т.п.

Долговечность наркопотребления, как и любого социального «зла», свидетельствует о том, что оно выполняет вполне определенные *социальные функции*. Как и алкоголь (который тоже является наркотиком, различия между ними не в характере воздействия на центральную нервную систему, а в юридической оценке), наркотики выполняют функции анестезирующую (снятие или уменьшение боли), седативную (успокаивающую, снижающую напряжение), психостимулирующую (наряду с чаем или кофе), интегративную (наряду с табаком; вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков может служить формой социального протеста, средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из них — «элитарных», «престижных» (например, кокаина) играет престижно-статусную роль. Другое дело, что *за все приходится платить*, и потребители наркотиков или иных психотропных веществ расплачиваются здоровьем, потерей работы, учебы, семьи, жизнью.

В наркомании видят бегство не только от жестоких условий существования (Р. Мертон, Дж. Макдональд, Дж. Кеннеди и др.), но и от всеобщей стандартизации, регламентации, запрограммированности жизни в современном обществе (Ж. Бодрийар).

«Наркотики сами по себе не составляют сущности проблемы. Злоупотребление ими — это симптом глубоких противоречий, с которыми сталкивается личность в попытках преодолеть стрессовые жизненные ситуации, в поисках положительных межличностных контактов в виде понимания, одобрения, а также эмоциональной и социальной поддержки. При их отсутствии наркотики выполняют роль своеобразных костылей, которые, к сожалению, не лечат, а калечат»⁵⁴. Это высказывание лишний раз показывает, как недостаток «позитивных санкций» (одобрения), эмоциональной поддержки приводит к ситуации, которую пытаются «исправить» негативными санкциями.

На личностном уровне «уход» в наркотики (равно как в пьянство или тотальный уход из жизни — самоубийство) — результат, прежде всего, *социальной неустроенности, исключенности (exclusion)*, неблагополучия, «заброшенности» в этом мире, утраты или отсутствия смысла жизни. «Если у человека нет смысла жизни, осуществление

⁵⁴ Линг Дж. Общие проблемы наркомании: анализ и перспективы // ИМПАКТ, 1985. С. 98.

которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов»⁵⁵.

Государственная политика и общественное мнение по отношению к наркотикам и наркопотреблению существенно различались и различаются во времени и по странам: от терпимости и даже благожелательности до полного неприятия, запрета (прогибиционизм) и преследования. Причем это касается не только тех наркотиков, которые сегодня изъяты из легального оборота, но и таких, как алкоголь, никотин (табак), кофеин (кофе) и др. «По иронии судьбы, в противовес своей теперешней популярности, алкоголь и никотин, так же, как кофеин, были запрещены в прошлом... В 1642 г. Папа Урбан VIII издал буллу об отлучении от церкви всех употреблявших табак. Некоторые европейские государства запретили его, а султан Османской империи Мурад IV даже назначил смертную казнь за курение табака. Тем не менее ни одна из стран, в которую попал табак, не достигла успеха в его запрете, несмотря ни на какие наказания. Аналогичным образом провалились все попытки запрета чая, кофе и какао»⁵⁶. Не та же ли судьба уготована наркотикам?

История знала и вполне мирное сосуществование общества и наркотиков, и антагонизм вплоть до сражений («опийные войны» в Китае, военные действия США против латиноамериканских наркобаронов). Однако, «мы не выиграли ни одного сражения с наркотиками и никогда не выиграем», ибо «мы не можем изгнать наркотики и наркоманов из нашей жизни»⁵⁷. Как говорил Уполномоченный по вопросам наркомании г. Гамбурга г-н Х. Боссонг, выступая с докладом в Санкт-Петербурге (февраль 1995 г.), «Употребление наркотиков и наркозависимость не исчезнут при системе запретов уголовного закона... Нельзя научить человека вести здоровый образ жизни под угрозой уголовного наказания». А криминолог Шончек политику «войны с наркотиками» рассматривает как результат мистификации проблемы, ложного сознания и лицемерия⁵⁸. «Общество без наркотиков — это разрушительная иллюзия», говорил К. Бруун — один

⁵⁵ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 30.

⁵⁶ Криминология / ред. Дж. Шели. СПб, 2003. С. 312.

⁵⁷ Требач А. Примирение с наркотиком // Социологические исследования. 1991. № 12. С. 145.

⁵⁸ Schoncheck J. On Criminalization: An Essay in the Philosophy of the Criminal Law. Kluwer Academic Publishers, 1994.

из соавторов замечательной книги «Удобный враг», в которой дается оповедь сторонникам запрета наркотиков⁵⁹.

Именно поэтому в настоящее время в цивилизованном мире наблюдается постепенный переход от политики «войны с наркотиками» («*War on Drugs*») к политике «меньшего вреда» («*Harm reduction*»). Об этом говорится в Докладе Национальной Комиссии США по уголовной юстиции⁶⁰, в трудах ученых и выступлениях политиков. Наиболее последовательно по этому пути пошли Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Австралия⁶¹. «Третий путь» — сочетание запрета с активной антинаркотической пропагандой, социальной и медицинской помощью наркоманам — избрала Швеция.

Трезвую оценку запрета наркоторговли с экономической точки зрения дает Л.М. Тимофеев: «Из всех возможных способов регулирования отрасли — налогообложение, национализация, запрет — запрет как раз наименее продуктивен. Запретить рынок — не значит уничтожить его. Запретить рынок — значит отдать *запрещенный*, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций... Запретить рынок значит обогатить криминальный мир сотнями миллиардов долларов, предоставить криминальным силам широкий доступ к общественным благам. И, наконец, самое главное. Запретить рынок — значит дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства»⁶².

Пожалуй, самое удивительное, что мировое сообщество начинает осознавать последствия многолетней «войны с наркотиками» (*War on Drugs*).

В марте 2009 г. вышел в свет Доклад Директора-исполнителя Управления ООН по наркотикам и преступности под характерным названием: «Организованная преступность и угроза безопасности. Борьба с *разрушительным последствием* [выделено мной — Я.И.] контроля над наркотиками». В докладе говорится об одном «трагическом и неожиданном» последствии «борьбы с наркотиками» — колоссальном расширении криминального рынка. С *неожиданностью* трудно согласиться. Иначе

⁵⁹ Кристи Н., Бруун К. Удобный враг. Политика борьбы с наркотиками в Скандинавии. М., 2004.

⁶⁰ Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Publ., Inc., 1996.

⁶¹ Klingemann H., Hunt G. (Eds.) Drug Treatment Systems in an International Perspective: Drugs, Demons, and Delinquents. SAGE Publications. 1998.

⁶² Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М., 1998. С. 107.

и быть не могло: запрет на легальный рынок с *неизбежностью* влечет формирование нелегального, криминального рынка. В результате, продолжает автор доклада, «ряд стран сталкивается сегодня с криминогенной ситуацией, которая возникла в значительной степени из-за их собственного выбора». А «самым серьезным разрушительным последствием стало появление весьма прибыльного черного рынка контролируемых веществ, подчиненного могущественным преступным картелям, и как следствие этого беспрецедентный рост насилия и коррупции... Наркокартели покупают не только недвижимость, банки и коммерческие структуры, они покупают выборы, кандидатов и партии. Словом, они покупают власть». В докладе отмечается, что «потребителей запрещенных наркотиков значительно меньше, чем людей, употребляющих разрешенные, но обладающими аддиктивными свойствами и нередко оказывающие смертельное действие вещества, такие, как табак и алкоголь». Напомним, кстати, что, в отличие от алкоголя, кокаин, галлюциногены и производные каннабиса не порождают физическую зависимость⁶³.

Одно из важнейших достижений Доклада — предлагаются некоторые направления несиловой антинаркотической политики: «осуществление мероприятий, направленных на изменение социальных условий, с целью оказать воздействие на обстановку, в которой процветают рынки наркотиков»; социальная интеграция наркоманов и групп риска — жителей городских трущоб; предоставление возможностей выбора для реальных или потенциальных безработных, молодых людей с низким образовательным уровнем. Кроме того, «потребители наркотиков... не должны привлекаться к уголовной ответственности. С учетом состояния их здоровья их нужно отправлять на реабилитацию, а не за решетку».

И как будто специально для России: «Именно государства должны проявлять сдержанность, находя альтернативные пути решения проблем наркотиков и преступности. Политическую и административную некомпетентность нельзя ошибочно использовать для оправдания нарушений прав человека, и правительства, прежде всего, должны разорвать этот ужасный замкнутый круг».

Есть правительства, которые быстро откликнулись на призывы Комиссии ООН. «Так и не одержав победы, США завершают многолетнюю войну с наркотиками». Новый руководитель Управления по национальной политике в области контроля за распространением наркотиков

⁶³ Santino U., La Fiura G. Behind Drugs. Edizioni Gruppo Abele, 1993, p. 36.

Джил Керликовске заявил: «Независимо от того, как вы это называете — войной с наркотиками, или войной с продуктом, или как-то еще, — люди рассматривают ее как войну с ними лично. А мы не воюем с собственным народом»⁶⁴. О такой войне с собственным народом свидетельствует, в частности, то, что в американских тюрьмах доля осужденных за преступления, связанные с наркотиками, выросла с 16% в 1995 г. до 27% в 2007 г.

У администрации США нашлось разума и мужества признать провал политики «войны с наркотиками». А как другие правительства?

Автор этих строк убежден, что рано или поздно мир придет к необходимости легализации наркотических средств. Ибо, во-первых, потребление их — это личное дело каждого (так же, как потребление вредных для здоровья табака, алкоголя и т.п.). Во-вторых, без легализации наркотиков не избавиться от наркобизнеса, без избавления от наркобизнеса невозможно противостоять терроризму, в значительной степени финансируемому за счет наркодолларов. В-третьих, в принципе ни одну социальную проблему никогда еще не удавалось решить путем запретов и репрессий, а лишь изменением социальных условий, порождающих ее.

Гемблинг

Гемблинг (*gambling*) или лудомания — игровая зависимость, патологическая склонность к азартным играм, которая «заключается в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, что доминирует в жизни субъекта и ведет к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей, не уделяется должного внимания обязанностям в этой сфере» (МКБ-10, 1994).

Гемблинг как аддикция (зависимость) относится к ретретистским формам девиантности наряду с алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. Страсть к азартным играм проходит через всю человеческую историю. Далеко не всегда азартная игра приводит к игровой зависимости. Точно также как не всякое употребление алкоголя или некоторых наркотиков приводит к патологической зависимости.

Да, гемблинг, как и иные виды зависимости, приносит страдание близким лудомана, подрывает экономику семьи, иногда доводит его самого до самоубийства. Но *запрет* легальных игорных заведений (казино, залов игорных автоматов) приводит к легко ожидаемым

⁶⁴ Ж. «Власть». № 22 (825), 2009.

последствиям — уход их в нелегальное подполье (*катраны*, известные в России еще с советских времен), расширение коррупционного рынка, обеспечение организованной преступности еще одним видом деятельности. Не говоря уже о том, что налоги, которые имело государство, уходят в зону теневой экономики, черного рынка.

В 2007 г., когда обсуждался путинский проект закрытия всех игорных заведений с переносом их в специальные зоны, я писал: «С учетом российских расстояний и российских дорог... реализация этого проекта вызывает существенные сомнения. Если же проект будет реализован, ... то легко предсказуемыми последствиями может стать широкое распространение нелегального, подпольного бизнеса, полностью подконтрольного криминальным структурам... Сегодня лишение масс населения привычных занятий, отлучение от игры не может не породить уход в подполье при запрете легальной деятельности игрового бизнеса»⁶⁵.

Как в воду глядел! Еще до 1 июля 2009 г. — даты запрета на игорный бизнес — стали создаваться «рестораны», вход в некое заднее помещение которых не менее 5000 у.е., «развлекательные интернет-центры», «уютные домашние условия» (Казань), «спортивные покерные клубы», а то и просто подпольные катраны, крышуемые милицией. Стоимость крыши — около \$2000⁶⁶. Разумеется, ни одна из четырех планируемых «зон» (а'la Лас-Вегас) не построена...

Итог запрета: тысячи сотрудников игорных заведений пополнили растущие ряды безработных, казна не получает налоги, на радость криминалитету выстраивается надежная сеть подпольных заведений, вырос рынок коррупционных услуг. Что следующее запрещать будем?

Проституция

Ревнителям нравственной чистоты очень хочется запретить — под страхом административной, а лучше — уголовной ответственности и проституцию. Между тем, ее не случайно именуют «древнейшей профессией». Древнейшая — то она не совсем, до нее существовали как минимум земледелие и пастушество, но продажа тела стала возмож-

⁶⁵ Гилинский Я.И. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы / ред. А.В. Шашкин, М.Е. Позднякова. М., 2007. С. 87–88. См. также: Tsytsarev S., Gilinsky Y. [Gambling in] Russia. In: Meyer G., Hayer T., Griffiths M. (Eds.) Problem Gambling in Europe. Challenges, Prevention, and Interventions. Springer, 2009, pp. 243–256.

⁶⁶ The New Times, 23.03.2009. С. 22–23; Новая газета, 02.04.2009. С. 12–13.

ной с возникновением товарно-денежных отношений, как и любая купля-продажа: знаний, умений, силы, да и совести.

Древние были рациональнее многих нынешних. Исследователи связывают институционализацию проституции с дейктерионами (или доктерионами) — первыми публичными домами, основанными Солоном (VI в. до н.э.), установившим и единую плату для всех посетителей — один обол. За это один из современников Солона воспевае его: «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими молодыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». В этом величании «выдается» одна из *социальных функций* проституции: служить предохранительным клапаном моногамного брака. Позднее эту функцию проституции понимали (или догадывались о ней?) и отцы церкви. Так, святой Августин восклицает: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторит Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!». Так этого хотят наши сегодняшние святоши?

Конечно, продажность дело неблагородное. Кстати это в меньшей степени, чем к торговле телом относится к продажным политикам, ученым, журналистам («вторая древнейшая профессия») и т.п. Но, повторюсь, в условиях товарно-денежных отношений была, есть и будет торговля телом, знаниями, умениями, вещами, услугами. И как во всех других случаях, любой запрет порождает лишь подпольный, криминальный рынок и коррумпированность тех, кому надлежит следить за исполнением запрета.

Поэтому общество и государство должны не запрещать проституцию, а обеспечить безопасность деятельности ее жриц — от сутенеров, от маниякальных клиентов, от ЗППП (заболеваний, передающихся половым путем). И не надо посмеиваться над объединением зарубежных проституток в профсоюзы, призванные отстаивать профессиональные интересы работниц сексиндустрии.

Гомосексуализм

Гомосексуализм, строго говоря, нельзя отнести к числу социальных «девиаций». Это, как правило, одно из врожденных выражений разнообразия сексуальных ориентаций, наряду с гетеросексуальной,

бисексуальной, гермафродитизмом, транссексуализмом. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древней Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме.

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1–6% мужчин и 1–4% женщин. Даже если исходить из минимальных показателей 1–2%, в России должно быть не менее 1,5–3 млн. человек устойчивой гомосексуальной ориентации. Локальные же исследования свидетельствуют о значительно большем распространении гомосексуализма. Не удивительно: гомосексуалистов гораздо больше за счет «социального фактора»: закрытые учебные заведения, тюрьмы, казармы. Таким образом, в гомосексуализме «виноваты» либо генетика, либо общество. Будем запрещать и наказывать?

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм нормальны в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора. Заметим, кстати, что и многие животные виды не без гомосексуального «греха». О «нормальности» гомосексуализма свидетельствует его относительно постоянный удельный вес в популяции⁶⁷.

Уже в силу сказанного запрет гомосексуализма, в том числе, уголовно-правовой (печально известная ст.121 УК РСФСР), противоречит и здравому смыслу и элементарным правам человека.

Более того, в современных цивилизованных обществах и государствах уголовным преступлением, одной из разновидностей «преступлений ненависти» (*Hate crimes*) является гомофобия, т.е. действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, либо на унижение достоинства человека или группы лиц по признаку сексуальной ориентации. Так что наш любитель смертной казни Ю.М. Лужков, неоднократно выступавший с гомофобными заявлениями и запрещавший демонстрации геев и лесбиянок в Москве, был бы вполне обоснованно привлечен к уголовной ответственности в странах Западной Европы.

⁶⁷ Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантология... Указ. соч. С. 391–397.

Порнография

Никто не знает, что такое «порнография». Юридически значимое определение порнографии отсутствует в мировой законодательной практике. Каждый *конструирует* это в меру своего понимания (отсюда — противоположные заключения различных экспертов по данному предмету).

Одно из неофициальных определений порнографии: «Непосредственное, вульгарно—натуралистическое изображение или словесное описание половых органов и полового акта, имеющее целью сексуальное возбуждение».

Что такое «непосредственное»? Что такое «вульгарно—натуралистическое»? А если не имеет целью сексуальное возбуждение? А если вызывает не возбуждение, а отвращение? А если возбуждает чтение литературы (А. Куприн, Г. Миллер), или разглядывание скульптуры (Венера Милосская)? А если не возбуждает «непосредственное, вульгарно—натуралистическое изображение или словесное описание половых органов и полового акта»?

Таким образом, предусмотрена уголовная ответственность (ст. ст. 242, 242—1 УК РФ) за то, неизвестно за что...

И вообще «список книг, запрещенных по обвинению в порнографии, выглядит как доска почета: Джойс, Пушкин, Маяковский, Пруст, Флобер...».

Однако репрессивная политика властей (прежде всего, Государственной Думы), подогреваемая и раздуваемая популистскими политиками и СМИ, привела к тому, что население страны готово поддерживать любые действия «против порнографии», включая запрет и уничтожение выставок произведений живописи, литературных произведений, кинопродукции.

Ожидая возражение: а как же использование детей для производства «порнографической» продукции? Вы и это хотите разрешить? Нет. Возможно такое решение проблемы: декриминализация деяний, предусмотренных ст. ст. 242, 242—1 УК и введение нового состава преступления. Что—то вроде: «Привлечение детей в возрасте до ... лет к изготовлению продукции с сексуальными, эротическими сценами».

Производство аборта

Американский криминолог Э. Шур к числу не подлежащих криминализации «преступлений без жертв» относит, помимо потребления

наркотиков, гомосексуализма, азартных игр, проституции, также производство аборт⁶⁸. Возражения сторонников запрета аборт⁶⁸ (кроме как по медицинским показаниям) на первый взгляд представляются весомыми. Что ни говори, аборт — лишение жизни еще не родившегося, но зачатого и живого существа.

И все же нельзя не поддержать американского коллегу и высказаться за абсолютную недопустимость запрета аборт⁶⁸. И в этом случае, как и в рассмотренных выше, родить ребенка или сделать аборт — свободное волеизъявление матери, сколь бы драматичным оно ни было. Женщина решается на аборт не от хорошей жизни. Это может быть уход из семьи отца зачатого ребенка или отказ признать отцовство при незарегистрированном браке. Это может быть нежелательная беременность при наличии у матери других детей и тяжелом материальном положении. Беременность может быть результатом случайных отношений, никогда и не предполагавших перейти в семейные. Во всех этих и подобных случаях аборт, по мнению матери, является «крайней необходимостью». И запрет на аборт легальный, в медицинском учреждении приводит лишь к нелегальному, криминальному аборту со всеми негативными последствиями — от невозможности в дальнейшем иметь ребенка до гибели женщины. Ибо женщина, твердо решившая не рожать ребенка, совершит аборт в любом случае, в том числе, с помощью бабки—знахарки в антисанитарных условиях.

Аборт был запрещен (кроме как по медицинским показаниям) Уголовными кодексами РСФСР 1926 г. (ст. 140) и 1960 г. (ст. 116). В конце 1950—х — начале 1960—х годов я был на практической работе и не понаслышке знаю, сколько женщин погибло или было изувечено в результате криминальных аборт⁶⁸. Хорошо помню, как я присутствовал на судебно—медицинском вскрытии трупа молодой женщины, погибшей в результате аборта, а вокруг морга метался вдовец, оставшийся с двумя другими детьми на руках.

И в этом случае запрет — криминогенный фактор, порождающий криминальный подпольный рынок соответствующих медицинских (или знахарских) «услуг». Есть спрос (пусть вынужденный) — будут предложения.

⁶⁸ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965; Шур Э. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке. М., 1977. С. 262—309.

Экономические преступления (mala prohibita) и коррупция

Менее всего я хочу «оправдать» многие экономические, беловоротничковые (*white-collar crime*) преступления. Однако зарегулированность, чрезмерная деликтолизация и криминализация экономической деятельности лишь способствует бурному развитию теневой, полужоизальной и криминальной экономики, о чем говорилось выше со ссылкой на соответствующую экономическую литературу.

Что касается коррупции, то она возникает, формируется и приобретает тотальный характер именно на основе бесчисленных запретов, обойти которые бывает жизненно необходимо (в здравоохранении, образовании, при решении жилищных и бытовых проблем), а возможно лишь с помощью взятки⁶⁹.

Заключение

Затронутая тема имеет общемировое значение. О росте репрессивности сознания, «моральной паники» особенно среднего класса, пораженного «страхом перед преступностью» (С. Коэн), о растущем вмешательстве государства в экономику стран и негативных последствиях этого пишут многочисленные зарубежные исследователи⁷⁰. Об этом же свидетельствует правоприменительная практика и пенитенциарная политика⁷¹. Но наиболее актуальна эта тема для стран с «пережитками» тоталитаризма, авторитаризма или с их проявлениями в реальной действительности. Не секрет, что к числу таких стран относится и современная Россия. Давнишняя российская традиция «тащить и не пущать», святая вера в могущество запрета и максимально жестких санкций за их нарушение — многовековая трагедия России, к сожалению поддерживаемая, а то и раздуваемая сегодняшней политической «элитой».

О неразвитости свободолюбия и толерантности в российском обществе (равно как и о некотором прогрессе в этом) свидетельствуют,

⁶⁹ Тимофеев Л. Институциональная коррупция. Очерки теории М., 2000; Гилинский Я. Девиантология... Указ. соч. С. 265–284.

⁷⁰ Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия: Вперед к ГУЛАГу западного образца. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб., 2006; Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008; Познер Р. Экономический анализ права. В 2-х томах. СПб., 2004; Walmsley R. World Prison Population List // Home Office. Finding 166. 2002; Walmsley R. Further Developments in the Prison Systems of Central and Eastern Europe. Achievements, Problems and Objectives. Helsinki, 2003.

⁷¹ Соответствующие данные см.: Гилинский Я. Криминология... Указ. соч. С. 420.

в частности, результаты массовых опросов населения, проводимых Левада-центром: за ликвидацию или изоляцию от общества проститутток выступало 60% опрошенных в 1989 г. и 39% в 2005 г.; аналогично предложили поступать с гомосексуалистами 63% в 1989 г. и 48% в 2005 г.; за ликвидацию или изоляцию наркоманов было 53% всех опрошенных в 1989 г. и 48% в 2005 г. Иная динамика отношения к членам религиозных сект: за их ликвидацию или изоляцию от общества было всего 10% в 1989 г. и уже 54% — в 2005 г.⁷². Сказалась активность РПЦ?

Свободолюбивый пафос настоящей статьи, разумеется, не исключает использование государством системы запретов, ограничений и санкций за их нарушения. Вся проблема в разумном, рациональном, умеренном их применении. Так, по мнению Всемирного Банка «высокий рейтинг в степени свободы предпринимательства не означает, что в стране отсутствует регулирование... Все страны, обладающие высоким рейтингом, регулируют экономическую деятельность, но делают это с меньшими затратами и возлагают меньшее бремя [на граждан]»⁷³. Кстати, по данным различных источников на 2005 г., наименьшее бремя ограничений экономической свободы в Новой Зеландии, Сингапуре, Австралии, Гонконге, Китае и Великобритании. Россия занимает 79-е место из 155 стран. На последнем месте — Конго⁷⁴.

И последнее: понимание того, что *запрет часто служит значимым криминогенным (девиантогенным) фактором, порождает многочисленные «теневые» последствия, расширяя поле коррупции, деятельности организованной и экономической преступности*, призвано способствовать совершенствованию законодательской и правоприменительной практики, а также целенаправленному формированию правосознания населения и воспитанию толерантности.

Правда, автор не столь наивен, чтобы верить в реализацию сказанного.

⁷² Заостровцев А.П. Идеалы конституционной экономики и российская реальность. В: Актуальные экономические проблемы России / ред. Л. Лимонов. СПб., 2005. С. 142.

⁷³ Хопкинс Т. Регулирование в США и его контекст. В: Экономическая школа. Аналитическое приложение. №№. 2006. С. 135–144.

⁷⁴ Хопкинс Т. Там же. С. 143–144.

Что же делать с преступностью?⁷⁵

Вся история человечества —
одно сплошное преступление
А. Макаревич

Проблема преступности со страниц профильных научных журналов давно переключалась в СМИ. И тенденция эта не только российская. Тому есть, по меньшей мере, два объяснения. Во-первых, население все обостреннее воспринимает потенциальную криминальную угрозу (по С. Козну — *moral panic, fear of crime*)⁷⁶. Во-вторых, нет ничего более лакомого для СМИ, чем криминальные страшилки (жуткие сексуальные маньяки, страшные педофилы, судьба Деда Хасана и т.п.). Правда, народ всегда интересовался «Джеками-потрошителями» и «Кудеярами-атаманами», но то была молва людская, устно передаваемая из поколения в поколение. А современные средства связи позволяют почти одновременно с событием выплеснуть сведения о нем в миллионные массы всех стран (теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, террорист Брейвик, бостонские террористы и т.п.).

Профессионально в проблемах преступности должны разбираться криминологи. Предмет криминологии — не столь простая материя. Но все сложнейшие криминологические вопросы сжато, схематично могут быть сведены к трем фундаментальным: 1) что есть преступность? 2) «кто виноват?» и 3) что делать?

Ниже будет предложен авторский ответ на эти вопросы. Разумеется, это сугубо авторская позиция, которая может отнюдь не совпадать с мейнстримом. Автор совершенно не претендует на истину в последней инстанции. Более того, я принципиальный противник самой возможности постичь «окончательную» Истину по любому научному вопросу... Не устаю повторять вслед за Нильсом Бором:

⁷⁵ Российский криминологический взгляд. 2013. № 3. С. 282–291.

⁷⁶ «Есть, что терять», «больно нежными стали»...

«каждое высказанное мною суждение надо понимать не как утверждение, а как вопрос».

Приношу извинения читателям за то, что буду прибегать к моим уже ранее опубликованным текстам (в частности, к моей «Криминологии»⁷⁷). Тема наболевшая, в разное время с разных сторон мною исследовавшаяся. В предлагаемой ниже статье я постарался сжато выразить квинтэссенцию своих размышлений.

Что есть преступность?

Преступность — нормальное
явление потому, что общество
без преступности совершенно
невозможно.
Э. Дюркгейм

Самый простой ответ: совокупность всех деяния, предусмотренных уголовным законом. Или: «Преступления — такие акты, которые юридически осуждены государством и считаются заслуживающими наказания и контроля»⁷⁸. Но это — не сущностные определения. Определения типа «все преступления (и преступники) за определенный промежуток времени» столь же описательны и не вскрывают сути сложного социального явления, как определение туберкулеза — «все больные туберкулезом за определенный промежуток времени на определенной территории» — ничего не говорит о характере, сущности заболевания.

Случайно ли ни отечественные, ни зарубежные криминологи не «додумались» до «правильного» определения главного предмета своих исследований? Конечно же нет. Преступность — сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ и определяемое с помощью двух разнопорядковых критериев: 1) «общественной опасности», реального вреда и 2) предусмотренности уголовным законом (*nullum crimen sine lege* — нет преступлений без указания о том в законе).

Очевидно, что в различных странах и в разное время существенно различен круг деяний, признаваемых преступными. То, что в одной

⁷⁷ Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2009.

⁷⁸ White R., Habibis D. Crime and Society. Oxford University Press, 2005, p. 17.

стране — преступление, в другой не признается таковым, и наоборот. То, что преступным было вчера (например, добровольный гомосексуализм — ст. 121 УК РСФСР 1960 г., бродяжничество, попрошайничество, ведение паразитического образа жизни — ст. 209 УК РСФСР) — не преступно (декриминализовано) сегодня, и наоборот (незаконное предпринимательство — ст. 171 УК РФ 1996 г., фиктивное банкротство — ст. 197 УК РФ).

В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своему содержанию, своим внутренним, имманентным свойствам, *sui generis, per se*. Преступление и преступность — понятия *релятивные* (относительные), *конвенциональные* («договорные»: как «договарятся» законодатели), они суть — социальные *конструкты*, лишь отчасти отражающие социальные реалии: некоторые люди убивают других, некоторые завладевают вещами других, некоторые обманывают других и т.п. Но ведь *те же самые по содержанию* действия могут не признаваться преступлениями: убийство врага на войне, убийство по приговору (смертная казнь), завладение вещами другого по решению суда, обман государством своих граждан и т.п.

Осознание того, что многие привычные общественные явления суть не что иное как *конструкции*, более или менее искусственные, «построенные» обществом, сложилось в социальных науках лишь во второй половине XX столетия⁷⁹. И хотя применительно к нашему предмету такое осознание было присуще еще Древнему Риму (*ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* — преступления возникают из сенатских и народных решений), однако в современной криминологии признание преступности социальной конструкцией наступило сравнительно поздно, хотя сегодня разделяется многими зарубежными криминологами⁸⁰. Это четко формулируют германские криминологи Х. Хесс и С. Шеерер⁸¹: преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и

⁷⁹ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. NY: Doubleday, 1966.

⁸⁰ Barkan S. Criminology: A Sociological Understanding. New Jersey: Prentice Hall, Upper Saddle River. 1997; Caffrey S., Mundy C. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance. Greenwich University Press, 1995; De Keseredy W., Schwartz M. Contemporary criminology. Wadsworth Publishing Co., 1996, pp. 45–51; Hester S., Eglin P. Sociology of Crime. NY.–L. Routledge, 1992, pp. 27–46; Muncie J., McLaughlin E. (Eds.) The Problem of Crime. SAGE, 1996, p. 13.

⁸¹ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность — социальный и языковой конструкт.

Об этом же пишет голландский криминолог Л. Хулсман: «Преступление не онтологическая реальность... Преступление не объект, но продукт криминальной политики. Криминализация есть один из многих путей конструирования социальной реальности»⁸².

«Понятие *преступность* есть ярлык, который мы применяем, определяя поведение, нарушающее закон... Ключевым является то, что преступления порождаются уголовным законом, который сочиняют люди. *Преступность* не существует в природе, это выдумка (*invented*) людей», — отмечает М. Робинсон⁸³.

Н. Кристи (Норвегия) останавливается на том, что преступность не имеет естественных природных границ. Она суть продукт культурных, социальных и ментальных процессов.⁸⁴ А отсюда казалось бы парадоксальный вывод: «Преступность не существует» (*Crime does not exist*)⁸⁵.

Подробно обосновывается понимание преступности и преступления как социальных конструктов, а также рассматривается процесс такого конструирования в четвертом издании Оксфордского справочника (руководства) по криминологии⁸⁶.

Как происходит конструирование одной из современных (начиная с середины 80-х гг. XX в.) разновидностей преступности — «преступлений ненависти» («*Hate crimes*»), т.е. преступных посягательств по мотивам расовой, этнической, религиозной ненависти, а также гомофобии — показано в книге двух американских криминологов⁸⁷. В этом конструировании («*"Hate crime" is a social construct*») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Роль политического режима в конструировании преступности и иных социальных девиаций показана

⁸² Hulsman L. Critical Criminology and the Concept of Crime // Contemporary Crisis. 1986. N 10, pp. 63–80.

⁸³ Robinson M. Why Crime? An Integrated Systems Theory of antisocial Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2004, p. 2.

⁸⁴ Christie N. A suitable Amount of Crime. NY.–L.: Routledge, 2004, pp. 10–11.

⁸⁵ Christie N. Ibid., p. 1.

⁸⁶ Maguire M., Morgan R., Reiner R. (Eds.) The Oxford Handbook of Criminology. Fourth Edition. Oxford University Press, 2007, pp. 179–337. См. также: Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE Publications, 2007.

⁸⁷ Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

мною в одной из работ⁸⁸. А участие СМИ в конструировании преступности и иных девиантных проявлений рассмотрена в монографии И.Г. Ясавеева⁸⁹.

С моей точки зрения, *вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененная деятельность по удовлетворению своих потребностей*. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы — есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей «здесь и сейчас» (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Нидерландах, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба под страхом смерти и т.д.). Образно говоря, жизнедеятельность человека — пламя, огонь, некоторые языки которого признаются — обоснованно или не очень — опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов).

Сказанное не означает, что социальное конструирование вообще, преступности в частности, совершенно произвольно⁹⁰. Общество «конструирует» свои элементы на основе некоторых онтологических, бытийных реалий. Так, реальностью является то, что некоторые виды человеческой жизнедеятельности причиняют определенный вред, наносят ущерб, а потому негативно воспринимаются и оцениваются другими людьми, обществом. Но реально и другое: некоторые виды криминализированных (признаваемых преступными в силу уголовного закона) деяний не причиняют вреда другим, а потому криминализированы без достаточных онтологических оснований. Это, в частности, так называемые «преступления без жертв», к числу которых автор этого термина Э. Шур относит потребление наркотиков, добровольный гомосексуализм, занятие проституцией, производство вра-

⁸⁸ Гилинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С.39–65. См. так же: Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб.: ДЕАН, 2011.

⁸⁹ Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации. Казань, 2004.

⁹⁰ См., например: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: Канон–Пресс–Ц. 1999. С. 292–306.

чом аборта⁹¹. Печальным примером явно излишней криминализации служит деятельность «взбесившегося принтера» — современного отечественного законодателя...

О том, что законодатель грешит расширительным толкованием вреда, заслуживающего криминализации, свидетельствует тот факт, что, согласно букве уголовного закона большинства современных государств, включая Россию, 100% взрослого населения — уголовные преступники. Так, по результатам нескольких опросов населения в США, от 91 % до 100% респондентов подтвердили, что им приходилось совершать то, что уголовный закон признает преступлением (данные Уоллестайна и Уайля, Мартина и Фицпатрика, Портфельда, и др.).

Постмодернизм в криминологии не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем предписывает власть*. Не менее интересно (и справедливо) определение, даваемое А.И. Долговой: «Преступность — это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета»⁹². Ясно, что правовые (в том числе — уголовно-правовые) нормы и их реализация (что не всегда одно и то же) непосредственно зависят от *политического режима*⁹³.

Объективная сложность логического определения преступности и состоит, очевидно, в том, что оно «конструируется» по двум разным основаниям, лежащим в разных плоскостях: реальный (онтологический, объективный) вред и «указание о том в законе», криминализованность, которая всегда является результатом *субъективной воли* законодателя. На это обстоятельство обратил внимание В.Е. Жеребкин еще в 1976 г. Он заметил, что одни признаки понятия «преступление» являются материальными, субстанциальными (общественная опасность или, более корректно — вред), тогда как другие — формальны, несубстанциальны (противоправность, указание в уголовном законе). Сам В.Е. Жеребкин так определяет эти два признака: «Материальный признак — это такой признак, который присущ предмету как таковому,

⁹¹ Schur E. Crimes Without Victims. Englewood Cliffs, 1965.

⁹² Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М., 2003. С. 7.

⁹³ Подробнее см.: Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С.39–65.

является субстанциальным, имманентным его свойством. Это признак объективный, существующий *независимо* от субъекта познания (законодателя) и до него. *Формальный признак* — это признак не субстанциальный, он не принадлежит предмету действительности, не является его имманентным свойством. Этим признаком реальный предмет наделяется субъектом познания (законодателем)⁹⁴.

Исходя из представлений о преступности, как частном случае девиантности, нами под *преступностью* понимается *относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе*⁹⁵. Аналогичное определение преступлений было предложено Джоном Хаганом: «вид девиаций, который состоит в таких отклонениях от социальных норм, которые запрещены уголовным законом»⁹⁶. Разумеется, предлагаемое определение тоже «хромает», носит рабочий характер и не претендует на «правильность».

«Кто виноват?»

Нам следует набраться мужества для того, чтобы отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же «причины», действующие на один и тот же «объект», обязательно должны порождать одни и те же следствия.
Н. Моисеев

Проблема «причин» возникновения (генезиса), функционирования и изменений объектов исследования — основная и сложнейшая для каждой науки. Не представляет исключения и криминология. Однако в последнее время ученые различных специальностей все чаще отказываются от самого термина «причина» и причинного объяснения своего объекта, предпочитая выявлять *факторы*, воздействующие на объект

⁹⁴ Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976. С. 37.

⁹⁵ Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 45.

⁹⁶ Hagan J. Modern Criminology: Crime, Criminal Behavior and its Control. NY: McGraw-Hill. 1985, p. 49.

исследования, и устанавливать *корреляционные зависимости* между ними. Это обусловлено рядом обстоятельств.

Мир очень сложен, взаимосвязи между системами и их элементами чрезвычайно сложны и многообразны. Очень трудно (а чаще невозможно) выделить *причинно—следственную* связь из всей совокупности взаимодействий даже в физических и биологических системах, не говоря уже о социальных, тем более, когда сам объект — как преступность — не имеет естественных границ в реальности, а суть социальный конструкт.

Нельзя найти специфическую причину конструкта, причудливо меняющегося во времени и пространстве по воле законодателя, власти. Такой поиск приводит к трюизмам: причина преступности «*весь социально—экономический строй*» (М.Н. Гернет⁹⁷) или же — *причина преступности есть уголовный закон*, что вряд ли продвигает нас по пути познания объекта криминологии.

Неудивительно, что большинство современных зарубежных криминологов отказываются от бесконечного поиска «причин» преступности и их умножения, обосновывая тезис «корреляции против причинности» (*correlation versus causation*)⁹⁸.

При этом следует постоянно иметь в виду некоторую двусмысленность, «шизофреничность» объяснения преступности. С одной стороны, рассматривая преступность как социальную конструкцию, мы должны искать объяснение ее существования в деятельности властей, режима, законодателя по *конструированию* «преступности». С другой стороны, пока и поскольку за этой относительно искусственной конструкцией скрываются реальные виды человеческой жизнедеятельности, возможно выявление факторов, условий, обстоятельств, при которых эти виды деятельности будут проявляться с большей или меньшей вероятностью, в большем или меньшем объеме.

Оставить преступность без каких бы то ни было объяснений — значит отказаться от криминологии как науки. Возможно, что разрешение кризисной ситуации — за новой, «сумасшедшей» теорией, которая вышла бы за пределы существующих парадигм криминологии как «нормальной науки» (и потому первоначально была бы категорически отвергнута...) ⁹⁹. Пока же таковая не появилась (это задача молодых,

⁹⁷ См.: Административный вестник. 1926. № 1. С. 30.

⁹⁸ Winfree L., Abadinsky H. Understanding Crime. Theory and Practice. Chicago, 1996, pp. 9–11.

⁹⁹ Подробнее см.: Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

не отягощенных грузом накопленных знаний¹⁰⁰), поразмышляем над некоторыми факторами, влияющими на состояние, уровень, структуру, динамику преступности.

Конечно, можно извлечь из арсенала криминологии множество факторов, так или иначе воздействующих на состояние и динамику преступности. Это экономические факторы (отражаемые ценами на хлеб или на нефть или же децильным коэффициентом и индексом Джини), социально-демографические (пол, возраст, социальный статус, этническая принадлежность и др.), культурологические (принадлежность к той или иной культуре, субкультуре, религиозной конфессии), и даже космические (корреляционные зависимости между уровнем убийств, самоубийств, воровства и солнечной активностью, фазами луны¹⁰¹). В результате факторного, корреляционного анализа можно определить и относительный «вес» каждого фактора в «криминогенном комплексе» отдельных видов преступлений.

Более глубоким нам представляется отыскание «ведущего звена» в «девиантогенном (криминогенном) комплексе», объясняющем преступность наряду с другими проявлениями девиантности. Другая задача, решение которой остается за рамками данного текста, — попытаться объяснить, какие факторы при наличии этого «ведущего звена», «разводят» различные формы девиантности (почему при наличии одних и тех же социальных условий одни совершают преступления, другие спиваются, третьи кончают жизнь самоубийством, а некоторые «уходят» в научное, техническое, художественное творчество. Может быть следует развернуть тезис В. Леви: «Социум выбирает из психогенофонда»?).

Преступность проявляется через действия, поступки людей, запрещенные уголовным законом. Между тем, все свои действия человек совершает, в конечном счете, ради удовлетворения тех или иных потребностей: биологических, или витальных (в пище при чувстве голода, в питье при жажде, в укрытии от неблагоприятных погодных условиях, сексуальных или в продолжении рода); социальных (в статусе, престиже, самоутверждении, самореализации и др.); «духовных», или идеальных (поиск смысла жизни, цели существования, бескорыстное стремление к знанию, творчеству, служению другим людям).

¹⁰⁰ «Важные открытия в конкретных науках почти всегда делали посторонние люди или ученые с необычным складом мышления» (Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 135).

¹⁰¹ Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. С. 350–405, 623.

Потребности людей распределены относительно равномерно и имеют тенденцию к возрастанию. А возможности удовлетворения потребностей — различны, неравны. И хотя определенная степень неравенства зависит от индивидуальных особенностей (ребенок или взрослый, мужчина или женщина, здоровый или инвалид, с высоким интеллектом или не очень), однако главным источником неодинаковых возможностей удовлетворять потребности служит *социально-экономическое неравенство*, занятие индивидом различных, неоднородных позиций в социальной структуре общества (рабочий или предприниматель, фермер или банкир, школьный учитель или министр). Именно от социального статуса и тесно связанного с ним экономического положения (можно говорить о едином социально-экономическом статусе) индивида в решающей степени зависят возможности удовлетворять (более или менее полно) те или иные потребности.

Дифференциация общества как следствие углубляющегося разделения труда есть объективный и в целом прогрессивный процесс. Однако, как все в этом мире, она влечет и негативные последствия. Неодинаковое положение социальных классов, слоев (страт) и групп в системе общественных отношений, в социальной структуре общества обуславливает и социально-экономическое неравенство, различия — и весьма существенные — в реальных возможностях удовлетворить свои потребности. Это не может не порождать *зависть, неудовлетворенность, социальные конфликты, протестные реакции*, принимающие форму различных девиаций. «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»¹⁰².

Главным в генезисе девиантности, включая преступность, является не сам по себе уровень удовлетворения витальных, социальных и идеальных потребностей, а *степень различий*, «разрыва» в возможностях их удовлетворения для различных социальных групп. Зависть, неудовлетворенность, понимание самой возможности жить лучше приходят лишь в сравнении¹⁰³.

Это утверждение, хорошо известное по трудам К. Маркса и Р. Мертона, П. Сорокина и М. Гернета, А. Кетле и Д. Белла, статистически под-

¹⁰² Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 375.

¹⁰³ См.: Гилинский Я.И. Социально-экономическое неравенство как криминогенный фактор (от К. Маркса до С. Олькова). В: Экономика и право. СПб: Наука, 2009.

тверждено современными исследованиями С.Г. Олькова¹⁰⁴, И.С. Скифского¹⁰⁵, Э.Г. Юзихановой¹⁰⁶.

Социальная неудовлетворенность, а, следовательно, и попытки ее преодолеть, в том числе — незаконным путем, порождается не столько абсолютными возможностями удовлетворить потребности, сколько относительными — по сравнению с другими социальными слоями, группами, классами. Вот почему в периоды общенациональных потрясений (экономические кризисы, войны), когда большинство населения «уравнивалось» перед лицом общей опасности (когда происходила ломка «перед лицом смерти всех иерархических перегородок»¹⁰⁷), наблюдалось снижение уровня преступности и самоубийств¹⁰⁸.

Итак, **важнейшим криминогенным и девиантогенным фактором служит противоречие (по Р. Мертону — «напряжение», strain) между потребностями людей и реальными возможностями (шансами) их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, степень социально-экономической дифференциации и неравенства.**

Со второй половины минувшего столетия социально-экономическое неравенство в условиях глобализации привело к разделению стран и населения каждой страны на *включенных* (в активную экономическую, социальную, политическую, культурную жизнь) и *исключенных*. Исключенные (*excluded*) и составляют основную социальную базу различных проявлений девиантности, включая преступность¹⁰⁹.

Для полноты картины нельзя не напомнить, что социальная дифференциация, социально-экономическое неравенство и наличие аутсайдеров, «исключенных» служат... источниками прогресса и двигателями истории.

¹⁰⁴ Ольков С.Г. Юридический анализ (исследовательская юриспруденция). В 2-х томах. Тюмень, 2003; Он же. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. 2004. № 8; Он же. Аналитическая криминология. Казань, 2007.

¹⁰⁵ Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень, 2007.

¹⁰⁶ Юзиханова Э.Г. Моделирование криминогенных процессов в субъектах Российской Федерации. Тюмень: Вектор-Бук, 2005; Она же. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации. Тюмень, 2007.

¹⁰⁷ Гачев Г. Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981. С. 198

¹⁰⁸ Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юриздат, 1974. С. 306–310, 449–459; Podgórecki A. Patalogia życia społecznego. Warszawa, 1969.

¹⁰⁹ Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб юридического института Генеральной прокуратуры РФ, 2004. № 6.

Что делать?

Надо избавиться от иллюзии, будто уголовно-правовая система является главным образом средством борьбы с правонарушениями.

Мишель Фуко

Всякое наказание преступно.

Л.Н. Толстой

А, ничего не сделать!

Похоже, что так. Но требуются пояснения.

Во-первых, *общество (государство, власть, режим) само «выдумывает», конструирует преступления*. Классический пример — «Город Солнца» (1623) Томмазо Кампанеллы (1568–1639), в котором нет частной собственности, все равны, все имеют возможность самореализации. «Поэтому, так как нельзя среди них (жителей Города Солнца — Я.Г.) встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы, — они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка»¹¹⁰.

Итак, если определенные социально-экономические условия позволяют избавиться от деяний, ныне признаваемых преступными, то тогда общество *конструирует* новый набор проступков, подлежащих наказанию! Другое дело, что меры «наказания» в утопическом обществе достаточно либеральны и не связаны ни с отнятием жизни, ни с лишением свободы. Впрочем, утопия она и есть утопия... Не только «был бы человек, статья найдется», но и было бы общество, «преступность» найдется (ее изготовят, сконструируют, не дадут «ликвидировать»!).

Во-вторых, во все времена общество и государство старались минимизировать (ликвидировать, преодолеть) нежелательные для общества виды поведения и их носителей. В каждой стране в этих целях создается система социального контроля над преступностью и иными проявлениями девиантности (пьянством, наркотизмом, проституцией, кор-

¹¹⁰ Кампанелла. Город Солнца. М.–Л.: АН СССР, 1947. С. 40.

рупцией и т.п.). Но ни одно из нежелательных, негативных социальных явлений, включая преступность, не удалось «ликвидировать», преодолеть ни в одной стране.

И это не удивительно. Ибо все сущее в обществе выполняет какие-либо социальные функции, а потому не элиминировано в процессе человеческой истории. «Все действительное разумно» (Гегель), «имеет основания», функционально. Многочисленные социальные функции преступности (инновационная, экономическая, политическая — например, роль «козла отпущения», интегративная — «еще теснее сплотиться в борьбе...») описаны в литературе, включая публикации А.М. Яковлева¹¹¹ и автора этих строк. «Наличие, постоянное сохранение в обществе преступности невозможно без признания того, что и преступность выполняет определенную социальную функцию, служит формой либо регулятивной, либо адаптационной (приспособительной) реакции на общественные процессы, явления, институты»¹¹².

Контроль над преступностью — один из видов социального контроля. Поскольку преступность (что бы ни вкладывалось в это понятие в различные эпохи у разных народов) издавна воспринималась как самая опасная форма «отклонений», постольку и средства воздействия на лиц, признанных преступниками, применялись самые жесткие (жестокие). История человечества знает все мыслимые и немыслимые виды пыток, квалифицированных видов смертной казни, калечения¹¹³. Но преступность не покидает общество...

Система социального контроля над преступностью включает *наказание и профилактику*. Посмотрим, как они решают проблему «ликвидации» (ну, пусть — сокращения) преступности.

Наказание. В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля¹¹⁴.

¹¹¹ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985.

¹¹² Яковлев А.М. Социология преступности. М., 2001. С. 14.

¹¹³ См. подробнее: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999; Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М.: ГИЮЛ, 1957.

¹¹⁴ Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo—London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; и др.

«Кризис наказания» проявляется, во-первых, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции (а с конца 1990-х — начала 2000-х — сокращение, так же независимо от деятельности полиции и уголовной юстиции). Во-вторых, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). В-третьих, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. В-четвертых, по мнению психологов, длительное (свыше 5–6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека¹¹⁵. Впрочем, о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М.Н. Гернет¹¹⁶. *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления.* Никогда еще никого не удавалось «исправить» и «перевоспитать» посредством наказания. Скорее, наоборот. «Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие — вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества»¹¹⁷.

Лишение свободы — неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями. При этом тюрьма «незаменима» в том отношении, что человечество не придумало пока ничего иного для защиты общества от тяжких преступлений. «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит» чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»¹¹⁸.

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того — негативных последствий такого пространственного вида наказания как лишение свободы, приводит

¹¹⁵ Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С. 40–50; Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; Он же. Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991.

¹¹⁶ Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. Юр. Издат. Украины, 1930.

¹¹⁷ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 18.

¹¹⁸ Фуко М. Надзирать и наказывать. Указ. соч. С. 339.

к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении насильственных преступлений и только в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников.

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы. Обычно сроки исчисляются неделями и месяцами, во всяком случае — до 2–3 лет, т.е. до наступления необратимых изменений психики.

В-третьих, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от *условий* отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается достойный уровень существования заключенных (нормальные питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, медицинское обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т.п.¹¹⁹

В-четвертых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию *альтернативной*, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник — жертва», по переходу от «возмездной юстиции» (*retributive justice*) к юстиции возмещающей, восстанавливающей (*restorative justice*)¹²⁰. Суть этой стратегии состоит

¹¹⁹ Подробнее см.: Correctional Institutions in Japan. Correctional Bureau Ministry of Justice, 1985; Ingstrup O. Only those who believe can stay the Course in turbulent Times: A Value-based, strategic approach to the Management and development of Corrections. Canadian Centre for Management Development, 1995; Champion D. J. Corrections in the United States. A Contemporary Perspective. Fourth Edition. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005; King R., McDermott R. The State of our Prisons. Oxford: Clarendon Press, 1995; Seiter R. Corrections: An Introduction. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005. А также: От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки, 2012.

¹²⁰ Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998; Abolitionism in History: On another Way of Thinking. Warsaw, 1991; Considine J. Restorative Justice: Healing the Effects of Crime. Ploughshares Publication, 1995; Contemporary Justice Review: Issues in Criminal, Social and Restorative Justice: Special Issue on The Phenomenon of Restorative Justice, 1998. Vol. 1 No 1.

в том, чтобы с помощью доброжелательного и незаинтересованного посредника (некто в роде «третейского судьи») урегулировать отношения между жертвой и преступником.

Проведенный автором контент-анализ докладов на одиннадцати европейских криминологических конференциях (2001–2011) и четырех мировых конгрессах (всего свыше 6500 докладов)¹²¹ показывает, в частности, что во многих докладах затрагивались вопросы альтернативных лишению свободы мер наказания, электронного слежения и медиации¹²², пока еще почти не практикуемой в России. Медиация обсуждалась на всех мировых конгрессах. В Сеуле был доклад «Медиация против тюремного заключения» («Mediation versus imprisonment»).

В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (*War on crime*) к стратегии «сокращения вреда» (*Harm reduction*). Об этом прямо говорится в 11-й Рекомендации доклада Национальной Комиссии США по уголовной юстиции: «изменить повестку дня уголовной политики от "войны" к "миру"»¹²³. «Уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимание на общественное исправление (*community correction*)» советует S. Barcan в своей книге¹²⁴.

«Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»¹²⁵.

Профилактика. Конечно, как известно со времен Ш. Монтескье («Хороший законодатель не столько заботится о наказании за преступление, сколько о предупреждении преступлений: он постарается не

¹²¹ См.: Гилинский Я.И. Некоторые тенденции мировой криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права 2012. СПб: СПбГУ, 2013.

¹²² Медиация — одна из современных технологий альтернативного урегулирования конфликтов (между обвиняемым и потерпевшим, между заключенным и администрацией пенитенциарного учреждения и т.п.) с участием третьей нейтральной, не заинтересованной в данном конфликте стороны — медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение.

¹²³ Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Published, Inc, 1996, p. 218.

¹²⁴ Barkan S. Criminology. A Sociological Understanding. Prentice Hall. Upper Saddle River, 1997, p. 542.

¹²⁵ Жалинский А.Э. Указ. соч. С. 9, 15, 18, 56, 68.

столько карать, сколько улучшать нравы»¹²⁶) и Ч. Беккариа, — «лучше предупреждать преступления, чем наказывать за них». А Вольтер назвал предупреждение преступлений «истинной юриспруденцией».

Под предупреждением (профилактикой, превенцией) преступности и иных форм девиантности понимается такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на криминогенные (девиантогенные) факторы, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению структуры преступности и к несовершению потенциальных преступных деяний.

Но насколько профилактика реалистична и эффективна, может ли она служить панацеей от криминальных бед¹²⁷?

Во-первых, что служит объектом превенции, если преступность есть некий конструкт, продукт договоренности или субъективных решений (релятивность и конвенциональность преступности). Если, как было показано выше, согласно букве уголовного закона 100% взрослого населения страны — уголовные преступники, то кто же кого будет «профилактировать»?

Во-вторых, превенция предполагает воздействие на *причины* девиантности, преступности. Но кто сегодня решится сказать, что он знает эти причины? В отечественной и зарубежной литературе называются сотни «причин» и факторов, известны десятки уважаемых концепций причин преступности и девиантности. Какие из них «принять за основу» и применять в профилактической деятельности?

Не удивительно, поэтому, *в-третьих*, что до сих пор нет достаточно убедительных данных об *эффективности* той или иной превентивной деятельности. В книге Д. Грэхема и Т. Бенетта собран большой материал по наиболее перспективным программам превенции в странах Европы и Северной Америки. Но их успешность и результативность чаще всего не выявлены¹²⁸.

Наконец, *в-четвертых*, существует серьезная опасность вырождения профилактики в поправление элементарных прав человека, ибо превенция всегда есть *интервенция* в личную жизнь. Проводя связь между

¹²⁶ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 201.

¹²⁷ Помимо приводимых ниже суждений, см. также: Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carroll) // Security Journal, Perpetuity Press Ltd. Vol. 12, No 3, 1999, pp. 67–68.

¹²⁸ Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки: HEUNI, 1995. См. также: Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C. Thomas Publ., 1996.

«инструментальной рациональностью» превенции и Аушвицем (Освенцимом), Н. Steinert говорил в 1991 г.: «Я вижу в идее превенции часть серьезнейшего заблуждения этого столетия»¹²⁹.

Конечно, все это не исключает разработку и совершенствование мер профилактики преступлений, равно как совершенствование системы наказаний. Но надо ясно понимать, что ни профилактика, ни наказания, ни деятельность полиции и уголовной юстиции не в состоянии *существенно повлиять* на уровень и динамику преступности, которая, с одной стороны суть социальный конструкт (сконструированный властью, режимом в интересах, прежде всего, власти, режима), а с другой стороны — обусловлена неустраняемыми социальными факторами (прежде всего, социально-экономическим неравенством).

Некоторые выводы

- Преступность была, есть и будет в любом государстве, ибо им же и создается (конструируется).
- Социально-экономическое неравенство — один из главных криминогенных факторов.
- Наказание — вынужденный, но малоэффективный (точнее — неэффективный) метод противодействия преступности.
- Осознавая неизбежность преступности, неэффективность и негативные последствия традиционных мер наказания (прежде всего — лишения свободы при абсолютной недопустимости смертной казни), следует сосредоточить внимание на поисках и повышении эффективности мер наказания, альтернативных лишению свободы.
- Необходима массовая декриминализация незначительных, излишне криминализированных деяний (для России — ст. ст. 116, 128–1, 140, 168, 176, 177, 180, 185–1, 185–2, 185–3, 185–4, 185–6, 193, 198, 199–1, 222, 228, 228–3, 228–4, 242, 242–1, 244, 329 УК РФ и многие другие, преобразуемые в административные проступки или гражданско-правовые деликты).
- Требуется реализация принципа «*минимум репрессий*». Безусловная законодательная отмена смертной казни; отношение к лишению свободы как к «высшей мере наказания», применяемой, как правило,

¹²⁹ Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason. In: Albrecht G., Ludwig-Mayerhofer W. (Eds.) Version and Informal Social Control. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995, pp. 5–16.

только в отношении совершеннолетних лиц, совершивших насильственные преступления.

- Необходима либерально–демократическая реформа судов (обеспечение их реальной, а не только провозглашенной независимости), полиции (как *сервисной* службы, предоставляющей услуги населению по обеспечении безопасности людей) и *уголовно–исполнительной системы*. Абсолютная недопустимость пыток и отказ от репрессивных условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы.

- Формирование *альтернативной* «восстановительной» юстиции (*restorative justice*), обеспечивающей права и интересы потерпевших вне рамок уголовного правосудия.

- Воспитание либерально–демократического *правосознания* населения (с помощью СМИ, в образовательных учреждениях, в процессе гласной правоприменительной деятельности реформированных полиции, судов, иных правоохранительных органов).

Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы¹³⁰

Следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля.
Н. Луман

I. Определимся с понятиями

Современный мир постмодерна, помимо прочего, характеризуется ростом разнообразия проявлений девиантности — типов поведения, нарушающего нормы, установленные государством (право) или выработанные обществом (мораль). Сбывается «прогноз» П. Хиггинса и Р. Батлера: «Феномен девиации — интегральное будущее общества»¹³¹. Происходит размывание границ между «девиантным» и «нормальным» поведением¹³². Одновременно наблюдается «кризис наказания» — неэффективность традиционных форм социального контроля над преступным (вообще девиантным) поведением. В этих условиях все большее значение приобретает выработка стратегии и тактики *социального контроля* над преступностью.

Под *социальным контролем* в самом широком смысле понимается механизм *самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества* путем установления и поддержания в данном обществе *нормативного порядка и устранения, нейтрализации, минимизации нормонарушающего — девиантного поведения*¹³³.

¹³⁰ Российский ежегодник уголовного права. № 7. 2013. СПб ГУ, 2014. С. 42–58.

¹³¹ Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. McGraw–Hill Book Company, 1982.

¹³² См. подробнее: Гольберт В. 1) Нормально или девиантно различать между нормой и девиацией? В: Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб, 2011. С. 35–54; 2) Девиантнормализация в контексте потребительской культуры. В: Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб, 2012. С. 81–100.

¹³³ См. подробнее: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3–е изд. СПб, 2013. С. 506–521.

Возможно, что стремление к порядку является врожденным у человека. Во всяком случае, все научные, философские, религиозные построения направлены на раскрытие закономерностей (= порядка!) Мира или привнесение Порядка в Хаос Бытия. В широком, общенаучном смысле *порядок* есть определенность, закономерность расположения элементов системы и их взаимодействия друг с другом. Применительно к обществу под *порядком* понимается определенность, закономерность структурирования общества и взаимодействия его элементов (сообществ, классов, групп, институтов).

Один из основных вопросов социологии: как и почему возможно существование и сохранения общества? Почему оно не распадается под воздействием борьбы различных, в том числе — антагонистических, интересов классов, групп?¹³⁴ Проблема порядка и социального контроля обсуждалась всеми теоретиками социологии от О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса, Э. Дюркгейма до П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертонса, Н. Лумана и др.

Эпоха Просвещения и XIX век были пронизаны верой и надеждой по поводу возможности успешного социального контроля и «порядка». Надо только прислушаться к советам просветителей, мнению ученых и немножко потрудиться над приведением реальности в соответствие с Разумом...

Однако, социальная практика XX века с двумя мировыми войнами, «холодной войной», сотнями локальных войн, гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, Холокостом, геноцидом, правым и левым экстремизмом, терроризмом, фундаментализмом и т.п. — разрушила иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля (кто-то из современников заметил: человеческая история разделилась на «до» Освенцима и «после»). Сумма преступлений, совершенных государствами — «столпами порядка», стократ преувеличила преступления одиночек.

А в эпоху современного постмодерна сложилась ситуация, которую З. Бауман высказал 21.04.2011 г. в своем выступлении перед студентами МГУ: «Мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован...».

Не удивительно, что постмодернизм в социологии и криминологии конца XX в., начиная с Ж.Ф. Лиотара и М. Фуко, приходит к отрицанию возможностей социального контроля над девиантными проявлениями, выраженному категорически и лаконично Н. Луманом в словах,

¹³⁴ Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985. С. 27, 70.

избранных эпиграфом к этой статье. И хотя вероятно, что реалистически-скептический постмодернизм — как реакция на иллюзии прекрасного Просвещения — является столь же односторонним, сколь само Просвещение, однако некоторые соображения общенаучного характера (в частности, закон возрастания энтропии в системе) склоняют нас на сторону постмодернизма. Во всяком случае «победа порядка над хаосом никогда не бывает полной или окончательной... Попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии с идеальной целью обречены на провал»¹³⁵.

В целом *социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и соответствующие им нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение, интериоризация индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике) нежелательных форм поведения.*

Между тем, иллюзорен социальный контроль над девиантностью, включая преступность, или нет, — общество и государство всегда будут предпринимать попытки элиминировать или минимизировать нежелательные «здесь и сейчас» виды девиантного поведения и, прежде всего, преступность.

Контроль над преступностью — один из видов социального контроля. Поскольку преступность (что бы ни вкладывалось в это понятие в различные эпохи у разных народов) издавна воспринималась как самая опасная форма «отклонений», постольку и средства воздействия на лиц, признанных преступниками, применялись самые жесткие (жесткие). История человечества знает все мыслимые и немыслимые виды пыток, квалифицированных видов смертной казни, калечения¹³⁶. Но преступность не покидает общество...

В узком смысле социальный контроль над преступностью — *совокупность средств и методов воздействия общества на преступное поведение с целью его элиминирования (устранения) или сокращения, минимизации.*

Социальными *регуляторами* человеческого поведения служат выработанные обществом *ценности* (как выражение отношения человека к тем или иным объектам и значимым для людей свойствам этих объ-

¹³⁵ Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 192, 193.

¹³⁶ См. подробнее: Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999; Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957.

ектов) и соответствующие им *нормы* (правовые, моральные, обычаи, традиции, мода и др.), т.е. правила, образцы, стандарты, эталоны поведения, устанавливаемые государством (право) или же формируемые в процессе совместной жизнедеятельности, а средством передачи (трансляции) тех и других — *знаки*¹³⁷.

Следует заметить, что нами сознательно не употребляется широко распространенное в быту и отечественной науке понятие «борьба с преступностью». С.С. Босхолов совершенно верно, с моей точки зрения, отмечает ущербность широко распространенной стратегии «борьбы с преступностью». Приведем длинную, но принципиально важную цитату. «Слово "борьба"... толкуется как схватка, сражение, поединок, главной целью которых является подавление, искоренение, уничтожение чего-нибудь или кого-нибудь. Борьба зачастую предполагает непримиримое противостояние вступивших в нее сторон с конечной целью победы, для достижения которой могут быть использованы любые средства... Увлечшись борьбой (а борьба всегда увлекает, завораживает и даже ослепляет борющихся), те, кто призваны по долгу службы вести ее против преступности, зачастую переходят грань, которая разделяет право и произвол, законность и беззаконие... Призывы к войне с преступностью, усилению борьбы с нею, по сути дела, ставят перед органами уголовной юстиции, государством и обществом несодержательную цель. Они не только дезориентируют, но и дезорганизуют их деятельность по обеспечению безопасности и правопорядка, влекут, как правило, массовые нарушения законности, прав и свобод граждан»¹³⁸. Добавлю к этому, что в нашем недавнем прошлом осуществлялась непрерывная «борьба» с «врагами народа», «членами семей врагов народа», «безродными космополитами», «убийцами в белых халатах», в результате чего были уничтожены миллионы безвинных соотечественников...

Контроль над преступностью включает:

- установление того, *что именно* в данном обществе расценивается как преступление (*криминализация* деяний);
- установление *системы санкций* (наказаний) и конкретных санкций за конкретные преступления;
- формирование институтов *формального* социального контроля над преступностью (полиция, прокуратура, суд, органы исполнения наказания, включая пенитенциарную систему, и т.п.);

¹³⁷ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 210.

¹³⁸ Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М., 1999. С. 38–39.

— определение *порядка деятельности* учреждений и должностных лиц, представляющих институты контроля над преступностью;

— *деятельность* этих учреждений и должностных лиц по выявлению и регистрации совершенных преступлений, выявлению и разоблачению лиц, их совершивших, назначению наказаний в отношении таких лиц (преступников), обеспечению исполнения назначенных наказаний;

— деятельность институтов, организаций, физических лиц по осуществлению *неформального* контроля над преступностью (от семьи и школы до общины, клана, землячества, «соседского контроля» — *neighbourhood watch*);

— деятельность многочисленных институтов, учреждений, должностных лиц, общественных организаций по *профилактике* (предупреждению) преступлений.

Нелишне напомнить, что решающую роль в определении стратегии и тактики социального контроля над преступностью, а также их повседневной реализации играет *политический режим*¹³⁹.

Политический режим, независимо от формы организации власти (республика президентская или парламентская, монархия абсолютная или ограниченная), определяет, в конечном счете, политическую жизнь страны, реальные права и свободы граждан (или же юридическое или фактическое их бесправие), терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям», включая преступность и реальную политику в отношении «девиантов», «преступников».

Именно *режим конструирует* различные виды девиантности, включая преступность, определяет санкции в отношении девиантов (преступников), формирует отношение к ним населения. Так, проводимая тоталитарными режимами политика запрета всяческих «отклонений», криминализация большинства из них сопровождается активным пропагандистским воздействием на сознание, взгляды и представления людей. И небезуспешно. Вспомним, как взгляды и нормы цивилизованного германского общества, существовавшие до установления гитлеровского фашистского режима, были в короткие сроки трансформированы под воздействием расистских, националистических воззрений правящей верхушки и умелой пропаганды ведомства Геббельса. Да и печальный отечественный опыт дает немало примеров трансформации, перерождения и вырождения нравственных ценностей и традиций.

¹³⁹ Подробнее см.: *Политический режим и преступность* / ред. В.Н. Бурлаков, Ю.Н. Волков, В.П. Сальников. СПб., 2004.

II. Немного о преступности в современной России

С 1950–х — 1960–х годов в РСФСР, а затем и в постсоветской России наблюдался рост объема и уровня (в расчете на 100 тыс. населения) преступности и большинства ее видов¹⁴⁰. Однако с 2002–2007 годов, по данным МВД РФ, фиксируется ежегодное сокращение объема и уровня преступности и ее видов. Так, уровень убийств снизился с 23,1 в 2001 г. до 10,1 в 2012 г., т.е. более чем в два раза. Аналогичное снижение наблюдается по другим тяжким насильственным преступлениям, грабежам (с 250,3 в 2006 г. до 70,4 в 2012), разбоям (с 44,4 в 2005 г. до 13,7 в 2012 г.) и большинству иных видов преступности. Это можно было бы объяснить традиционным для России сокрытием преступлений от регистрации и ростом латентности, если бы не сокращение объема и уровня преступности с конца 1990–х — начала 2000–х гг. в Европе, Азии, Африке, Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии. Причем в США и ряде европейских стран уровень убийств сократился так же, как в России, примерно в два раза. Так, уровень убийств сократился в Колумбии с 72,2 в 2002 г. до 33,2 в 2011 г., в Японии с 0,6 в 2004 г. до 0,3 в 2011 г., в Германии с 1,2 в 2002 г. до 0,8 в 2011 г., в Литве с 10,6 в 2000 г. до 6,4 в 2011 г., в Эстонии с 11,4 в 1999 г. до 4,8 в 2011 г.¹⁴¹

Имеется несколько гипотез объяснения происходящего. По мнению автора этих строк, во-первых, преступность, как сложное социальное явление развивается по своим собственным законам, не очень реагируя на полицию и уголовную юстицию, и, как большинство социальных процессов, — волнообразно. Во-вторых, большую часть зарегистрированной преступности составляет «уличная преступность» (*street crime*) — преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, собственности. «Беловоротничковая преступность» (*white-collar crime*) занимает сравнительно небольшую часть всей зарегистрированной преступности. А основные субъекты «уличной преступности» — подростки и молодежь, которые в последние десятилетия «ушли» в виртуальный мир Интернета. И там они встречаются, любят, ненавидят, стреляют, убивают, совершают мошеннические действия и т.п., удовлетворяя — осознанно или нет — потребность в самоутверждении, самореализации. В-третьих, возможно, имеет место «пере-

¹⁴⁰ См., напр.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд. СПб., 2009. С. 77–80.

¹⁴¹ International Homicide, Count and Rate per 100 000 population (1995–2011). UNODC, 2013.

структуризация» преступности, когда новые ее формы — прежде всего, киберпреступность, а также экономическая, «беловоротничковая» преступность — «вытесняют», замещают «обычную» преступность, оставаясь высоколатентными, незарегистрированными (кто сегодня решится назвать, сколько совершается киберпреступлений?).

По мнению участников сессии «*The Crime Drop*» 12-ой ежегодной конференции Европейского общества криминологов (Бильбао, 2012)¹⁴², главная причина глобального сокращения преступности — секьюритизация (*securitization*), повышение защищенности населения и юридических лиц, благодаря достижениям охранной техники.

В.И. Поклад (Луганск, Украина) полагает, что причиной общемирового спада преступности может служить снижение дюркгеймовской аномии с окончанием бурного перехода от общества модерна к постмодерну.

Криминологи США объясняют сокращение уровня преступности в два раза за последние 20 лет повышением технической защищенности потенциальных объектов преступлений и сокращением доли молодежи — наиболее криминальной демографической группы — в населении страны.

Как бы то ни было, дискуссия о современных тенденциях глобальной преступности не закончена и ждет новых гипотез.

Между тем, в России при позитивном сокращении уровня преступности сохраняется неблагоприятная ситуация по ряду показателей.

Так, Россия сохраняет одно из ведущих мест в мире по уровню (в расчете на 100 тыс. населения) убийств, уступая только некоторым странам Африки и Латинской Америки.

Первое место в мире у России по душевому потреблению алкоголя: по разным источникам от 15 л до 18 л абсолютного алкоголя на человека¹⁴³. Мы опережаем такие винодельческие страны, как Франция, Италия, Испания, Португалия. При этом в России крайне неблагоприятна структура потребляемых алкогольных изделий: водка, самогон (не говоря уже о денатурате и жидкости для чистки окон), в отличие от «винопьющих» и «пивопьющих» стран Западной Европы и Северной Америки. Соответственно велика доля «пьяной преступности» (в сред-

¹⁴² Criminology in the 21st Century: a Necessary Balance Between Freedom and Security. Book of Abstracts. Bilbao, 2012, P. 236, 268, 373.

¹⁴³ «По официальным данным Роспотребнадзора (экспертные оценки даже выше), душевое потребление поднялось до 18 л. чистого алкоголя в год. Порог безопасности, определенный ВОЗ для любой страны в 8 л., превышен, по крайней мере, вдвое — без принятия самых экстренных мер деградация России, ее народа неизбежна» (Н. Герасименко, академик РАМН, Ж. «Российская Федерация», 2009 № 4).

нем 20–30% всех преступлений, а по тяжким насильственным преступлениям до 65–80%).

Россия разделяет с Украиной и Нигерией первые три места в мире по различным показателям (жертвы, преступники, транзит) *торговли людьми*¹⁴⁴.

Значительно *наркопотребление* (хотя в этом виде девиантности мы занимаем среднее положение, не будучи лидерами) и нелегальная наркоторговля.

Хорошо известна тотальная *корруптированность* всех ветвей и уровней власти России. Так, по данным Transparency International, Россия устойчиво входит в группу наиболее коррумпированных стран, наряду с такими, как Кения, Камбоджа, Лаос, Папуа — Новая Гвинея, Таджикистан, Конго (2010 г.), Гондурас, Иран, Казахстан (2012 г.), Мали, Никарагуа, Пакистан, Мадагаскар, Гамбия, Коморские острова и Азербайджан (2013)¹⁴⁵.

Российская *организованная преступность*, во-первых, давно пополнила ряды международной преступности. Во-вторых, сращивается с правоохранительными органами и местной властью («кушевский феномен»). Как говорил бывший президент России Д. Медведев в своем послании Федеральному Собранию: «Произошел целый ряд трагических событий, в результате которых погибли, были убиты наши граждане. Их причинами являются, в том числе, и расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их прямое сращивание с криминалом»¹⁴⁶. Ему вторит Председатель Конституционного Суда В. Зорькин: «С каждым днем становится все очевиднее, что сращивание власти и криминала по модели, которую сейчас называют «кушевской», не уникально. Что то же самое (или нечто сходное) происходило и в других местах — в Новосибирске, Энгельсе, Гусь-Хрустальном, Березовске и так далее... Всем очевидно, что в этом случае наше государство превратится из криминализованного в криминальное»¹⁴⁷.

Все это обуславливает повышенную значимость системы социального контроля в России.

¹⁴⁴ Кангаспунта К. Отображение ситуации, касающейся торговли людьми: предварительные выводы анализа базы данных о торговле людьми // Форум по проблемам преступности и общества. 2003, Т. 3, № 1–2.

¹⁴⁵ Между Мали и Сомали // URL: http://www.gazeta.ru/politics/2013/12/03_a_5780785.shtml (дата обращения: 05.12.2013).

¹⁴⁶ Российская Газета, 2010, 1 дек.

¹⁴⁷ Там же. 10 дек.

Некоторые характеристики социального контроля в современной России.

Конечно, как в любом государстве, в России существует сложившаяся система социального контроля над преступностью и иными негативными социальными явлениями. Это, прежде всего, деятельность полиции, органов расследования, прокуратуры, судов, ФСКН, ФСО, ФСБ, ФСИН и др. В каждом из перечисленных органов имеются честные и профессиональные работники. Но, к сожалению, зачастую не они определяют ситуацию. Провозглашаемые *de jure* в Конституции РФ, УК РФ и иных правовых актах принципы правового государства, законности, равенства всех перед законом, справедливости, гуманности и т.п. ежедневно нарушаются *de facto*.

Законодательство и законотворчество

Очень тревожную тенденцию постперестроечного режима в области социального контроля над преступностью отражает Уголовный кодекс РФ 1996 г. (далее — УК РФ), который провозглашает основной целью наказания «восстановление социальной справедливости» (ст. 43 УК РФ). Это что — возврат к идее мести?¹⁴⁸ Сохраняя смертную казнь (ст. 59 УК РФ), несовместимую с цивилизованностью, УК вводит пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК), которое могло бы быть лишь отчасти оправданно как альтернатива отмененной раз и навсегда смертной казни. Лишение свободы предусматривается до 20 лет, по совокупности преступлений — до 25 лет, а по совокупности приговоров — до 30 лет (ст. 56 УК). Ни пожизненного лишения свободы, ни 30-летнего срока не знало даже сталинское уголовное законодательство. (Я не останавливаюсь здесь на внесудебной расправе и печально знаменитых «десяти годах лишения свободы без права переписки», *de facto* означавших расстрел). Кроме того, по неизвестным причинам законодатель отказался от института отсрочки исполнения приговора (сохранив отсрочку в крайне ограниченных случаях — ст. 82,

¹⁴⁸ Реалистичность и реализуемость целей наказания (ст. 43, п.2 УК РФ) — тема специального обсуждения (см.: Гилинский Я.И. Уголовное право: реалии и перспективы // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию. Материалы VI Российского Конгресса уголовного права. М.: Проспект, 2011. С. 572–575; Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., М., 2009).

82–1 УК), который ранее широко применялся особенно в отношении несовершеннолетних.

Чрезвычайно противоречиво и последующее законодательное решение уголовно–правовых вопросов: поспешное исключение конфискации из системы наказания; необоснованное расширение перечня мотивов «преступлений ненависти» до «вражды в отношении какой–либо социальной группы»; безразмерное понимание «экстремистской направленности» и т.п.

Сегодня наблюдается бесконечная, бессмысленная, при крайне низкой юридической технике криминализация деяний, не представляющих опасности. Более того, такие законы и законопроекты, как уголовная или административная ответственность за «пропаганду нетрадиционной сексуальной ориентации», «оскорбление чувств верующих», «оскорбление патриотических чувств» и т.п. способны вызвать лишь негативные последствия: рост ксенофобии (включая гомофобию), преступления на почве ненависти или вражды (*hate crimes*), неосновательное осуждение граждан *de facto* по политическим мотивам.

Одним из наиболее значимых показателей цивилизованности/нецивилизованности современного общества, демократичности/авторитарности (тоталитарности) политического режима служит сохранение смертной казни в системе наказаний или же отказ от нее. Сохранение смертной казни во многих штатах США свидетельствует, с моей точки зрения, о недостаточной (неполной) их цивилизованности. Поэтому следует отдать должное отмене смертной казни в постсоветской России. Однако вызывает озабоченность возникающие время от времени намерения со стороны как отдельных законодателей, так, к сожалению, и некоторых ученых, вернуть этот постыдный институт, благо до сих пор смертная казнь не исключена *de jure* из перечня наказаний (ст. 59 УК РФ).

Правоприменение

Правоприменительная деятельность следует за законодателем...

Незаконно, с моей точки зрения, осуждение девушек Pussy Riot за «хулиганство» (ст. 213 УК РФ) при отсутствии в их действиях состава преступления. Отсутствуют необходимые признаки объективной стороны, предусмотренные ст. 213 УК: (а) не было «применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия», (б) не было мотивов

«политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды». Был перформанс в не очень продуманном месте, что могло повлечь максимум административную ответственность за мелкое хулиганство.

Еще нелепее и непрофессиональнее выглядит скандальное предъявление обвинения участникам Greenpeace в *пиратстве* при отсутствии всех трех элементов объективной стороны ст. 227 УК: (1) «нападение на морское или речное судно» (платформа не является ни тем, ни другим); (2) «в целях завладения чужим имуществом» (экологические цели Greenpeace, весьма далекие от «завладения имуществом», известны всему миру); (3) «совершенное с применением насилия или угрозой его применения» (не было ни того, ни другого). По иронии, все три элемента состава преступления, предусмотренного ст. 227 УК, были в действиях российских пограничников, захвативших судно Greenpeace. Кстати, состав ст. 213 УК также отсутствует в действиях гринписовцев по ранее изложенным основаниям.

Политически мотивированные процессы («Болотное дело», вышеупомянутые дела Pussy Riot и Greenpeace, «Лесное дело» в отношении Алексея Навального и многие другие), зависимые судьи, выполняющие «указания свыше» — все это наносит ущерб и конкретным людям, и правовой системе, и престижу России.

Деятельность полиции

Основная задача полиции — защита населения от преступных и иных противоправных посягательств, обеспечение общественной безопасности. Полиция — сервисная служба по оказанию соответствующих услуг населению (за счет налогоплательщиков). Это принцип концепции *community policing*¹⁴⁹, заложенный и в ст. 1 Закона о полиции РФ: «Полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства..., для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности».

Вместе с тем, благодаря бездействию полиции, когда надо действовать (помощь жертвам преступлений, поиск преступников), и ее неза-

¹⁴⁹ Skogan W., Hartnett S. Community Policing, Chicago Style. NY: Oxford University Press, 1997.

конным «действиям» (неосновательные задержания, взятки, фальсификация «дел», пытки) российская полиция превратилась в «пугало» для населения.

От одиночных преступлений полиция перешла к хорошо организованной преступной деятельности, вытесняя «бандитские» ОПГ: «крышевание» наркоторговли, сексбизнеса, малого бизнеса (кафе, магазины, рестораны), рейдерские захваты, и др.¹⁵⁰

В результате, по словам главы Межрегионального профсоюза сотрудников ОВД РФ М. Павлова, «Люди не верят не только полиции, суду и прокуратуре — тоже. Все эти органы больны коррупцией, равнодушием, непрофессионализмом. Мы довели до такой ситуации, что обращаться в полицию боятся даже жертвы преступления»¹⁵¹. О крайне низком уровне доверия граждан к правоохранительным органам свидетельствуют и результаты многочисленных опросов населения, проводимых «Левада-Центром» и другими социологическими службами.

Эта сложившаяся за последние десятилетия практика принципиально отличается от деятельности полиции в цивилизованных государствах. Так, в Австрии полицейский наряд должен прибыть к месту вызова в течение трех минут. В Вене на плакатах в школах и полицейских участках, на авторучках и брелоках значится: «*Sicherheit und Hilfe — Ihre Wiener Polizei*» (безопасность и помощь — ваша венская полиция). И каждый житель от мала до велика знает, что полицейский всегда придет *на помощь* в конфликтных ситуациях.

В Англии, как известно, полицейские должны уметь принимать роды: мало ли что внезапно может случиться в общественном месте!

Наши сравнительные международные эмпирические исследования (1998–2001) «Население и милиция в большом городе»¹⁵² показали, например, что в Чикаго и Нью-Йорке горожане обращаются в полицию в два раза чаще, чем в Санкт-Петербурге, а милиция Санкт-Петербурга задерживает горожан в два раза чаще, чем в Чикаго и Нью-Йорке. Комментарии излишни.

¹⁵⁰ См., например: Гилинский Я.И. Криминология. С. 284–287.

¹⁵¹ The New Times. 2013. 28 окт.

¹⁵² Ежегодные отчеты «Население и милиция в большом городе» издавались небольшим тиражом в течение 1999–2002 гг. — См. также: Davis, R., Ortiz, Ch., Gilinsky, Y., Ylesseva, I., Briller, V. A cross-national comparison of citizen perceptions of the police in New York City and St. Petersburg, Russia // Policing: An International Journal of Police Strategies and Management. 2004. Vol. 27. N 1. P. 25–36.

Служба исполнения наказания

Некачественное расследование и неправосудные приговоры дополняются архаичной системой ФСИН, наследницей ГУЛАГ'а–ГУИН'а с лагерями/ колониями, неведомыми цивилизованным странам, и страшными СИЗО, о которых бывший начальник ГУИН–ФСИН генерал Ю.И. Калинин говорил: «Условия в наших следственных изоляторах, по международным нормам можно квалифицировать как пытки. Это лишение сна, воздуха, пространства»¹⁵³.

Но и реальные пытки сопровождают деятельность «исправительных» учреждений: «пресс-хаты» в СИЗО (где пытаются силами других заключенных в целях получения «признательных показаний»), пыточные колонии «Белые Лебеди» (для «злостных нарушителей режима»), пытки в «обычных» колониях. В 2004–2005 гг. под нашим руководством было проведено эмпирическое исследование пыток в пяти регионах России (Санкт-Петербург, Псков, Нижний Новгород, Республика Коми, Чита). Результаты опубликованы в монографии¹⁵⁴. В частности от 40 до 60% заключенных подвергались пыткам еще до вынесения приговора, т.е. во время предварительного расследования. Недавно опубликованные материалы, а также «пыточный» скандал в Казани, подтверждают, что ничего не изменилось в лучшую сторону¹⁵⁵.

Антинаркотическая политика

Крайне архаична деятельность ФСКН по контролю за оборотом наркотиков. Жесткая политика — все запрещать, всех сажать — принципиально отличается от мировой практики и приводит к негативным последствиям.

Наркопотребление сопровождает человечество всю его историю. Долговечность наркопотребления, как и любого социального «зла», свидетельствует о том, что оно выполняет вполне определенные *социальные функции*. Наркотические средства, наряду с алкоголем, выпол-

¹⁵³ Абрамкин В.Ф. Поиски выхода. Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. М., 1996. С. 92.

¹⁵⁴ Белоусов К., Гилинский Я. и др. Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород. 2007.

¹⁵⁵ Доклад российских неправительственных организаций по соблюдению Российской Федерацией Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания в период 2006–2012 годы. М., 2012.

няют социальные функции: анестезирующую (снятие или уменьшение боли), седативную (успокаивающая), психостимулирующую (наряду с кофе и чаем), интегративную («трубка мира» индейцев, «застолье» в СССР, России), идентифицирующую (показатель принадлежности к определенной группе, субкультуре), престижно–статусную (французский коньяк или же кокаин), протестную.

«Уничтожить» наркопотребление так же невозможно, как преступность, проституцию и иные виды нежелательного поведения. Необходима разумная, научно обоснованная, достаточно либеральная (имеем дело с людьми, чаще всего — молодыми) антинаркотическая политика, основанная на медицинской, психологической помощи наркоманам, а не уголовном преследовании. Об этом говорится и в ежегодных докладах Управления ООН по наркотикам и преступности¹⁵⁶, и в научной литературе¹⁵⁷.

Производные каннабиса (марихуана) легализованы сегодня в Нидерландах и Чехии, в Цюрихе и «Христиании» (Копенгаген), в трех штатах США. В странах Западной Европы давно легализована и широко практикуется заместительная терапия, позволяющая наркоманам поддерживать существование, а подчас и вести активный образ жизни. Все это запрещено в России под страхом уголовного наказания.

Зато по инициативе ФСКН было запрещено ветеринарам применять наркоз (кетамин) при операции на животных (2004 г.), что привело к массовой гибели домашних животных от болевого шока; был введен запрет на выращивание мака на приусадебных участках (2005 г.), а в ряде регионов — на продажу выпечных изделий с маком; были арестованы руководители фирмы «Софэкс» за легальную торговлю легальным этиловым эфиром (2006 г.); наложен запрет на свободную продажу марганцовки (марганцово–кислый калий) в аптеках (2007 г.). А сами «борцы с наркотиками» нередко «крышуют» наркобизнес, о чем свидетельствуют многочисленные дела.

Трезвую оценку запрета наркоторговли дает известный экономист Л.М. Тимофеев: «Из всех возможных способов регулирования отрасли — налогообложение, национализация, запрет — запрет как

¹⁵⁶ Организованная преступность и угроза безопасности. Борьба с разрушительным последствием контроля над наркотиками. Доклад Директора–исполнителя Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности // URL: <https://www.google.ru/> (дата обращения: 10.10.2013).

¹⁵⁷ Кристи Н., Бруун К. Удобный враг. Наркополитика в Скандинавии. 2–е изд. СПб., 2013; Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М., 1998.

раз наименее продуктивен. Запретить рынок — не значит уничтожить его. Запретить рынок — значит отдать *запрещенный*, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций... Запретить рынок значит обогатить криминальный мир сотнями миллиардов долларов, предоставить криминальным силам широкий доступ к общественным благам. И, наконец, самое главное. Запретить рынок — значит дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства»¹⁵⁸. На последний довод обращается внимание и в докладе Директора–исполнителя Управления ООН по наркотикам и преступности в 2009 г.

Эта безумная жажда запретительства характерна и для законодателя, и для правоохранительных ведомств современной России, что не может не приводить к негативным для общества последствиям¹⁵⁹.

Наказание

В настоящее время в большинстве цивилизованных стран осознается «кризис наказания», кризис уголовной политики и уголовной юстиции, кризис полицейского контроля¹⁶⁰.

«Кризис наказания» проявляется, *во–первых*, в том, что после Второй мировой войны во всем мире наблюдался рост преступности, несмотря на все усилия полиции и уголовной юстиции (а с конца 1990–х — начала 2000–х — сокращение, так же независимо от деятельности полиции и уголовной юстиции). *Во–вторых*, человечество перепробовало все возможные виды уголовной репрессии без видимых результатов (неэффективность общей превенции). *В–третьих*, как показал в 1974 г. Т. Матисен, уровень рецидива относительно стабилен для каждой конкретной страны и не снижается, что свидетельствует о неэффективности специальной превенции. *В–четвертых*, по мнению психологов, длительное (свыше 4–6 лет) нахождение в местах

¹⁵⁸ Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М., 1998. С. 107.

¹⁵⁹ Гилинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд, 2009, № 3.

¹⁶⁰ Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo–London, 1974; Albanese J. Myths and Realities of Crime and Justice. Third Edition. Apocalypse Publishing, Co, 1990; Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C Thomas Publishing, 1996; Rotwax H. Guilty. The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996; и др.

лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека¹⁶¹.

Впрочем, о губительном (а отнюдь не «исправительном» и «перевоспитательном») влиянии лишения свободы на психику и нравственность заключенных известно давно. Об этом подробно писал еще М.Н. Гернет¹⁶². *Тюрьма служит школой криминальной профессионализации, а не местом исправления*. Никогда еще никого не удавалось «исправить» и «перевоспитать» посредством наказания. Скорее, наоборот. «Лица, в отношении которых было осуществлено уголовно-правовое насилие — вполне законно или в результате незаконного решения, образуют слой населения с повышенной агрессивностью, отчужденный от общества»¹⁶³.

Лишение свободы — неэффективная мера наказания с многочисленными негативными побочными последствиями. При этом тюрьма «незаменима» в том отношении, что человечество не придумало пока ничего иного для защиты общества от тяжких преступлений. «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит» чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»¹⁶⁴.

Осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью, более того — негативных последствий такого распространенного вида наказания как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и тактического характера.

Во-первых, при полном отказе от смертной казни лишение свободы становится «высшей мерой наказания», применять которую надлежит лишь в крайних случаях, в основном при совершении насильственных преступлений и только в отношении взрослых (совершеннолетних) преступников.

Во-вторых, в странах Западной Европы, Австралии, Канаде, Японии преобладает *краткосрочное* лишение свободы. Обычно сроки исчисля-

¹⁶¹ Пирожков В.Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С. 40–50; Хохряков Г.Ф. 1) Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; 2) Парадоксы тюрьмы. М., 1991.

¹⁶² Гернет М.Н. В тюрьме: Очерки тюремной психологии. 1930.

¹⁶³ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М., 2009. С. 18.

¹⁶⁴ Фуко М. Надзирать и наказывать. С. 339.

ются неделями и месяцами, во всяком случае — до 2–3 лет, т.е. до наступления необратимых изменений психики.

В-третьих, поскольку сохранность или же деградация личности существенно зависят от *условий* отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях, постольку в современных цивилизованных государствах поддерживается достойный уровень существования заключенных (нормальное питание, санитарно-гигиенические и «жилищные» условия, качественное медицинское обслуживание, возможность работать, заниматься спортом, встречаться с родственниками), устанавливается режим, не унижающий их человеческое достоинство, а также существует система *пробаций* (испытаний), позволяющая строго дифференцировать условия отбывания наказания в зависимости от его срока, поведения заключенного и т.п.¹⁶⁵.

В-четвертых, все решительнее звучат предложения по формированию и развитию *альтернативной*, не уголовной юстиции для урегулирования отношений «преступник — жертва», по переходу от «возмездной юстиции» (*retributive justice*) к юстиции возмещающей, восстанавливающей (*restorative justice*)¹⁶⁶. Суть этой стратегии состоит в том, чтобы с помощью доброжелательного и незаинтересованного посредника (некто в роде «третьей стороны») урегулировать отношения между жертвой и преступником.

Как уже доводилось автору писать в «Ежегоднике уголовного права» (2013), контент-анализ докладов на одиннадцати европейских криминологических конференциях (2001–2011) и четырех мировых конгрессах (всего свыше 6 500 докладов)¹⁶⁷ показал, что во многих

¹⁶⁵ Подробнее см.: Correctional Institutions in Japan. Correctional Bureau Ministry of Justice, 1985; Ingstrup O. Only those who believe can stay the Course in turbulent Times: A Value-based, strategic approach to the Management and development of Corrections. Canadian Centre for Management Development, 1995; Champion D.J. *Corrections in the United States. A Contemporary Perspective*. Fourth Edition. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005; King R., McDermott R. The State of our Prisons. Oxford: Clarendon Press, 1995; Seiter R. *Corrections: An Introduction*. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2005. — См. также: От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли. Финский опыт сокращения числа заключенных / сост. И.Г. Ясавеев. Хельсинки, 2012.

¹⁶⁶ Зер Х. Восстановительное правосудие: Новый взгляд на преступление и наказание. М., 1998; Abolitionism in History: On another Way of Thinking. Warsaw, 1991; Consedine J. *Restorative Justice: Healing the Effects of Crime*. Ploughshares Publication, 1995; Contemporary Justice Review: Issues in Criminal, Social and Restorative Justice: Special Issue on The Phenomenon of Restorative Justice, 1998. Vol. 1 N 1.

¹⁶⁷ Гилинский Я.И. Некоторые тенденции мировой криминологии. В: Российский ежегодник уголовного права 2012. СПб: СПбГУ, 2013.

докладах затрагивались вопросы альтернативных лишению свободы мер наказания, электронного слежения и медиации¹⁶⁸, пока еще почти не практикуемой в России. Медиация обсуждалась на всех мировых конгрессах. В Сеуле был представлен доклад «Медиация против тюремного заключения» («Mediation versus imprisonment»).

В целом речь идет о переходе от стратегии «войны с преступностью» (*War on crime*) к стратегии «сокращения вреда» (*Harm reduction*). Об этом прямо говорится в 11-й Рекомендации доклада Национальной Комиссии США по уголовной юстиции: «изменить повестку дня уголовной политики от "войны" к "миру"»¹⁶⁹. «Уменьшить надежды на тюремное заключение и обратить больше внимание на общественное исправление (*community correction*)» советует S. Barcan¹⁷⁰.

«Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социальные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»¹⁷¹.

К сожалению, российская уголовная и пенитенциарная политика строится на давно устаревших репрессивных представлениях о «пользе» наказания. Достаточно сказать, что Россия и США в течение десятилетий занимают первые места по *уровню заключенных* (на 100 тыс. населения). Если в 1990-е годы первое место занимала Россия (уровень заключенных в 1990 г. — 470, в США — 475, в 1992 г. — 520, в США — 519, в 1994 г. — 580, в США — 554, в 1999 — 729, в США — 682), то в 2000-е годы США опередили Россию по этому мрачному показателю (в 2001 г. — 689, в России — 673, в 2007 —

¹⁶⁸ Медиация — одна из современных технологий альтернативного урегулирования конфликтов (между обвиняемым и потерпевшим, между заключенным и администрацией пенитенциарного учреждения и т.п.) с участием третьей нейтральной, не заинтересованной в данном конфликте стороны — медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение.

¹⁶⁹ Donziger S. The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission. Harper Collins Published, Inc, 1996. P. 218.

¹⁷⁰ Barkan S. Criminology. A Sociological Understanding. Prentice Hall. Upper Saddle River, 1997. P. 542.

¹⁷¹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. С. 9, 15, 18, 56, 68.

762, в России — 613)¹⁷². Вообще же в СССР первый максимальный уровень заключенных (1 111, 1 187) был в 1938–1939 гг., что не удивительно. А второй максимум (1 476, 1 546, 1 489) — в 1949–1951 гг. Так тов. Сталин отблагодарил советский народ за победу над гитлеровской Германией...

И хотя к 2012 г. уровень заключенных в России снизился до 508, мы занимаем по этому показателю второе место в мире после США (на третьем месте — Белоруссия).

Особенно неблагоприятно положение с *условиями отбывания* наказания в российских пенитенциарных учреждениях¹⁷³.

Суды же крайне редко назначают осужденным наказание, не связанное с лишением свободы (к штрафу приговариваются 7–14% осужденных, к исправительным работам — 4–5% осужденных¹⁷⁴).

Профилактика

Конечно, как известно со времен Ш. Монтескье, «хороший законодатель не столько заботится о наказании за преступление, сколько о предупреждении преступлений: он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы»,¹⁷⁵ и, по мнению Ч. Беккариа, «лучше предупреждать преступления, чем наказывать за них». А Вольтер назвал предупреждение преступлений «истинной юриспруденцией».

Под предупреждением (профилактикой, превенцией) преступности понимается такое воздействие общества, институтов социального контроля, отдельных граждан на криминогенные факторы, которое приводит к сокращению и/или желательному изменению структуры преступности и к несовершению потенциальных преступных деяний. Различают три уровня превенции: первичную (общесоциальную), вторичную (специальную) и третичную (индивидуальную). Во многих странах, включая Россию, разработаны теория, методология и методики профилактики преступлений.

¹⁷² Подробнее эти и ниже приводимые данные см.: Гилинский Я.И. Исполнение наказания в системе социального контроля над преступностью // Закон, 2012, № 1. С. 117–128.

¹⁷³ Положение заключенных в современной России. М., 2003; Российский ГУЛАГ: убийства и пытки. М., 2006.

¹⁷⁴ Меры наказания, примененные к осужденным // URL: <http://crimpravo.ru/page/sudstatistic/sudstatistic46/> (дата обращения: 07.12.2013).

¹⁷⁵ Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 201.

Но насколько профилактика реалистична и эффективна, может ли она служить панацеей от криминальных бед¹⁷⁶?

Во-первых, что служит *объектом* превенции, если преступность есть некий конструкт, продукт договоренности или субъективных решений (релятивность и конвенциональность преступности). Если согласно букве уголовного закона порядка 100% взрослого населения страны — уголовные преступники, то кто же кого будет «профилактировать»?

Во-вторых, превенция предполагает воздействие на *причины* преступности, криминогенные факторы. Но кто сегодня решится сказать, что он знает эти причины (факторы)? В отечественной и зарубежной литературе называются сотни «причин» и факторов, известны десятки респектабельных концепций причин преступности. Какие из них «принять за основу» и применять в профилактической деятельности?

Не удивительно, поэтому, *в-третьих*, что до сих пор нет достаточно убедительных данных об *эффективности* той или иной превентивной деятельности. В книге Д. Грэхема и Т. Бенетта собран большой материал по наиболее перспективным программам превенции в странах Европы и Северной Америки. Но их успешность и результативность чаще всего не выявлены¹⁷⁷.

Наконец, *в-четвертых*, существует серьезная опасность вырождения профилактики в попрание прав человека, ибо превенция всегда есть *интервенция* в личную жизнь. Проводя связь между «инструментальной рациональностью» превенции и Аушвицем (Освенцимом), Н. Steinert говорил в 1991 г.: «Я вижу в идее превенции часть серьезнейшего заблуждения этого столетия»¹⁷⁸.

Конечно, все это не исключает разработку и совершенствование мер профилактики преступлений, равно как совершенствование системы наказаний. Но надо ясно понимать, что ни профилактика, ни наказания, ни деятельность полиции и уголовной юстиции не в состоянии *существенно повлиять* на уровень и динамику преступности, которая, с одной стороны суть социальный конструкт (сконструированный властью,

¹⁷⁶ Помимо приводимых ниже суждений, см. также: Lab S. Personal Opinion: Alice in Crime Prevention Land (With Apologies to Lewis Carroll) // Security Journal, Perpetuity Press Ltd. Vol. 12, No 3, 1999. P. 67–68.

¹⁷⁷ Грэхем Д., Бенетт Т. Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке. Хельсинки: HEUNI, 1995. См. также: Hendrics J., Byers B. Crisis Intervention in Criminal Justice. Charles C. Thomas Publ., 1996.

¹⁷⁸ Steinert H. The Idea of Prevention and the Critique of Instrumental Reason. In: Albrecht G., Ludwig–Mayerhofer W. (Eds.) Version and Informal Social Control. Berlin: Walter de Gruyter and Co., 1995. P. 5–16.

режимом в интересах, прежде всего, власти, режима)¹⁷⁹, а с другой стороны — обусловлена неустранимыми социальными факторами (прежде всего, социально–экономическим неравенством).

Между тем, без разумного, обоснованного, выверенного, законного, в рамках правового поля социального контроля над преступностью, пьянством, наркопотреблением, коррупцией, организованной преступностью общество не может нормально существовать и развиваться. Необходима продуманная реальная (а не на словах) реформа *всей* правоохранительной и судебной системы России.

III. Некоторые выводы

Преступность была, есть и будет в любом государстве, ибо им же и создается (конструируется).

Социально–экономическое неравенство — один из главных криминогенных факторов.

Наказание — вынужденный, но малоэффективный (точнее — неэффективный) метод противодействия преступности.

Осознавая неизбежность преступности, неэффективность и негативные последствия традиционных мер наказания (прежде всего — лишения свободы при абсолютной недопустимости смертной казни), следует сосредоточить внимание на поисках и повышении эффективности мер наказания, *альтернативных лишению свободы* (штраф, исправительные, обязательные, принудительные, общественные работы, ограничение свободы и т.п.).

Прекращение криминализации деяний, не представляющих общественной опасности и нарушающих лишь моральные, этические нормы некоторых (не всех!) групп населения. Остановить «безумный принтер».

Необходима *массовая декриминализация* незначительных, излишне криминализированных деяний (преобразование ряда из них в административные проступки или гражданско–правовые деликты).

Требуется реализация принципа «*минимум репрессий*». Безусловная законодательная отмена смертной казни; отношение к лишению свободы как к «высшей мере наказания», применяемой, как правило, только в отношении совершеннолетних лиц, совершивших насильственные преступления.

¹⁷⁹ См. подробнее: Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. СПб., 2011.

Необходима либерально–демократическая реформа судов (обеспечение их реальной, а не только провозглашенной независимости), полиции (как *сервисной* службы, предоставляющей услуги населению по обеспечению безопасности людей) и уголовно–исполнительной системы; абсолютная недопустимость пыток и отказ от репрессивных условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы.

Формирование *альтернативной* «восстановительной» юстиции (*restorative justice*), обеспечивающей права и интересы потерпевших вне рамок уголовного правосудия.

Формирование *ювенальной юстиции*.

Воспитание либерально–демократического правосознания населения (с помощью СМИ, в образовательных учреждениях, в процессе гласной правоприменительной деятельности реформированных полиции, судов, иных правоохранительных органов).

Позитивные девиации¹⁸⁰

Глава I. Позитивные девиации

Я не сумасшедший.
Только ум мой не такой, как у вас.
Диоген

Творчество — это что-то глубоко
неестественное для жующей обезьянней
природы, творчеством люди занимаются
не от «хорошей» жизни.
А.В. Фролов

§ 1. Постановка вопроса

Как известно, еще Э. Дюркгейм отметил «двойственность» девиаций: преступление и «преступление» Сократа, проложившего дорогу к морали будущего. Более основательно обратил внимание на «симметричность» девиаций Питирим Сорокин. В своей первой монографии петербургского периода «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) он отметил «курьез» научной мысли: «В то время как один разряд фактов социальной жизни (преступления–наказания) обратил на себя исключительное внимание научной мысли, другой разряд фактов, не менее важных и играющих не меньшую социальную роль, почти совершенно игнорируется той же научной мыслью. Мы говорим о "подвигах и наградах". Преступления и наказания служат и служили до сих пор единственным объектом исследования представителей общественных наук и теоретиков уголовного права. Подвиги же и награды — как совершенно равноправная категория, как громадный разряд социальных явлений — огромному большинству юристов и социологов даже и

¹⁸⁰ Творчество как позитивная девиантность / ред. Я. Гилинский, Н. Исаев СПб: Алеф–Пресс, 2014. С. 9–39.

неизвестны»¹⁸¹. Но еще больший «курьез» состоит в том, что «курьез», отмеченный Питиримом Сорокиным в 1914 г., сохраняется до сих пор, как в мировой, так и особенно, в российской науке. Если в океане мировой девиантологической мысли можно найти островки работ о позитивных девиациях («подвигах») ¹⁸², то в отечественной — это лишь постановочные работы автора этих строк при отсутствии необходимых эмпирических социологических исследований.

Первоначальное неприятие великих творений с последующим (чаще всего — слишком поздним для их создателей) признанием, восхищением и почитанием — общее место истории науки, техники, искусства. *Новое* всегда выступает *отклонением* от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и потому воспринимается как аномалия. Вообще «каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, но освященного привычкой порядка»¹⁸³. При этом, чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем аномальнее оно выглядит.

Неудивительны поэтому бесчисленные высказывания о связи (тождестве?) гениальности и безумия, о патологии творчества, об изначальной (генетической) отягощенности творческой личности и т.п., достигшие наибольшего признания среди последователей фрейдизма. У гениев ищут — и находят — следы «вырождения», как Ч. Ломброзо находил их у преступников... В отечественной литературе в этом отношении представляют интерес выпуски «Клинического архива Гениальности и Одаренности (эвропатологии)», посвященные «вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам патологии творчества», выходявшие в Ленинграде (мне известны четыре тома — с 1925 по 1928 гг.). Из современных работ этого направления представляет интерес книга «Экспедиция в гениальность»¹⁸⁴. Психопатология

¹⁸¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992. С. 77.

¹⁸² Ben-Yehuda N. Positive and Negative Deviance: More Fuel for a Controversy // *Deviant Behavior*, 1990. Vol. N 11, N 3, pp. 221–243; Heckert D.M. Positive Deviance: A Classificatory Model // *Free Inquiry in Creative Sociology*, 1998 N 26 (1), pp.23–30; Heckert D.M., Heckert D.A. Positive Deviance. In: Bryant C. (Ed.) *Ibid.* Vol. 1, pp. 269–272; Kwasniewski J. Positive Social Deviance // *The Polish Sociological Bulletin*, 1976. N 3 (35), pp. 31–34; Sagarin E. Positive Deviance: An Oxymoron // *Deviant Behavior*, 1985. N 6, pp. 169–181.

¹⁸³ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 296.

¹⁸⁴ Колупаев Г.П. и др. Экспедиция в гениальность: Психобиологическая природа гениальной и одаренной личности (Патографические описания жизни и творчества

известных политических деятелей — Цезаря и Калигулы, Карла IV и Карла VI, Ричарда III и Наполеона, Жанны д'Арк и Робеспьера, и многих других — исследуется в двух книгах (под одним названием и одного года выпуска) Ивана Лесны¹⁸⁵.

Людей всегда интересовали загадки научного и художественного творчества. Но лишь в научном активе XX столетия нашлось место для формирования *эврологии* (П. Энгельмейер) как комплексной, междисциплинарной науки о творчестве. Наряду с философскими (А.С. Арсеньев, Г.С. Батищев, В.С. Библер, Г.А. Давыдова, З.М. Какабадзе, Э.В. Ильенков и др.), психологическими (С.М. Бернштейн, Л.С. Выготский, С.О. Грузенберг, А.Н. Лук, Я.А. Пономарев, В.Н. Пушкин, М.Г. Ярошевский и др.), психофизиологическими вопросами творческой деятельности, значительный интерес представляет ее социологическая сторона.

Естественно, что предметом социологии служит творчество как социальный феномен, а не индивидуальный творческий акт (предмет психологии и истории). Однако, как нам кажется, именно социологии творчества повезло у нас менее всего. Может быть это связано с тем, что ни в годы сталинизма, ни во времена застоя общество — следуя за вождями — не предъявляло спрос на социальное творчество. А недолгий период хрущевской «оттепели», всколыхнувший научную мысль, литературное, художественное творчество, был слишком краток для серьезного социологического осмысления и формирования социологии творчества как относительно самостоятельного направления. Горбачевская «Перестройка» открыла невиданные перспективы для развития любой отрасли знания, но продолжалась, увы, не долго. В современной же России («стабильных 2000-х») приветствуется единомыслие, угодное власти, и доходящее до невиданного даже в советское время ханжества и мракобесия...

Справедливости ради следует заметить, что социология науки и социология различных видов художественного творчества получили известное развитие¹⁸⁶. Философское осмысление творчества нашло

великих людей). М.: Новь, 1999. См. также: Кречмер Э. Гениальные люди. СПб.: Академический проект, 1999.

¹⁸⁵ Лесны И. О недугах сильных мира сего (властелины мира глазами невролога). Прага: Графит, 1990.

¹⁸⁶ Введение в социологию науки / ред. С.А. Кугель, Н.С. Чернякова. СПб.: Ун-т экономики и финансов, 1992; Майзель И.А. Социология науки. Л.: Знание, 1985; Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983; Яхиел Н. Социология науки. М.: Прогресс, 1977.

отражение в работах В.С. Библера¹⁸⁷ и Г.С. Батищева¹⁸⁸. Но пока не сформировалась социология творчества как более общая теория¹⁸⁹.

Эвристически перспективными являются, с нашей точки зрения, исследования социального творчества как формы (вида, проявления) девиантности. Однако такое утверждение нуждается в дополнительном обосновании.

Единый мировой процесс самодвижения материи осуществляется в двух основных дополнительных (в боровском понимании) формах: *самоорганизации* (убывание энтропии) и *самодезорганизации* (возрастание энтропии). Диалектика организации и дезорганизации, порядка и беспорядка, негэнтропийных и энтропийных процессов обуславливает неравномерное их распределение в пространственно-временном континууме Вселенной. Одним из островков относительного преобладания организационных, информационных, негэнтропийных процессов является Земля, породившая ряд информационно-генерирующих процессов (геогенез, биогенез, антропосоциогенез). Противоречие между организацией и дезорганизацией носит объективный характер, служит необходимым условием и источником развития физических, биологических, социальных систем.

Существование любой системы (в том числе общества) есть динамическое состояние, процессуирующее тождество сохранения/изменения. Наиболее общим средством обеспечения динамического равновесия системы, сохранения через изменения выступают девиации.

При этом отклонения, по законам диалектики в соответствии с принципами симметрии и дополнительности, не могут не быть полярными — позитивными и негативными, ибо «отрицательное и положительное абсолютно соединены в субстанциональной необходимости»¹⁹⁰. Механизмом общественного развития выступает, прежде всего, социальное творчество (позитивная сторона девиантного поведения), т.е. такая деятельность, которая не ограничивается воспроизводством известного (вещей, идей, отношений), а порождает нечто *новое, ори-*

¹⁸⁷ Библер В.С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). М.: Изд-во политической литературы, 1975.

¹⁸⁸ Батищев Г.С. Творчество с собственно философской точки зрения (К вопросу о созидательном назначении человека во Вселенной). В: Наука и творчество. Методологические проблемы. Ярославль, 1986. С. 20–27; Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб: РХГИ, 1997.

¹⁸⁹ Интересные социологические наблюдения публиковались в ежегодниках «Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения» (Л.: Наука).

¹⁹⁰ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 206.

гинальное, качественно новые материальные и духовные ценности. Широкое понимание творчества как порождения нового приводит к выводу о том, что творческая деятельность человека — лишь проявление фундаментального свойства материи, лежащего в основе развития¹⁹¹. Представляется плодотворным понимание творчества как механизма развития материи, образования ее новых форм¹⁹², когда «природой творчества является творчество природы»¹⁹³. На противоположном полюсе девиантного поведения находится его «дурная» сторона — негативные девиации (преступность, пьянство, наркотизм, коррупция и т.п.) как неизбежное *alter ego* социального творчества.

Как различные виды творчества, так и различные виды нежелательных для общества проявлений — суть *формы социальной активности*¹⁹⁴. При всей их общественной разнзначности имеется нечто общее, позволяющее уловить их единство: нестандартность, нешаблонность поступков, *выход за рамки привычного, за пределы нормы*. «Творчество осуществимо и объяснимо только как выход за пределы всякой заранее данной ограниченности, как результат способности со временем преодолеть любой заранее данный предел, *создать принципиально новую возможность*»¹⁹⁵. Если «творчество потому и является таковым, что в нем непременно нарушаются какие-то существенные нормы деятельности, то есть обнаруживается, по существу, систематическое "уклонение от нормы"»¹⁹⁶, если «глубинная общность науки и искусства состоит в том, что и тот и другой феномены возникли как средство прорыва из замкнутой скорлупы самодостаточного мира обыденного сознания»¹⁹⁷, то отклонение от социальных норм может носить и негативный характер, проявляясь как преступление, пьянство, наркотизм, проституция (вообще продажность). Иными словами, «уклонение от

¹⁹¹ Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб: РХГИ, 1997.

¹⁹² Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.

¹⁹³ Рунин Б.М. Творческий процесс в эволюционном аспекте. В: Художественное и научное творчество. Л.: Наука, 1972. С. 63.

¹⁹⁴ Интересный, развернутый анализ творческой (креативной) активности, наряду с «рациональной» и «нормативной» деятельностью, представлен в: Йоас Х. Креативность действия. СПб: Алитей, 2005.

¹⁹⁵ Батищев Г.С. Творчество и рациональность (к определению понятия человека). В: Человек, творчество, наука. М.: Наука, 1967. С. 95.

¹⁹⁶ Обсуждение методологических проблем творчества // Вопросы философии. 1979, № 3. С. 165.

¹⁹⁷ Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии. 1976, № 10. С. 114.

норм» может быть, с позиций социального целого, объективно полезным, прогрессивным, служа механизмом поступательного развития общества, или же общественно опасным, задерживающим его развитие.

(В действительности диалектика «добра» и «зла» (Ян–Инь) еще сложнее. Научное творчество, с одной стороны, двигатель прогресса. С другой стороны, порождения научной мысли способны поставить под вопрос само существование человечества, его выживание. Это не только смертоносное оружие массового поражения, но и непредсказуемые последствия генной инженерии, биотехнологий¹⁹⁸. Я уже не говорю о политическом творчестве, когда революция порывает оковы устаревшего политического режима, но чревата гибелью людей и контрреволюцией).

Эта сложная, диалектическая, поражающая обыденное сознание связь не только нормы и аномалии, но и полюсов отклоняющегося поведения издавна привлекала художников. Это и пушкинское «гений и злодейство две вещи несовместные», и мучительные искания Ф. Достоевского, доходившие «до последнего предела» и переходившие «за черту», «бесовщина» и метания от «высших типов человека» к человеку гнусному «до последней степени», и мысль П. Хиндемита о том, что преступление и творчество — две стороны единого процесса, и, наконец, преследовавшая Т. Манна мысль: *творчество как преступление*. В интереснейшей, незавершенной статье «Проблемы творчества в произведениях Томаса Манна», Б.С. Грязнов писал: «Любое творчество — всегда преступление, конечно, не в юридическом смысле этого слова... Творчество (преступление) как *созидание*. Художник может стать сильнее отпущенного ему природой (Богом), но для этого он должен совершить преступление против природы (Бога), т.е. творчество оказывается делом дьявольским... Итак, творчество есть боль, страдание. Творчество... есть преступление. Творчество есть дьявольское дело. Творчество есть героизм»¹⁹⁹. Последнее — ибо, чтобы решиться на преступление, требуется отвага («героизм»).

Впрочем, в общей форме это было сформулировано еще Гегелем: «Доблесть несовместима с невиновностью как поступков, так и переживаний. Вполне совершенная нравственность противоречит доблести»²⁰⁰.

Даже наука как социальный институт, функцией которого является создание нового, творчество (нормой деятельности должны быть деви-

¹⁹⁸ См., например: Фукуяма Ф. Почему мы должны беспокоиться // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 84–99.

¹⁹⁹ Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982. С. 249–251.

²⁰⁰ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. I. С. 265.

ации!), в действительности развивается по своим законам и каждое новое выдающееся открытие выступает отклонением, разрушающим парадигмы науки и встречающим соответствующий прием (непризнание, враждебное отношение и т.п.) пока не заменит былую парадигму, само став таковой²⁰¹. Поэтому «наивысшие достижения научной мысли всегда представляли собой выход за рамки парадигмальных норм, за пределы «нормальной науки» и венчали собой крайне напряженное переживание жизни в ее полноте и целостности. Эти высшие достижения существовали изолированно и обособленно, не будучи включенными в контекст научных знаний эпохи (Г. Галилей, А. Эйнштейн, К. Маркс), и проходило зачастую очень много времени пока они обретали характер более или менее общепринятых и согласующихся с предшествующим опытом научного развития»²⁰². Таким образом, научное творчество может выступать как деятельность, отклоняющаяся не только от нормы нетворческого существования, но и от норм самого научного сообщества. Разумеется, то же самое относится и к художественному творчеству. Достаточно вспомнить восприятие новых художественных стилей, течений, направлений (импрессионизм, экспрессионизм, кубизм, сюрреализм, абстракционизм и проч.) со стороны не только читателей, зрителей, слушателей, но и собратьев (невольно напрашивается «брат мой — враг мой») по искусству. Как правило, «с возникновением стилистических норм небольшие отклонения от них вызывают одобрение как усовершенствования, но по-настоящему оригинальные попытки создавать новое подавляются или игнорируются»²⁰³.

В непростых отношениях могут находиться между собой различные виды творчества (впрочем, как и негативных девиаций) — научное и художественное²⁰⁴, художественное и политическое, техническое и художественное.

Все это выдвигает много социологических и социально–психологических проблем, заслуживающих специальных исследований. Как соотносятся нравственные нормы общества и таких «нормативных субкультур» как научное сообщество или сообщество деятелей искусства? Как

²⁰¹ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975; Научное открытие и его восприятие. М.: Наука, 1971.

²⁰² Ионин Л.Г. Георг Зиммель — социолог. М.: Наука, 1981. С. 111–112.

²⁰³ Лук А.Н. Научное и художественное творчество — сходство, различия, взаимодействия. В: Художественное творчество. 1982 Л.: Наука, 1982. С. 204.

²⁰⁴ См., например: Пенкин М. Искусство и наука. Проблемы, парадоксы, поиски. М.: Современник, 1978.

соотносятся нормы жизнедеятельности, образ жизни творческих сообществ и отдельных индивидов, входящих в них? Как проявляется при этом общенаучный закон уменьшения энтропии в самоорганизующейся системе («научное сообщество», «творческий коллектив») за счет увеличения энтропии в среде²⁰⁵? Как влияет на творческую активность размер группы, степень ее сплоченности и не оборачивается ли здесь, как это часто бывает, добро — злом, когда, например (по Г. Зиммелю), групповая деятельность ведет к снижению уровня интеллектуальных достижений?

Важнейшим элементом механизма сохранения—изменения системы (в том числе, общества) служит *адаптация* (как приспособление к среде и «приспособление» среды). Способы адаптации совершенствуются в процессе эволюции мироздания. Можно, пожалуй, сказать, что *эволюция мира есть эволюция способов адаптации его элементов*. По мере усложнения степени организованности системы (от физических к биологическим и от них к социальным), способы адаптации становятся все более активными, так что биологическим и социальным системам присущ уже принцип экспансии²⁰⁶. «Сегодня стало совершенно очевидно, что человеческое общество следует относить к общему классу адаптивных систем»²⁰⁷. Сверхадаптация общественного человека осуществляется путем активного, силового изменения среды. Биологическая борьба за существование перерастает в сверхборьбу за лучшее существование.

Совершенствование адаптационных возможностей рода *Homo Sapiens* и способа его существования осуществляется в ходе своеобразного отбора. Поскольку носителем социального наследования служит *культура* как способ существования общественного человека, постольку для социальных систем объектом отбора являются способы деятельности общественного человека. При этом отбор, как известно, выполняет две функции: движущую (обеспечение развития) и стабилизирующую (обеспечение сохранения). Движущая форма отбора обеспечивается деятельностью, нарушающей существующие нормы (для общества — социальными девиациями, девиантным поведением).

Социальное творчество и есть тот «ряд положительных отклонений», который обеспечивает развитие общественной системы. Реально социальное творчество осуществляется через деятельность людей,

²⁰⁵ Маркарян Э.С. Глобальное моделирование, интеграция наук и системный подход. В: Системные исследования. Ежегодник 1980. М.: Наука, 1981. С. 149.

²⁰⁶ Айдинян Р.М. Введение в теорию социальной организации. Л.: ВПШК, 1980. С. 116–119.

²⁰⁷ Маркарян Э.С. (1981) Указ. соч. С. 144.

через индивидуальные творческие акты, к рассмотрению механизма которых мы и перейдем.

§ 2. Позитивное девиантное поведение

Еретики — горячее прогресса,
Господь, благослови еретиков!
Н. Болтянская

Побудительной силой человеческой деятельности выступают потребности, определяющие ее содержание и интенсивность (не они ли воплощение гегелевской «хитрости мирового разума», провоцирующей «венец природы» к ее самопознанию?). «Первичными» являются витальные, биологические потребности. В конечном счете, на их удовлетворение направлены усилия людей. Однако человек может удовлетворять свои потребности лишь в обществе и посредством общества, в социально определенных формах, опосредующих, очеловечивающих и социализирующих самые что ни на есть естественные, чисто биологические потребности. Так происходит диалектическое «оборачивание»: для более полного удовлетворения первичных потребностей необходимо развитие и удовлетворение вторичных социальных потребностей, включая потребность в самоутверждении, самореализации, в том числе, через творчество.

Вообще имеется определенная иерархия противоречий общественного развития, образующая иерархию причин девиантного поведения. Здесь лишь заметим, что творчество выступает попыткой, средством разрешить противоречия между универсальностью, тотальностью человеческой жизнедеятельности и ее социальной формой, существующими нормами, стандартами, эталонами; между социально сформированными потребностями людей и социально обусловленными возможностями их удовлетворения. *Девиантность есть прорыв социальной формы тотальной жизнедеятельностью*. Так, «Фауст, находя человеческие границы слишком тесными, со всей необузданной силой пытался поднять их над действительностью»²⁰⁸.

На уровне индивидуального поведения источником социальной активности служит «социальная неустроенность», конфликтность бытия, противоречия между потребностями индивида и возможнос-

²⁰⁸ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 544.

тами их удовлетворения. Очевидно, социальной неустроенностью объясняется повышенная активность (как «позитивная», так и «негативная») маргинальных групп, аутсайдеров, «исключенных».

Объективный социологический феномен социальной неустроенности нередко интерпретируется как повышенная трагедийность существования творцов: «Страдание составляет привилегию высших натур... Великий человек имеет великие потребности и стремится удовлетворить их. Великие деяния проистекают только из глубокого страдания души»²⁰⁹. Действительно, рассматриваемое с позиции социальной обусловленности поведения, творчество, наряду с другими феноменами социальной активности (так же как и социальной пассивности), должно изучаться как следствие вполне определенных условий существования, как одно из возможных проявлений поисковой активности, как средство разрешения противоречий общественной жизни и конфликтных ситуаций, как способ самоутверждения, а «противоречия и аберрации индивидуального творчества как выражение общественных социальных аномалий»²¹⁰.

Так, в искусстве представляется возможным изживать «величайшие страсти, которые не нашли себе выхода в нормальной жизни»²¹¹. Так, в науке «идея — это и есть «придуманная», «увиденная» (то есть найденная пока лишь в сознании) возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации — за рамки существующего положения вещей и выражающих его понятий»²¹². Так, для А. Эйнштейна, согласно его «Автобиографическим заметкам», теория относительности была «актом отчаяния»²¹³! По словам Г.Д. Гачева, «теходы, которые проделывает на уровне абстракции моя теоретическая мысль, связаны с загвоздками и переживаниями моей текущей личной жизни,... пишу я, например, о сменах структур образов в истории литературы, а решаю тем проблемы своей жизни: они просвечивают в поворотах, наклонениях и акцентах теоретических построений»²¹⁴. Впрочем, творческая деятельность, являясь *реакцией* на жизненные

неурядицы, конфликтность и *трагичность бытия*, очевидно, (по принципу обратной связи) порождает повышенную чувствительность, открытость, ранимость ее субъектов, что основательно исследовано психологией и психофизиологией творчества.

И в связи с этим еще один сюжет. Размышления о смысле жизни, его поиски — значимый фактор в детерминации человеческого поведения. (Гораздо более значимый, чем это обычно предполагается). Жизнь каждого из нас — либо постоянный *поиск смысла* существования, или же *примирение с его отсутствием* («а жить-то надо!»), или *уверенность в обретенном смысле* (будь то служение Богу, или науке, или революции...). Вообще же человек чаще всего «не думает» об этом смысле («все это философия, метафизика!»). Но, не думая о смысле жизни, отгоняя от себя саму мысль о нем («свихнуться можно!»), человек действует в условиях выбора так, как будто он учитывает в своих действиях этот самый тщательно отгоняемый Смысл²¹⁵. Иметь или быть, созидать или разрушать, любить или ненавидеть — в значительной степени зависит от мировоззрения человека, его «смысла жизни». Другое дело, что само мировоззрение формируется под воздействием множества средовых факторов.

Осознание смертности — важнейший импульс человеческой активности, творчества. Страх смерти — источник философии, науки, искусства, религии. «Давайте попробуем проследить, на что же в конечном счете направлены все наши помыслы и дела, начиная от заготовки дров на зиму до Рафаелевой Мадонны. Ведь только на преодоление смерти. Сначала мы хотим отодвинуть ее сколько можно дальше в пределах нашего телесного бытия (дрова, пища, одежда и т.д.)... Однако, постигая предел телесной жизни, ее кратковременность, мы стремимся продлить ее в более устойчивых формах дела, дома и т.д. вплоть до самых высоких сфер литературы и искусства»²¹⁶. Т. Манн так объяснял творчество Л. Толстого: «Что же было всему основой? Плотский страх смерти». О страхе смерти как источнике искусств пишет Д. Лихачев. С точки зрения Е. Беккера, «из всего, что движет человеком, главным является ужас смерти... Смерть стала настоящей «музой философии»,

²⁰⁹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1975. Т. 2. С. 506.

²¹⁰ Киссель М.А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. Л.: Лениздат, 1976. С. 15.

²¹¹ Выготский Л.С. Психология искусства. М.: Искусство, 1968. С. 312.

²¹² Ильенков Э.В. Противоречия мнимые и реальные. В: Диалоги: Полемика статьи о возможных последствиях развития современной науки. М.: Политиздат, 1979. С. 118.

²¹³ См.: Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. С. 127.

²¹⁴ Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 132.

²¹⁵ См.: Гилинский Я.И. Социальное насилие и... смысл жизни. В: Исследование сознания и ценностного мира советских людей в период перестройки общества. Информационные материалы. Вып. 6. М.: ИС АН СССР, 1990. С. 30–36; Он же. Тема смерти — тема жизни: философия социологии. В: Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый выпуск. СПб ГУ, 1995. С. 112–114.

²¹⁶ Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти М.: РОССПЭН, 1996. С. 84.

начиная с Греции и кончая Хайдеггером и современным экзистенциализмом», да и героизм, прежде всего, — рефлекс ужаса смерти²¹⁷.

И не является ли текст, лежащий перед Вами, читатель, плодом подсознательного желания автора (скептика, атеиста) продлить бытие в Слове — после смерти?...

Достойная «подготовка» к смерти — полнота Жизни, самоосуществление в созидании, творчестве. Как заметил великий знаток трагизма и абсурдности бытия Ф. Кафка, «тот, кто познал всю полноту жизни, тот не знает страха смерти. Страх перед смертью лишь результат *неосуществившейся жизни*». И не о том же ли хорошо известное утверждение Н. Островского, писателя, полярного Ф. Кафке: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

Наши теоретические построения, равно как изучение биографий выдающихся творцов в области науки, искусства, политики, невольно приводят к парадоксальному выводу: не служит ли усиление неустроенности, конфликтности, проблемности бытия лучшим средством повышения творческой активности?!

Социальная неустроенность, социальный конфликт, неудовлетворенность порождают не только поиски выхода в творчестве, но и «выход» в насилии, вандализме, а также различные формы «ухода» (алкоголизм, наркомания, «хиппизм» и т.п.).

Возможно, существуют какие-то нормы, пороги, допуски, критические значения (индивидуальные для каждого индивида? различные на разных этапах жизненного пути?) неустроенности, трагедийности существования, ниже которых отсутствует стимул творческой активности, а превышение их ведет к краху личности.

§3. Социология творчества как социология позитивных девиаций

Может возникнуть вполне закономерный вопрос: не есть ли изложенное выше лишь дань авторской концепции? Слишком уж непривычно для многих из нас видеть нечто общее в социальном (научном, техническом, художественном) творчестве и социальной «патологии» (преступности, наркотизме, пьянстве, коррупции и т.п.), рассматривать то и другое как следствие неких общих социальных причин. В конечном счете,

судить об этом не автору, а читателям. И все же еще несколько доводов в пользу авторской концепции. Как уже говорилось, социальная норма, определяя исторически сложившуюся в конкретном обществе меру допустимого поведения, может или соответствовать законам общественного развития, или отражать их недостаточно адекватно, а то и находиться с ними в противоречии, будучи продуктом искаженного отражения объективных закономерностей. И тогда социальная «норма» оказывается сама «анормальной». Именно поэтому девиантное поведение может быть позитивным, ломающим устаревшие нормы и объективно способствующим прогрессу (социальное творчество), и негативным, объективно препятствующим развитию или существованию.

Именно поэтому нестандартность, нешаблонность, необычность мыслей и действий — необходимое условие развития общества. Поэтому же преследование инакомыслия и инакодействия — верный гарант стагнации, застоя. Свидетельство тому — отечественная история 30-х — 80-х гг. прошлого столетия, да и нынешних, двухтысячных...

Творчество как создание чего-то нового принципиально не планируемо. Можно предвидеть «точки роста», предсказывать направления будущих открытий, но нельзя предугадать (а, следовательно, и планировать), кто, когда, где и как что-то создаст или откроет неизвестное. Весь опыт нашей истории свидетельствует о вреде жесткого планирования, заорганизованности, занормированности деятельности, приводящей к социальному склерозу и параличу. Хорошо, когда общество, государство поддерживают творческую деятельность, финансируя ее, обеспечивая технически. Но хотя бы не мешали бесконечностью бюрократических требований, отупляющих, оглупляющих вынужденных исполнителей бюрократического зуда и бреда, чем славится, например современное отечественное «управление» наукой, высшим, да и средним образованием...

Далее. Эмпирические социологические исследования последних лет свидетельствуют о вполне определенных и относительно устойчивых взаимосвязях между различными проявлениями негативной девиантности и социальным творчеством. Думается, поэтому, что рассмотрение социального творчества как одного из элементов (подсистем) девиантности не является лишь абстрактной схемой, а таит эвристические возможности комплексного социологического исследования закономерностей распространенности, а также характера взаимосвязей позитивных и негативных проявлений социальной активности в пространственно-временном континууме социума, построения математических

²¹⁷ См.: Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Наука, 1983. С. 254–255.

моделей девиантности как системы, с выходом на управленческие проблемы развития социального творчества «в ущерб» негативным девиациям. Так, «наиболее эффективное предупреждение преступлений... достигается не просто временным подавлением нежелательных форм поведения, а их постоянным вытеснением, заменой их на социально одобряемые, полезные обществу и индивиду формы и виды поведения»²¹⁸.

А вот позиция одного из известных современных исследователей девиантности: «Позитивные девианты готовы думать по-другому о важных проблемах и вдохновлять других думать по-другому об окружающем мире»²¹⁹.

Концепция позитивных/негативных девиаций представляет не только теоретический интерес. Имеются многочисленные исследования, свидетельствующие о сложных соотношениях позитивных и негативных девиаций. В общем виде представляется, что рост позитивных девиаций может отражаться в снижении негативных и наоборот. В 1970–е годы мною была выдвинута *гипотеза баланса социальной активности*²²⁰. В первом приближении баланс социальной активности в определенном пространственно–временном континууме может быть представлен как

$$\sum_{i=1}^e p_i + \sum_{i=1}^{e_1} n_i + \sum_{i=1}^{e_2} k_i = 1,$$

где p — квантифицированные позитивные виды девиантного поведения,

n — квантифицированные негативные виды девиантного поведения,

k — «нормальное» поведение²²¹.

Таким образом, существует гипотетическая возможность «замены» (замещения) некоторой доли негативных девиаций позитивными (и наоборот) или же вытеснение тех и других «нормальным» поведением. Последнее, правда, может вести к застою общества.

Практически это означает, что предоставление обществом (государством) максимальных условий для развития творческой активности (разнообразные и доступные кружки, секции, творческие объединения и т.п.) должно сократить нежелательную для общества активность. Как

²¹⁸ Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М.: Наука, 1985. С. 165.

²¹⁹ Humphrey J. Deviant Behavior. NJ.: Pearson Prentice Hall, 2006, p. 11.

²²⁰ Человек как объект социологического исследования / ред. Л.И. Спиридонов, Я.И. Гилинский. ЛГУ, 1977. С. 103

²²¹ Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки, 1981, № 30. С. 139.

утверждают, в частности, наркологи: «Среди наших пациентов людей с хобби не бывает».

Однако эмпирическая база социологии творчества как девиантности еще крайне слаба. Элементы социологического и социально–психологического подхода мы находим в ряде интересных публикаций²²². Огромный, неосвоенный с точки зрения девиантологии, эмпирический материал содержится в двухтомной энциклопедии «Лауреаты Нобелевской премии»²²³, а образец анкеты — в упомянутой книге В.П. Карцева. Прекрасным источником могут служить биографии крупнейших деятелей искусства и науки.

По мере «очеловечивания» нашего общества (да и всего человечества: иного выхода нет, альтернатива — самоубийство рода *Homo sapiens* в результате экологической или ядерной катастрофы), утверждения общечеловеческих ценностей, достоинства личности и понимания ее самоценности, а равно объективной ценности бесконечного разнообразия индивидуальностей, творчество из отклонения–привилегии превратится в норму жизнедеятельности. Девиантность социума примет формы, которые трудно предсказать сегодня. Но можно думать, что нетворческое, приспособительное, потребительское существование сместится к полюсу негативных отклонений. «Что поделаешь, бесцветная и безвкусная усредненность: она ничему не дает сделаться ни по–настоящему дурным, ни по–настоящему хорошим»²²⁴.

§4. Художественное творчество как девиантность.

Размышления профана.

Летом 2013 г. российские СМИ активно обсуждали конфликт, связанный с предложением директора Государственного музея изящных искусств им. Пушкина (ГМИИ) Ирины Антоновой о воссоздании Музея современного искусства в Москве с передачей ему полотен импрессионистов из петербургского Эрмитажа и естественным возмещением директора Эрмитажа Михаила Пиотровского. Я, с одной стороны, был бы рад созданию (восстановлению) Музея современного искусства. С другой стороны, как петербуржец, я был на стороне М. Пиотровского. Но не сам этот спор меня поразил. Удивило другое:

²²² Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко–научных исследований. М.: Наука, 1984; Матейко А. Условия творческого труда. М.: Мир, 1970; Селье Г. От мечты к открытию. М.: Прогресс, 1987.

²²³ Лауреаты Нобелевской премии. Энциклопедия. В двух томах. М.: Прогресс, 1992.

²²⁴ Hegel G.W.F. Briefe. Berlin, 1970. Bd. II. S. 61.

какой музей *современного* искусства, если под «современностью» понимаются импрессионисты, чей расцвет приходится на позапрошлый, девятнадцатый век! После импрессионистов (чьи произведения я очень люблю), были постимпрессионисты (которые мне, пожалуй, ближе), экспрессионисты (это вообще — *мое!*), далее — кубисты, фовисты, сюрреалисты, абстракционисты, вплоть до современного Modern Art.

Мне нередко удавалось походить по залам музеев *Modern Art* Хельсинки, Парижа, Нью-Йорка, Мюнхена, Стокгольма, Амстердама, Бильбао и других городов. Представленное в них современное искусство столь отличается от уже вполне классических импрессионистов, да и постимпрессионистов, отечественная публика столь не привычна к этому, что, с моей точки зрения, давно необходимо создание в России постоянных (стационарных) музеев Modern Art, хотя бы в Москве и Санкт-Петербурге, с неизменно пополняемой экспозицией. Да, в Москве на Крымском валу есть нечто подобное, да в Санкт-Петербурге проходят периодически выставки, например, братьев Чепменов, вызывающие скандал наших замшелых «истинных православных». Но ведь это капля в море постмодерна при отсутствии разумной пропаганды и просвещения соотечественников, остановившихся в своих художественных пристрастиях на И. Репине и передвижниках (вполне замечательных). И, конечно, дело не в том, где будут экспонироваться импрессионисты, а очевидна необходимость создания *новых музеев действительно современного искусства*. Справедливости ради, следует назвать Музей и галереи современного искусства «Эрарта» в Санкт-Петербурге. Отличный музей! Но и в нем отсутствуют очень многие виды *современного искусства*, широко представленные за рубежом (смею предположить, что это результат внутренней самоцензуры руководства «Эрарта», вызванной разгулом религиозного мракобесия, поощряемого государством).

Немного истории²²⁵.

Импрессионизм (от импрессия — впечатление) в живописи, которым мы восхищаемся сегодня, и чьи представители воплощают наше пред-

²²⁵ Ниже использованы сведения, имеющиеся в: Искусство. От культуры аборигенов до американского поп-арта и от мастеров Возрождения до постмодернизма. М.: Арт-Родник, 2002; Вентури Л. От Мане до Лотрека. М.: Иностранная литература, 1958; Ревалд Дж. История импрессионизма. Л.-М.: Искусство, 1959; Ревалд Дж. Постимпрессионизм. Л.-М.: Искусство, 1962; Котельникова Т.М. Импрессионизм. М.: Олма-Пресс, 2005; Геташвили Н.В., Лукичева К.Л. Постимпрессионизм. М.: Олма-Пресс, 2004; Экспрессионизм. М.: Наука, 1966; Пикон Г. Сюрреализм. Skira Booking, 1995.

ставление о прекрасном — Э. Мане и К. Моне, О. Ренуар и Э. Дега, П. Сезанн и К. Писсарро — в конце 1800-х годов оказался совершенно неприемлем для публики и профессиональных критиков парижских Салонов живописи. «Они (импрессионисты — *Я.Г.*) отказались слепо руководствоваться методами прославленных мастеров и современных псевдомастеров... Их попытки потрясали современников своим "бесстыдством"»²²⁶. Во многом разные по художественным стилям, К. Моне, О. Ренуар, К. Писсарро, А. Сислей, Э. Дега, П. Сезанн вынуждены были объединиться в своем сопротивлении «всеобщему мнению» и организовать собственную «выставку отверженных» (1874). Кто мог бы себе представить в далеком 19 веке, что из-за картин импрессионистов будут сражаться мэтры главных музеев постсоветской Москвы и Санкт-Петербурга! А «выставка отверженных» не прообраз ли «бульдозерной выставки» в хрущевской Москве? История повторяется не лучшими своими эпизодами...

Постимпрессионизм вырос из импрессионизма. Мне кажется, что постимпрессионисты (В. Ван-Гог, П. Гоген, А. Тулуз-Лотрек) несколько «экспрессионистее» своих предшественников. И судьбы у них поэкстравагантнее.

Винсент Ван-Гог (1853–1890), всю жизнь страдавший от непонимания и безденежья, живущий, по существу, за счет брата, страдающий психическим расстройством и отрезавший себе ухо. Ван-Гог в молодости говорил о себе: «Я чувствую, что в будущем сделаюсь, вероятно, еще уродливее и грубее; я предвижу, что уделом моим до некоторой степени будет нищета, но я стану художником». Умирая, он произнесет: «La tristesse durera toujours» («Печаль будет длиться вечно»). Настоящая слава пришла к Ван-Гогу посмертно...

Поль Гоген (1848–1903) учеником лоцмана бороздит моря и океаны. Позднее, став художником, наивно надеется, что этот труд прокормит его и семью. Тщетно. Тяжелейшее материальное положение гоняет его по городам Франции, пока он не уедет на Таити. Возможно, жизнь на Таити, вдали от цивилизации, — лучшее время его жизни. Но всюду его преследует одиночество. Попытка вернуться в Париж оборачивается новым одиночеством. Выставка картин не принесла дохода. И художник возвращается на острова Океании. Одно из его последних писем: «Сегодня я ощущаю себя... побежденным нищетой и особенно недугом слишком уж преждевременной старости...».

²²⁶ Ревалд Дж. История импрессионизма. С. 24.

Анри де Тулуз-Лотрек (1864–1901) — аристократ, сын графа и графини. Казалось бы, ему предстояла обеспеченная и безмятежная жизнь. Но в 15 лет он становится калекой (генетическая аномалия). Окончив лицей, он начинает рисовать. Его влекут совсем не аристократические салоны, а богемная жизнь Монмартра с кафешантанами, цирком и публичными домами. А героями его картин становятся пьяницы, певицы, цирковые артисты, проститутки. Знаменитый парижский «Мулен-Руж», а затем публичный дом «Флер бланш» становятся местом его пребывания, а артистки первого и жрицы любви второго — постоянной натурой. Злоупотребление алкоголем и беспорядочная сексуальная жизнь приводят ставшего знаменитым художника («Веласкес шлюх», по мнению современников) в психиатрическую клинику, а затем и на кладбище...

Может быть, именно жизнь и творчество великих представителей постимпрессионизма служат лучшей иллюстрацией на тему творчество как девиантность.

Экспрессия — выражение, яркое проявление чувств. *Экспрессионизм*, по мнению автора, — бурная эмоциональная реакция на предвоенную (Первая мировая война) — военную (обе мировые войны) — поствоенную реальность.

Одним из известнейших и ранних представителей экспрессионизма является норвежский художник *Эдвард Мунк* (1863–1944). Его картина «Крик» (1893) может служить вывеской этого направления. Автору этих строк, весьма близка идеология экспрессионизма («мотивы боли и крика»), не случайно именно «Крик» Э. Мунка изображен на обложке первого издания моей «Криминологии»²²⁷. Об истоках своего творчества сам Э. Мунк писал: «Мать, которая умерла молодой, передала мне склонность к туберкулезу, а легко возбудимый отец, набожный до фанатизма потомок старинного рода, посеял во мне семена безумия... С момента моего рождения, ангелы тревоги, беспокойства и смерти были всегда рядом... Часто я просыпался ночью, оглядывал комнату и спрашивал себя: «Не в аду ли я?»».

Ярким представителем экспрессионизма может служить *Вильгельм Отто Дикс* (1891–1969) и его знаменитая картина «Труп в окопе» (1924), впрочем, как и вся серия «Война», включая «Раненого солдата» (1924). Примечательна судьба О. Дикса: сын рабочего литейщика — пулемет-

чик в годы первой мировой войны — после прихода к власти Гитлера лишен кафедры в Дрезденской художественной академии и арестован в 1939 г. — пленный французской армии к концу Второй мировой войны. После освобождения из плена — красит автомобили в Кольмаре... В 1929 г. выставляет картину «Полевые окопы» (1923) — эмоциональное отражение окопных переживаний солдата-художника. И традиционно бурно негативная реакция на «необычную» живопись не только посетителей выставки, но и профессиональных критиков: «комик грязи» (мнение одного из них о художнике)... О. Дикс рисует портреты жертв войны — «Продавец спичек», «Инвалиды за карточной игрой» (1920). Основная тема художника — бесчеловечность и ужасы войны. Но О. Дикс в своем творчестве поднимает и вечную тему социальной несправедливости и несправедливого неравенства, рисуя портреты простых рабочих и — «сладкую жизнь» богатых.

Судьба *Георга Гросса* (1893–1959) в значительной степени повторяет судьбу О. Дикса, хотя, в отличие от рабочего происхождения Дикса, считается денди и прожигателем жизни. Но общество не оставляет в покое и Г. Гросса. С 1914 г. он — участник Первой мировой войны, в 1915 г. был ранен. В 1919 г. арестован, как участник восстания спартакистов. В 1919 г. вступил в Коммунистическую партию Германии, а в 1922 вышел из ее рядов после посещения Москвы и знакомства с В. Лениным и Л. Троцким... В 1921 г. был обвинен в оскорблении германской армии, оштрафован, а серия его сатирических рисунков «С нами Бог» уничтожена по приговору суда. В нацистской Германии его творчество было причислено к «дегенеративному искусству»... Не напоминает ли это хрущевскую реакцию на «пидорасов», спровоцированную советскими художниками-академиками?... (Кстати, как похожи не только по тематике, но и по художественному стилю живопись СССР²²⁸ и Германии²²⁹ минувшего столетия...).

Не будучи искусствоведом, я осмелюсь лишь предположить, что идеи экспрессионизма живы и иногда проявляются сегодня в виде то произведений братьев Чепменов (чьи работы, представленные на выставке в Санкт-Петербурге, решила проверить на экстремизм прокуратура города по наводке «истинно православных»...), то картин Шарунаса Сауки²³⁰ (с элементами сюрреализма и «босхизма»). «Несом-

²²⁷ Гилинский Я.И. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб: Питер, 2002.

²²⁸ Советское искусство 20–30-х годов. Л.: Искусство, 1988.

²²⁹ Hütt W. Deutsche Malerei und Graphik im 20. Jahrhundert. Berlin: Henschelverlag Kunst und Gesellschaft, 1969.

²³⁰ Šarunas Sauka. Vilnius: Maldis, 2001.

ненно, творчество Шарунаса Сауки — это художественное явление современности, мимо которого никто не сможет пройти равнодушно. В нём есть и гений, и безумие, и то необъяснимое, что присутствует во всех великих произведениях искусства — социальный раздражитель, на который каждый реагирует по-своему»²³¹. Итак: *творческий гений — «безумие» — социальный раздражитель*. Триада, в какой-то степени характеризующая творчество, как девиантность.

Сам Шарунас Саука объясняет свое фантазмагорическое творчество: «Человек всегда стремился сделать то, что не позволено (запрещено). Общество фактически использовало все возможные запреты... Я попытался выразить это "не разрешенное", которое является во мне»²³². Эти слова художника — еще одно подтверждение представлений о творчестве, как *девиантности*.

Мы имеем дело с *постэкспрессионизмом*? (*Неоэкспрессионизм* уже был в 1970-х — 80-х годах).

Опуская многочисленные художественные направления XIX–XXI веков (кубизм, конструктивизм, фовизм, дадаизм, поп-арт и несть им числа), нельзя не остановиться на *сюрреализме* (от фр. *surréalisme* — сверхреализм). Катаклизмы начала XX века, Первая мировая война, крушение многих иллюзий, несправедливость общественных отношений порождает желание оказаться *вне*, выскочить *за*. В том числе — в мир снов. Произведения классиков сюрреализма (С. Дали, Р. Магритт, М. Эрнст) нередко напоминают сновидения — более «простые», «реалистичные» у Р. Магритта, весьма замысловатые у С. Дали.

«Манифест сюрреализма» был написан Андре Бретоном в 1924 г.²³³ В нем, в частности, говорится: «Сюрреализм есть чистый физический автоматизм, посредством которого мы стремимся выразить в слове или в живописи истинную функцию мысли. Эта мысль продиктована полным отсутствием всяческого контроля со стороны рассудка и находится за пределами всех эстетических и моральных норм». Итак, отсутствие всяческого контроля и нахождение за пределами социальных норм. Эти признаки сюрреализма привели А. Бретона и Л. Арагона к мысли о его тотальной революционности. Но классики сюрреализма выражали ско-

²³¹ Выставка Шарунаса Сауки в KUMU // URL: <http://evelina-mylifeinart.blogspot.ru/2012/01/kumu.html> (дата обращения 16.07.2013). Мне посчастливилось быть на этой выставке в Таллине и приобрести прекрасный альбом произведений Сауки (Я.Г.).

²³² Šarunas Sauka. Vilnius: Maldis, 2001, p. 24 (перевод с английского — Я.Г.)

²³³ См.: Manifesto of surrealism by Andre Breton (1924) // URL: <http://www.tcf.ua.edu/Classes/Jbutler/T340/SurManifesto/ManifestoOfSurrealism.htm> (дата обращения 20.07.2013).

рее не политическое, а художественное неприятие действительности, а потому их произведения отражают пренебрежение реальностью и уход в фантазмагорические сновидения.

Сальвадор Дали (1904–1989) родился в семье нотариуса. С детства был капризен и неуправляем. В возрасте 16 лет теряет мать, к которой, по словам самого Дали, относился «с религиозным обожанием». Это не помешало Дали в 1929 г. выставить картину с собственноручной надписью: «Я плюю на свою мать». В этом — весь С. Дали. Полное непризнание морали — принцип художника. С детства страшно боится... кузнечиков. В расцвете творчества пишет картины с изображением гигантских кузнечиков, в т.ч. в знаменитом «Великом мастурбаторе» (1929). Неприятие действительности приводит к сознательному построению своей жизни, своего облика (знаменитые закрученные вверх усы вопреки «обвислым усам» Ф. Ницше — своего кумира *de facto*) и своего творчества, как парадокса. «Дали видит мир умирающим, распадающимся, теряющим смысл, а самое бессмысленное и мертвое — это фасады разума и морали, это политические программы и семейный идеал, это сама эстетика, это и сам человек»²³⁴. Вспомним, «мораль — сапоги всмятку» Н.Г. Чернышевского...

Рене Магритт (1898—1967) провел тяжелое детство в небольшом промышленном городе Бельгии. Его мать утопилась в реке, когда мальчику было 12 лет, что не могло не повлиять на психику ребенка. До 28 лет работал художником плакатов и рекламы на фабрике бумажной продукции и лишь затем смог заняться самостоятельным творчеством. В отличие от работ С. Дали, Р. Магритт рисует реальные вещи, но они помещены в нереальные ситуации, их соединения нереальны. Так, в «Условиях человеческого существования» картина на мольберте должна загораживать часть виднеющегося в окне моря, но мы видим море «сквозь» картину. В «Вероломстве образов» нарисована трубка с надписью: «Это не трубка». В «Сыне человеческом» портрет мужчины, лицо которого закрывает яблоко. «Замок в Пиренеях» висит на огромной скале в воздухе над морем. В «Царстве света» дом с садом и деревьями изображены ночью, светятся окна, горит фонарь. А над ними — ясное голубое дневное небо.

Цель Р. Магритта, по его собственному признанию, заставить зрителя задуматься. (Символично, что именно в залах Р. Магритта

²³⁴ Якимович Я. Сюрреализм и Сальвадор Дали. В: Дали С. Дневник одного гения. М.: Искусство, 1991. С. 23.

в брюссельском музее я столкнулся в 1994 году с окруженным охраной Салманом Рушди, приговоренным иранским лидером Али Хаменеи к смертной казни за роман «Сатанинские стихи»...).

Отец Макса Эрнста (1891–1976) работал в школе для глухонемых и был человеком властным, а мать — кроткая женщина, любившая рассказывать сыну сказки. В годы Первой мировой войны М. Эрнст оказался на фронте и вернулся с войны ярым ее противником. Когда в Германии к власти пришли фашисты, творчество М. Эрнста, как и других дадаистов и сюрреалистов, было причислено к «дегенеративному искусству». Затем в 1939 г. во Франции его интернировали как подданного враждебного государства. Он попадает в лагерь, из которого ему удалось спастись лишь с помощью своего друга Поля Элюара.

Во многих типично сюрреалистических картин М. Эрнста («Пьющий коктейль», «Молчащие глаза», «Искушение св. Антония», «Европа после дождя» — атомного...) прослеживаются индейские мотивы, как результат жизни в штате Аризона.

В целом искусство сюрреалистов — реакция на сюрреалистическую реальность двух мировых войн, обществ капиталистического и социалистического...

Нельзя не упомянуть современное *Modern Art*, а также *акционизм*.

Modern Art охватывает многочисленные направления и разновидности. Иногда — подчеркнуто политизированные; иногда — «сексуализированные», на грани с так называемой «порнографией» (правда, никто не знает, что это такое...); иногда это загробные «ужастики» с черепами, разлагающимися трупами; иногда — не очень понятный набор линий или окружностей... Но всегда — произведения, эпатажирующие обывателя, а то и братьев по искусству. Произведения Modern Art могут нравиться или нет, они могут быть более «художественными» или менее, но они *есть* и заслуживают внимания, размышления и обсуждения, а отнюдь не пренебрежительного осуждения.

Акцизм, как протестные художественные акции, возник, по мнению художественного критика и историка искусств А. Боровского, в начале XX века — с акций футуристов «Пощечина общественному вкусу». Вообще, «всегда были люди, не любившие власть, и у них всегда были разные способы самовыражения... Акционизм — это форма активного, острого, провоцирующего, цепляющего искусства, привлекающего внимание, разрушающего стереотипы — поведенческие, религиоз-

ные, политические, психологические»²³⁵. Иными словами — безусловно *отклоняющееся* от норм, девиантное поведение.

Наиболее известные современные российские сообщества акционистов и их акции: деяния группы «Война» (с блестящим произведением «Фалос в плену у ФСБ» на Литейном мосту Санкт-Петербурга против печально знаменитого «Большого дома» — резиденции КГБ–ФСБ); «Голубые ведерки» (выступающие против изобилия «маячковых» автомобилей); протестные акции художника Петра Павленского (акция «Туша», в ходе которой художник обмотал себя колючей проволокой возле здания Законодательного собрания Санкт-Петербурга, акция в поддержку Pussy Riot, когда он вышел с одиночным пикетом к Казанскому собору, зашив себе рот, наконец, прибил свою мошонку к брусчатке Красной площади²³⁶); и, конечно же, Pussy Riot с осужденными к лишению свободы молодыми участницами за хулиганство по ст. 213 УК РФ при полном отсутствии в их действиях (куплет в Храме Христа Спасителя в Москве) состава преступления... А переписка одной из осужденных — Надежды Толоконниковой с европейским властителем дум, социальным философом Славой Жижекком — образец общения интеллектуалов на фоне скатывающейся в феодализм современной России...

§5. Научное творчество как девиантность.

Гений не следует нормам,
он нарушает и создает их.
И. Кант

Азбучные примеры осуждения за научное творчество (отстаиваемые научные идеи, представления) как преступление — смертный приговор Сократу (399 г. до н.э.), сожжение на костре Джордано Бруно (1600) и Мигеле Сервета (1553), заточение в темнице Галилео Галилея (1633).

Менее известно, что Синод православной христианской церкви обвинил Михаила Ломоносова в распространении в рукописи антиклерикальных произведений (уважаемый читатель, вам это ничего не

²³⁵ Боровский А. Арт-акционизм: искусство провокации и искусство реагировать на провокацию // Новая Газета, 07.10.2013. С. 16–17.

²³⁶ См. подробнее: Художник Петр Павленский прибил свою... мошонку к мостовой на Красной площади в Москве // URL: <http://fakty.ua/172050-hudozhnik-petr-pavlenskij-pribil-svoyu-moshonku-k-mostovoj-na-krasnoj-ploshchadi-v-moskve> (дата обращения: 14.12.2013).

напоминает?) по ст. ст. 18 и 149 Воинского Артикула Петра I, предусматривавшим смертную казнь. Представители православного духовенства требовали сожжения М. Ломоносова (!). Указом императрицы Елизаветы Петровны М. Ломоносов был признан виновным, однако от наказания освобожден.

А. Лавуазье, знаменитый химик был гильотинирован 8 мая 1794 г. в Париже по решению революционного трибунала. Председатель трибунала, в ответ на апелляцию к мировой славе ученого, произнес: «Республика не нуждается в ученых»... Путь почти каждого по настоящему великого ученого — от осуждения к мировой славе (нередко, увы, посмертной).

Создается впечатление, что современники преследуют творцов — писателей, художников, композиторов, ученых, не говоря уже о политиках-реформаторах — едва ли не с большей ненавистью и последовательностью, нежели убийц, насильников и грабителей...

И это относится далеко не только к давно прошедшим временам. И не только к массовым репрессиям ученых в годы гитлеровского и сталинского режимов.

Так, доктор Джеймс Роджерс в 1965 (!) году был приговорен к казни на электрическом стуле за так называемый «массачусетский эксперимент», однако за два дня до казни, будучи в камере он покончил с собой, отравившись цианидом калия. Недавно «Массачусетский университет психологии и невропатологии», в котором работал доктор Роджерс, официально заявил, что этот эксперимент имеет большое научное значение, а его эффективность неоспорима. В связи с этим ректор университета доктор Филл Розентерн попросил прощения у оставшихся родственников Джеймса...

А осужденные в наши дни известные российские ученые И.В. Сутягин, В.В. Данилов, И.А. Решетин, С.А. Визир, М.М. Иванов, А.В. Рожкин и другие...

Не могу не привести отрывок из выступления известного генетика В.П. Эфроимсона в 1985 г. перед учеными после просмотра кинофильма «Звезда Вавилова» о жизни и смерти великого ученого Н.И. Вавилова, уничтоженного в сталинском ГУЛАГ'е: «Я пришел сюда, чтобы сказать правду. Мы посмотрели этот фильм... Я не обвиняю ни авторов фильма, ни тех, кто говорил сейчас передо мной... Но этот фильм — неправда. Вернее — еще хуже. Это — полуправда. В фильме не сказано самого главного. Не сказано, что Вавилов — не трагический случай в нашей истории. Вавилов — это одна из многих десятков миллионов

жертв самой подлой, самой бессовестной, самой жестокой системы. Системы, которая уничтожила, по самым мягким подсчетам, пятьдесят, а скорее — семьдесят миллионов ни в чем не повинных людей. И система эта — сталинизм. Система эта — социализм. Социализм, который безраздельно властвовал в нашей стране, и который и по сей день не обвинен в своих преступлениях. Я готов доказать вам, что цифры, которые я называю сейчас, могут быть только заниженными.

Я не обвиняю авторов фильма в том, что они не смогли сказать правду о гибели Вавилова. Они скромно сказали — "погиб в Саратовской тюрьме"... Он не погиб. Он — сдох! Сдох как собака. Сдох он от пеллагры — это такая болезнь, которая вызывается абсолютным, запредельным истощением. Именно от этой болезни издыхают бездомные собаки... Наверное, многие из вас видели таких собак зимой на канализационных люках... Так вот: великий ученый, гений мирового ранга, гордость отечественной науки, академик Николай Иванович Вавилов сдох как собака в саратовской тюрьме... И надо, чтобы все, кто собрался здесь, знали и помнили это...». Помним ли мы это?

Правда, примеры из истории гитлеровской Германии и сталинского СССР, а также современной России имеют политическую подоплеку. Когда же мы рассматриваем научное творчество как позитивную девиантность, на первое место выходит нарушение канонических догматов, парадигм самой «нормальной» науки. «Ученые в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими»²³⁷. Вот эта нетерпимость коллег и «общественности» к подлинным открытиям оборачивается нередко трагедией для их авторов. По мнению Н. Сторера, в науке существует «система наведения внутреннего порядка» (*internal police system*)²³⁸, обеспечивающая развитие «нормальной» науки и, очевидно, препятствующая ее «нарушителям».

²³⁷ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. С. 43.

²³⁸ Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983. С. 119.

Современное состояние и перспективы российской криминологии²³⁹

There are many criminologies
and many criminologists.
Ray Michalovskij

Оценить состояние и перспективы развития науки, в т.ч. криминологии, в той или иной стране можно лишь проследив ее прошлое и сравнив с состоянием и перспективами мировой науки. С этого кратко и начнем.

Немного истории

История отечественной криминологии в соответствии с общественно–политическими условиями, влияющими на ее развитие, может быть несколько условно разделена на несколько периодов:

1. от первых идей (начало XIX в.) до 1917 г. («царский период»);
2. с 1917 г. до начала 1930–х гг. (ранний советский период);
3. с начала 1960–х до конца 1980–х гг. (поздний советский период);
4. с начала 1990–х гг. до наших дней (постсоветский период).

Лагуна с начала 1930–х до начала 1960–х гг. минувшего века образовалась в годы сталинского тоталитарного режима, когда какие бы то ни было труды в области криминологии оказались невозможны.

Развитие российской криминологии до 1917 г. характеризуется наличием всех трех основных направлений позитивистской криминологии: биологического (антропологического) — труды Д.А. Дриля, В.Ф. Чижа, С.Н. Данилло и др.; психологического (прежде всего — Л.И. Петражицкий); и социологического (М.Н. Гернет, И.Я. Фойницкий, Х.М. Чарыхов, Е.Н. Тарновский, А.А. Жижиленко и др.). При этом господствующим был социологический подход, включая многофакторный.

Нельзя не отметить либеральные взгляды тогдашней отечественной профессуры по проблемам наказания. М.Н. Гернет, М.В. Духовской, А.А. Жижиленко, И.Я. Фойницкий, а также А.Ф. Кистяковский, П.И. Люблинский, Н.С. Таганцев, В.Д. Спасович и многие другие выступали против жестокости наказания, против смертной казни²⁴⁰. Они отстаивали приоритет предупреждения преступлений путем решения социальных проблем.

В ранний советский период еще продолжают основные тенденции развития отечественной криминологии. Активно разрабатывается социологическое направление, проводятся эмпирические исследования. По инициативе М.Н. Гернета в 1918 г. создается отдел «моральной статистики» в Центральном статистическом управлении (ЦСУ). Развивается отечественная пенитенциарная криминология (М.Н. Гернет, Е.Г. Ширвиндт, А.Я. Эстрин и др.). Постепенно все большее внимание уделяется изучению «личности преступника», ибо, согласно политической доктрине, в социалистическом обществе не может быть социальных причин преступности. . . Большую роль в такого рода исследованиях сыграли кабинеты по изучению преступника и преступности. Первый из кабинетов был создан в 1918 г. в Петрограде. В Москве в 1925 г. был открыт Государственный институт по изучению преступности и преступника, подчинивший ранее разобщенные кабинеты, ставшие его филиалами.

Сталинский режим привел de facto к запрету криминологии, наряду с социологией, генетикой, кибернетикой и другими «буржуазными лже–науками». Многие ученые оказались в ГУЛАГе. . .

С хрущевской «оттепели» начинается постепенное возрождение криминологии. Поздний советский период характеризуется, с одной стороны, активизацией криминологических исследований. Первые шаги — книги А.Б. Сахарова, А.А. Герцензона, В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Н.Ф. Кузнецовой, А.М. Яковлева; открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963); начало преподавания курса криминологии в МГУ и ЛГУ (1964). Под руководством А.Б. Сахарова в 1970–е гг. проводится первое крупномасштабное (на базе двух областей России — Орловской и Кемеровской) эмпирическое криминологическое исследование социальных условий преступности. Совершенствуются методология и методика эмпирических исследований (Г.А. Аванесов, Ю.Д. Блувштейн, С.Е. Визин, А.В. Добрынин, Г.И. Забрянский и др.).

²³⁹ Российский журнал правовых исследований. 2014. Том 4 (1). С. 175–180.

²⁴⁰ См. в: Смертная казнь: За и против. — М.: Юридическая литература, 1989.

В Москве на базе ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР проходят криминологические семинары под руководством А.Б. Сахарова, а позднее — А.И. Долговой.

С 1987 г. начинает функционировать ежегодный Балтийский криминологический семинар, объединивший криминологов Латвии, Литвы, России, Эстонии, и проходящие поочередно в Эстонии, Латвии, Литве, Ленинграде/Санкт-Петербурге. Позднее, с начала 1990-х годов, в этих семинарах принимают участие криминологи других стран — Великобритании, Венгрии, Германии, Дании, Канады, Норвегии, Польши, США, Франции, Чехии.

С другой стороны, все еще сохраняется сильный идеологический пресс. Уголовная статистика «закрыта», писать о социальных причинах преступности в социалистическом обществе не рекомендуется. Результаты эмпирических исследований если и публикуются, то с грифами «секретно» или — в лучшем случае — «для служебного пользования» (ДСП).

Нередко приходилось «хитрить»: публиковать результаты исследования в Эстонии, где цензура была мягче, чем в РСФСР; результаты одного и того же исследования публиковать «дозировано» в разных изданиях (две цифры в Эстонии, две — в Иркутске, одну — в Ленинграде)...

Постсоветский период, с моей точки зрения, включает два этапа.

Первый — с начала 1990-х до середины 2000-х годов.

Второй — с середины 2000-х годов до настоящего времени. Остановимся на этом подробнее, т.к. это — постсоветское — время определяет состояние современной российской криминологии и в то же время закладываются основы ее дальнейшего развития (прогресса/регресса).

Состояние современной российской криминологии

Первый этап отличается бурным развитием криминологии. С конца 1980-х — начала 1990-х гг., благодаря горбачевской «перестройке», впервые за много лет появилась возможность свободно, без оглядки на «партию и правительство», без цензурных ограничений проводить исследования, публиковать их результаты, отстаивать собственную научную позицию. Горбачевская «перестройка» сняла все путы, мешавшие развитию науки.

Во-первых, появился доступ к уголовной статистике. В 1990 и 1991 гг. выходят первые статистические сборники «Преступность

и правонарушения в СССР» со статданными по каждой республике и в целом по СССР, начиная с 1961 г. И эти сборники можно было купить в обычных книжных магазинах! В 1992 г. выходит первый статистический сборник «Преступность и правонарушения» в РФ. С тех пор эти ежегодные сборники можно было получить, направив запрос в ГИЦ МВД РФ или «достать по знакомству». Забегая вперед — ко второму этапу постсоветского периода, следует с горечью заметить, что после 2008 г. достать подобный сборник стало невозможно. Да и издаются ли они? Снова возвращаемся к «секретным» публикациям?

Во-вторых, стало возможным проводить полноценные эмпирические криминологические исследования, в т.ч. компаративистские с зарубежными партнерами. Назову только некоторые из них (исследований), известных мне. Да простят меня те коллеги, чьи исследования прошли мимо меня.

В 1991 г. выходят из печати материалы комплексных исследований преступности в Эстонии²⁴¹ и Ленинграде²⁴².

Г.И. Забрянский (Москва) проводит серию фундаментальных эмпирических исследований преступности несовершеннолетних, результаты которых отражены в ряде монографий²⁴³.

Петербургские ученые (В. Афанасьев, Я. Гилинский) принимают участие в многолетнем сравнительном международном исследовании преступности и других девиантных проявлений в странах Балтийского региона. Результаты изложены в серии публикаций²⁴⁴.

В начале 1990-х годов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области по заданию ГУВД было организовано комплексное эмпирическое исследование

²⁴¹ Lepš A. Kuritegevus Eestis. Tartu:Ülikool, 1991 (на эстонском, английском и русском языках).

²⁴² Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И. Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л.: ЛВШ МВД, 1991.

²⁴³ Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск: Минсгиппроект, 1997; Он же. Наказание несовершеннолетних и его региональные особенности. М.: Рудомино, 2000; Он же. Криминология несовершеннолетних. М.: Граница, 2013; Забрянский Г.И., Емельянова Л.В. Статистика преступности несовершеннолетних в России в 1998 году. Аналитический обзор. М.: Penal Reform International, 2000.

²⁴⁴ Social Problems around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication N 21, 1992; Social Problems in Newspapers. Studies around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication N 28, 1994; Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. A Study around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication N 35; 1998; Public Opinion on Social Problems. A Survey around the Baltic Sea. Helsinki: NAD Publication N 36, 1998; Statistics on Alcohol, Drugs and Crime in the Baltic Sea Region. Helsinki: NAD Publication N 37, 2000.

дование тяжких насильственных преступлений (Ю. Аврутин, Б. Волженкин, Я. Гилинский и др.) с анализом статистики, изучением материалов уголовных дел, опросом осужденных за исследуемые преступления и психологическим тестированием этих осужденных. Результаты лишь частично публиковались в ведомственных изданиях.

В Санкт–Петербурге на протяжении ряда лет проводились эмпирические исследования организованной преступности. При этом исследователи (Я. Гилинский, Я. Костюковский и др.) брали многочисленные интервью у сотрудников бывшего Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП), Управления собственной безопасности (УСБ), бизнесменов и членов преступных группировок, «перепроверяя» полученные данные из различных источников. Результаты исследования публиковались в отечественных и зарубежных изданиях²⁴⁵.

Серия исследований организованной преступности, коррупции, экономических преступлений осуществлялась под руководством профессоров А.И. Долговой (Москва), Н.А. Лопашенко (Саратов), В.А. Номоконова (Владивосток), А.Л. Репецкой (Иркутск).

Большое эмпирическое исследование наркопотребления и наркопреступности было проведено в Татарстане под руководством профессора Ю.Ю. Комлева²⁴⁶.

В 2004–2005 годах в пяти регионах России (Санкт–Петербург, Псков, Нижний Новгород, Коми Республика, Чита) осуществлялось сравнительное эмпирическое исследование пыток в правоохранительных органах. При этом опрашивались население названных регионов, заключенные в колониях, эксперты. Результаты исследования (К. Белоусов, Я. Гилинский, В. Гольберт, Я. Костюковский, Э. Кочетков и др.) были опубликованы²⁴⁷.

²⁴⁵ Гилинский Я. Криминологии: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб: Питер, 2002 (2–е издание: СПб: Юридический центр Пресс, 2009; 3–е издание: СПб: Алеф–Пресс, 2014), а также: Gilinskiy Y. Organized Crime: A Perspective from Russia. — In: Albanese J., Das D., Verma A. (Eds.) Organized Crime: World Perspectives. — Prentice Hall, 2003, pp. 146–164; Gilinskiy Y., Kostjukovsky Y. From Thievish *Artel* to Criminal Corporation: The History of Organised Crime in Russia. — In: C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in European Union and Beyond. Springer, 2004. Vol. 4, pp. 181–202; и др.

²⁴⁶ Комлев Ю.Ю. Социологический мониторинг наркотизации подростково–молодежной среды. Казань: Новое знание, 2005; Комлев Ю.Ю., Садыкова Р.Г. Наркотизм в Татарстане: результаты эмпирического исследования. Казань: КГУ, 2003.

²⁴⁷ Социология насилия: произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород: Комитет против пыток, 2007.

Фундаментальное исследование латентной преступности за 2001–2009 годы проведено под руководством профессора С.М. Иншакова (Москва)²⁴⁸.

В–третьих, российские криминологи начали принимать участие в международных конференциях и конгрессах и приглашать зарубежных коллег на российские встречи. Так, с 2001 г. в различных европейских странах проходят ежегодные конференции Европейского общества кримиологов. На всех прошедших четырнадцати конференциях выступали российские ученые (Гилинский Я.И., Гуринская А.Л., Петровский А.В., Салагаев А.Л. и др.). Участвовали отечественные криминологи и в работе Мировых криминологических конгрессов (Сеул, Рио–де–Жанейро, Барселона, Кобе).

В свою очередь, в работе международных конференций, организованных в России, принимали участие коллеги из стран Европы, США, Японии. Это относится и к Балтийским криминологическим семинарам/конференциям, и к конференциям на территории России по итогам совместных исследований (организованной преступности, наркопотребления, деятельности милиции/полиции), и к иным международным конференциям, проводимым в Москве, Санкт–Петербурге, Владивостоке, Владимире, Иркутске, Саратове.

При тесном сотрудничестве с российскими криминологами зарубежные коллеги изучали российскую организованную преступность, наркотрафик, публикуя результаты исследований²⁴⁹.

В–четвертых, на основе анализа статистики, результатов эмпирических исследований, знакомства с зарубежными работами отечественные криминологи создают фундаментальные труды, отражающие достижения отечественной криминологии²⁵⁰.

²⁴⁸ Латентная преступность в Российской Федерации. 2001–2006 / ред. С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2007; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / ред. С.М. Иншаков. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2011.

²⁴⁹ Например: Bäckman J. The Inflation of Crime in Russia. Helsinki: NRILP, 1998; Biss C. Alkoholkonsum und Trunkenheitsdelikte in Russland mit vergleichenden Bezügen zu Deutschland. Hamburg: Lit Verlag, 2006; Laskowska K. Rosyjskojezyczna przestepczosc zorganizowana. Bialystok: Femida 2, 2006; Paoli L. Illegal Drug Trade in Russia. Freiburg i. Br.: MPI, 2001; Siegmunt O. Krimenelle Russen, krimenelle Deutsche. Zur Jugendkriminalität im Hell– und Dunkelfeld. Berlin: WVB, 2013. Во всех перечисленных трудах выражается благодарность российским коллегам за участие и помощь в проведении исследований.

²⁵⁰ Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: РКА, 2003; Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних. М.: Граница, 2013; Квашис В.Е. Смертная казнь: Мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2008; Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного периода. М.: Гарда-

На втором этапе, с середины двухтысячных годов наблюдается накопление трудностей в развитии отечественной криминологии.

Как уже отмечалось, отсутствуют публикуемые и доступные достаточно полные статистические сведения о преступности, ее видах, в разрезе российских регионов, о жертвах преступлений и т.п., хотя бы в рамках ранее известных статистических сборников «Преступность и правонарушения». Без полных и доступных данных уголовной статистики принципиально невозможен криминологический анализ и прогноз изменений преступности и ее видов. Парадоксально, но статистика преступности зарубежных стран намного доступнее и полнее российской²⁵¹.

Существенно затруднено проведение эмпирических криминологических исследований. Отсутствуют заказ, финансирование, достаточное количество квалифицированных кадров, коллективов, имеющих опыт проведения таких исследований. Следует подчеркнуть, что отсутствие бюджетного финансирования в вузах и институтах РАН и отток молодых талантливых специалистов теснейшим образом взаимосвязаны. Возможны ведомственные исследования, но их результаты малоизвестны или не известны криминологическому сообществу. Между тем, свыше 90% всех докладов иностранных коллег на международных конференциях и конгрессах основаны на анализе результатов национальных или международных эмпирических исследований. Без них невозможно проверить, подтвердить или опровергнуть те или иные теоретические положения.

Резко сократилось участие российских криминологов в зарубежных конференциях и конгрессах, а также участие иностранных коллег на российских конференциях. И это не удивительно, так как прекращено (за редким исключением) бюджетное финансирование зарубежных науч-

рики, 2002; Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М.: Юрист, 2003; Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Wolters Kluwer, 2009; Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. В 2-х томах. М.: Юрайт, 2011; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М.: Wolters Kluwer, 2005; Побегайло Э.Ф. Избранные труды. СПб: Юридический центр Пресс, 2008; Яковлев А.М. Социология преступности (Криминология). Основы общей теории. М.: МНЮИ, 2001, и многие другие. Автор льстит себя надеждой, что и его «Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль» (издания 2002, 2009, 2014 гг.) может занять место в этом перечне.

²⁵¹ Например: Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistics on Crime and Justice. Helsinki: HEUNI, 2010; Home Office Statistical Bulletin. London: Home Office, 2013; Polizeiliche Kriminalstatistik Bundesrepublik Deutschland. Berichtsjahr 2012. Wiesbaden: Bundeskriminalamt, 2013.

ных поездок российских ученых. Значительно реже, чем раньше, иностранные коллеги приглашаются на конференции в Россию. Что касается грантовой поддержки, то ее возможности также минимизированы после изгнания из России Фонда Сореса, резкого сокращения возможностей Фонда Маккартуров и Фонда Форда, да и отечественных фондов.

Практически отсутствуют и компаративистские исследования совместно с иностранными коллегами. Между тем, изоляционизм противопоставлен любой науке.

Конечно, научная деятельность в области криминологии не прекратилась, но она ограничивается в основном написанием статей, учебников, монографий и преподавательской деятельностью. Отечественная криминология, бурно развивавшаяся в 1990-е годы и в первой половине 2000-х годов, начинает существенно отставать в своем развитии.

Наука в обществе постмодерна

Для осознания современной ситуации с наукой надо понять, что мы живем в совершенно новом мире, в совершенно новой реальности — в обществе постмодерна. Это плохо осознается (или совсем не осознается) большинством населения нашего единого, но фрагментарного мира. Хуже (и опаснее) того, — это не понимается правителями, властями (и не только российскими).

У нас появились неограниченные возможности (за несколько часов переместиться в любую точку планеты; побеседовать в скайпе с приятелем, находящимся в Австралии или Японии; молниеносно отреагировать на любую новость, высказавшись — «на весь свет» — в интернете) и неограниченные риски, вплоть до тотального самоуничтожения — омницида... Общество постмодерна есть общество возможностей и рисков (вспомним У. Бека).

Отметим лишь те особенности общества постмодерна, которые важны для нашей темы.

Глобализация всего и вся — финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков. Соответственно происходит глобализация преступности (прежде всего — организованной). Как результат массовой миграции неизбежен «конфликт культур»²⁵² и цивилизаций со всеми вытекающими криминогенными последствиями.

²⁵² Селлин Т. Конфликт норм поведения. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 282–287.

Это требует «глобализации» науки, в т.ч. криминологии. Если вообще любая наука интернациональна, то тем более необходимо объединение усилий криминологов разных стран в сравнительном изучении как «национальной» преступности, так и международной (торговля наркотиками, торговля людьми, торговля органами, торговля оружием, терроризм, киберпреступность и др.). Изоляционизм смертельно опасен для любой науки.

«Виртуализация» жизнедеятельности. Мы шизофренически живем в реальном и киберпространстве. Без интернета, мобильных, смартфонов и прочих ИТ не мыслится существование. Происходит глобализация виртуализации и виртуализация глобализации. Как одно из следствий этого — киберпреступность и кибердевиантность. Есть основание предполагать, что снижение уровня преступности и большинства ее видов во всем современном мире является следствием, во-первых, «ухода» основного субъекта уличной преступности (street crime) — подростков и молодежи — в Интернет, и, во-вторых, «замещения», «вытеснения» традиционной преступности высоко латентной и мало изученной киберпреступностью²⁵³.

Релятивизм/агностицизм. История человечества и история науки приводят к отказу от возможности постижения «окончательной истины». Очевидна относительность любого знания (включая криминологическое). Как известно, «есть много истин, нет Истины». Подтверждается «принцип дополнительности» Н. Бора. Господствует полипарадигмальность. «Постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий»²⁵⁴. Бессмысленна попытка «установления истины по делу» (уголовному, в частности). «Сама "наука", будучи современницей Нового времени (модерна), сегодня, в эпоху постмодерна, себя исчерпала»²⁵⁵.

Это не означает отказа от познания своего предмета, но предостерегает от поиска и утверждения «единственно верной» теории, от «зацикленности» на уже известном. Это означает необходимость освоения достижений мировой криминологии, современных теоретических построений и эмпирическую проверку различных — отечественных и зарубежных концепций и моделей.

Консюмеризация сознания и жизнедеятельности приводит к «гуманизации преступности» (В.В. Лунеев), преобладанию корыстной пре-

²⁵³ См. об этом: Гилинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. СПб: Алеф-Пресс, 2014. С. 69–72.

²⁵⁴ Ядов В.А. Современная теоретическая социология. СПб: Интерсоцис, 2009. С. 20.

²⁵⁵ Спиридонов Л.И. Избранные произведения. СПб, 2002. С. 25.

ступности, как «уличной» (кражи, грабежи, разбои), так и «беловоротничковой» (экономической, должностной, коррупционной), в общем объеме преступлений. Это общемировая тенденция. В России, например, доля преступлений против собственности увеличилась с 43,4% в 1987 г. до 65,8% в 2006 г. «Общество потребления» характеризуется и некриминальными, но негативными способами обогащения — от проституции до «теневой экономики». При этом провести четкую правовую границу между нелегальным предпринимательством и неформальной экономической деятельностью практически невозможно²⁵⁶.

Вообще фрагментаризация общества постмодерна, сопутствующая процессам глобализации, а также взаимопроникновение культур приводят к определенному размыванию границ между «нормой» и «не-нормой», к эластичности этих границ. И это должно входить в предметную область криминологии. Новые поколения эпохи постмодерна весьма скептически относятся ко многим запретам, «придуманным» старшими поколениями, живущими в новом обществе. Конфликт поколений — дело не новое. Но стремительные как никогда социальные, экономические, политические, культурные изменения порождают воистину небывалый в истории человечества разрыв между поколениями. Стоящие у власти представители старших поколений пытаются подчас все новыми и новыми запретами (уголовными, административными, дисциплинарными) сохранить свои представления о мире и обществе, что явно неприемлемо для новых поколений. Вообще, с точки зрения автора этих строк, запреты нередко служат существенным криминогенным (девиантогенным) фактором²⁵⁷.

Неэффективность (более того, минусовая, отрицательная эффективность) наказания хорошо известна. «Кризис наказания» вполне осознан в эпоху постмодерна²⁵⁸. В частности, «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит» чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, невозможно обойтись»²⁵⁹. Да, пока не обойтись. Но стремиться к этому нужно. «Реализация уголовного закона может стать совершенно непереносимой для общества, заблокировав иные социаль-

²⁵⁶ См.: Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория — анализ — модели. М.: РГГУ, 2008.

²⁵⁷ Гилинский Я. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009, № 3. С. 302–311.

²⁵⁸ Обзор в: Гилинский Я. Криминология (2014). С. 404–410.

²⁵⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 339.

ные процессы... Разумное снижение объема законного насилия может в большей степени обеспечить интересы страны... Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»²⁶⁰.

В этом отношении весьма креативна мысль «культуральной криминологии» о том, что не только преступность есть порождение культуры данного общества, но и средства, методы социального контроля над ней²⁶¹. Поэтому, очевидно, есть тюрьмы Норвегии, Швеции, Финляндии и — колонии России; смертная казнь отменена в европейских странах, но сохраняется в США, и ежегодно тысячами казнят в Китае.

Мировая криминология ломает голову над тем, как минимизировать негативные для общества последствия наказания. 35–45% всех докладов на мировых криминологических конференциях и конгрессах посвящены проблеме наказания как одному из способов противодействия преступности. Российской криминологии следует активно подключиться к решению этой головоломки.

Перспективы российской криминологии

Предпринятый краткий анализ истории и настоящего российской криминологии позволяет сделать два противоречивых вывода.

С одной стороны, отечественная криминология имеет необходимую теоретическую и кадровую базу дальнейшего развития. При всех сложностях современного этапа подготовки квалифицированных кадров через систему магистратуры и аспирантуры, при отсутствии материальной заинтересованности молодых специалистов самореализоваться в научной деятельности (степень материальной обеспеченности профессуры служит не лучшим наглядным примером), есть молодые криминологи, проявляющие неплохие задатки и качества настоящего ученого.

С другой стороны, резкое de facto ограничение номенклатуры публикуемой уголовной статистики; резкое de facto ограничение взаимо-

действия отечественных и зарубежных исследователей; финансовая, материальная непривлекательность труда ученого—криминолога для молодых исследователей при неизбежном старении высококвалифицированных криминологов старших поколений; политика изоляционизма, противоречащая всем требованиям современного общества, общества постмодерна — приводят к постепенному, но весьма существенному отставанию российской криминологии от велений времени, от мейнстрима мировой криминологической мысли.

²⁶⁰ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 9, 15, 18, 56, 68.

²⁶¹ Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008; Garland D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford University Press, 2003; Presdee M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime. Routledge, 2000.

Интеллектуальная антимобильность современных российских обществоведов²⁶²

Национальных наук не бывает. Любая наука интернациональна, если она — наука. Это — общее место. Но особенное значение интернационализация науки и научной деятельности приобретают в современную эпоху постмодерна (ориентировочно с 1970-х — 1980-х годов). Для мира постмодерна характерна глобализация экономики, финансовых потоков, технических и технологических достижений, транспортных и людских (миграция) потоков и, конечно же, научных знаний и достижений.

Глобализация и технологический прогресс порождают виртуализацию жизнедеятельности: мы живем одновременно в мире реальном и виртуальном. Мир Интернета, IT обеспечивают возможность моментальной передачи идей, знаний, открытий, что способствует глобализации и ускорению обмена научными достижениями.

Изоляционизм безумен и катастрофичен в современном глобальном мире. Хорошо известно, что власти СССР выстроили «железный занавес», ввели официальную цензуру (породившую, разумеется, и «внутреннюю цензуру»). Если физики/математики может быть еще имели какую-то возможность контактировать с зарубежными коллегами (ради развития ВПК!), то для гуманитариев, обществоведов это было практически исключено до 1980-х годов. Мне приходилось рассказывать, как мы, проводя конкретные социологические исследования в 1970-е — 1980-е годы, пытались хоть что-то донести до коллег: публикация отрывочных данных (по одной цифре) в разных регионах (Ленинград, Москва, Иркутск, Таллинн); публикация цифровых данных буквами, прописью — авось цензор проморгает; публикация данных в республиках Прибалтики, где «занавес» и цензура были полегче, чем на территории РСФСР [Ленинградская социологическая школа...]. Многие работы выходили с грифом «Для служебного пользо-

вания» (и тогда мы могли хотя бы давать их коллегам) или «Секретно» (и тогда нам их только показывали в спецхране...). Конечно же, были обязательны ссылки на последний доклад Генерального секретаря ЦК КПСС и последнее постановление Пленума ЦК КПСС... Я уже не говорю о сталинском запрете генетики, кибернетики, социологии, криминологии, как «буржуазных лженаук».

С конца 1980-х — начала 1990-х годов отечественные социальные науки, благодаря горбачевской «перестройке», преодолевая страх и ужас советской идеологической машины, *step by step* интернационализируются. Мы начинаем выезжать за рубеж, участвуя в международных конференциях (автора этих строк впервые выпустили на конференцию в «капстрану» — Швецию в 1990 г.); переводим и публикуем труды зарубежных коллег; приглашаем их к нам для участия в конференциях; проводим совместные компаративистские исследования; сами активно публикуемся за рубежом.

Так, сотрудники (бывшего...) сектора социологии девиантности и социального контроля Социологического института РАН участвовали в пятилетнем проекте «Social Problems around the Baltic Sea», осуществляемом под руководством профессор Юсси Симпура (Финляндия) по единой программе и методике, наряду с коллегами из всех стран Балтийского региона. Результаты каждого года исследования публиковались [Social Problems around the Baltic Sea...]. Другим многолетним международным сравнительным эмпирическим исследованием совместно с VERA Institute of Justice (New York), продолжавшимся четыре года, был проект «Police and Population» с публикацией результатов на русском и английском языках [A cross-national comparison of citizen perceptions of the police in New York City...]. Общие результаты этого международного исследования обсуждались на международных конференциях в Санкт-Петербурге и в Сантьяго-де-Чили. Проводились совместные компаративистские исследования с Германией, Польшей и другими странами.

С 1987 г. ежегодно проходят Международные Балтийские криминологические семинары/конференции поочередно в Эстонии, Латвии, Литве, Ленинграде/Санкт-Петербурге с участием ученых Великобритании, Венгрии, Германии, Норвегии, Польши, Словении, США, Финляндии, Чехии. А с 1994 г. — ежегодная Международная школа социологии науки и техники (Санкт-Петербург).

Долговременные международные научные связи сложились в 1980-е — 1990-е годы у обществоведов Москвы и Санкт-Петербурга, Владивостока и Иркутска, Саратова и Новгорода. Конечно, в рамках настоящей статьи приходится ограничиваться лишь отдельными примерами.

²⁶² «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». Международный ежегодник. Вып. 1 (31). 2015. С. 58–62.

К сожалению, с середины 2000-х годов начинается *step by step* откат к печальному советскому прошлому. Прекращается публикация необходимых достаточно полных статистических данных о явлениях, нежелательных для власти (преступность, самоубийства и т.п.). Минимизируется издание зарубежных авторов. Так, по родной для автора криминологии после 1970-х — 1990-х годов была переведена и издана на русском языке лишь... одна книга (Криминология / под ред. Дж. Шели. СПб: Питер, 2003), а в 2010-е годы — 0. Практически отсутствует финансирование зарубежных поездок российских ученых (во всяком случае — гуманитариев). В результате многие годы на Мировых криминологических конгрессах и ежегодных конференциях Европейского общества криминологов (ESC) Россию представлял... один человек. Изредка бывало 2–3 человека. Это подтверждено ежегодными публикациями этой организации. Так, на очередную конференцию «в 2009 г. приехали члены ESC из 49 различных стран. Были представлены: Великобритания (184 члена), Германия (69), США (69), ... Эстония (4), Украина (4), Литва (4), ... и Албания, Армения, Китай, Грузия, Иран, Косово, Мальта, Новая Зеландия, Россия, Южная Африка, Тринидад и Табаго и Уругвай — по одному члену из страны» [Newsletter of the European Society of Criminology. N 2, 2010], а «в 2010 г. приехали члены ESC из 45 стран... Они были представлены Великобританией (155 членов), Бельгией (96), Германией (68), ... Эстонией (4), Литвой (3), Арменией (2), и Албанией, Болгарией, Грузией, Ираном, Мальтой, Новой Зеландией, Румынией, Россией, Тринидадом и Табаго... по одному члену из страны» [Newsletter of the European Society of Criminology. N 2, 2011]. Прекращены (доведены до минимума) совместные компаративистские исследования.

Политика изоляционизма, возникающие визовые проблемы привели к резкому сокращению приезда зарубежных ученых на российские конференции. Так в 2011 г. французский коллега отказался присылать «необходимую» для получения визы копию паспорта. Он сообщил: я езжу по всему свету и никогда никому не посылал копию своего паспорта. Профессор М.П. из Польши получила визу от российского посольства в Варшаве... со следующего дня после окончания конференции, на которую была приглашена в Санкт-Петербург. Понятно, что больше мы этих высококвалифицированных ученых в России никогда не увидим.

Все это дополняется немислимой даже в советские годы бюрократизацией каждого шага ученого и преподавателя высшей школы. Бесконечные планы, отчеты (уже ежемесячные!), компетенции (которые никто не смотрит и никогда им не следует), модули (хотел бы я, зав.

кафедрой и профессор, знать — что это такое), УК (не уголовный кодекс!), ОПК, ПК, ФГО, УВПО, ФГБОУ ВПО (а с недавних пор ФГБУ ВПО!), рейтинги, хирши и тому подобный бред. Когда солидная монография «дешевле» никчемной (публикуемой только «для рейтинга») статьи в «ваковском» журнале. Когда недоверие к ученым дошло до того, что в очередном отчете о НИР к сведениям об участии в конференции надо приложить не только Программу, но и свою фотографию на фоне конференции. Скоро, очевидно, потребуется акт экспертизы, не фальшивая ли это фотография... К бредовым «компетенциям» прибавилось требование указывать в программах «контрольно-измерительные материалы оценки сформированности компетенции» (?!). А чем измерять «компетенцию» авторов подобных требований? Заключением психиатрической экспертизы? Последнее время встреча с коллегами из любого региона страны начинается с взаимных воплей: «Работать невозможно! Это — издевательство! Это — вредительство!». Кстати, о вредительстве: не пора ли действующий уголовный кодекс РФ дополнить ст. 69 УК РСФСР (1960 г.) — «Вредительство» с наказанием до 5 лет лишения свободы... Похоже, что сверхбюрократизация в сфере науки и образования направлена на уничтожение и науки, и образования.

Все это неминуемо ведет к упадку отечественных общественных наук, чтобы не сказать — к их гибели.

Литература

Ленинградская социологическая школа (1960-е 1980-е годы). Материалы международной научной конференции. — М.-СПб., 1998.

A cross-national comparison of citizen perceptions of the police in New York City and St. Petersburg, Russia // Policing: An International Journal of Police Strategies and Management. 2004. Vol. 27. N 1.

Journalists, Administrators and Business People on Social Problems. A Study around the Baltic Sea — Helsinki: NAD Publication N 35; 1998.

Newsletter of the European Society of Criminology. N 2, 2010.

Newsletter of the European Society of Criminology. N 2, 2011.

Public Opinion on Social Problems. A Survey around the Baltic Sea. — Helsinki: NAD Publication N36, 1998.

Social Problems around the Baltic Sea. — Helsinki: NAD Publication N 21, 1992.

Social Problems in Newspapers. Studies around the Baltic Sea. — Helsinki: NAD Publication N 28, 1994.

Statistics on Alcohol, Drugs and Crime in the Baltic Sea Region. — Helsinki: NAD Publication N 37, 2000.

Власть как объект/субъект преступлений²⁶³

Во всех странах законодательные органы, как представители власти, не стесняются криминализировать деяния, опасные для власти. Так, в главе 29 действующего Уголовного Кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за такие деяния, как государственная измена, шпионаж, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж, диверсия, организация экстремистского сообщества, организация деятельности экстремистской организации, разглашение государственной тайны и др. Кроме того, и в других главах УК РФ криминализированы деяния, представляющие опасность для власти или ее представителей (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем — ст. 208 УК, массовые беспорядки — ст. 212 УК, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование — ст. 295 УК, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа — ст. 317 УК, применение насилия в отношении представителя власти — ст. 318 УК, оскорбление представителя власти — ст. 319 УК и др.).

Во всех этих случаях власть и ее представители выступают потенциальным *объектом* возможных посягательств, расцениваемых как преступления. При этом законодатель нередко «перестраховывается». Характерный пример — криминализация таких действий, как «неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (ст. 212–1 УК), «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280–1 УК). Неопределенность этих и некоторых других

составов преступлений предполагает возможность их расширительного толкования и применения...

Намного скромнее криминализируются деяния, *субъектом* которых является власть и ее представители. Фактически это ограничивается такими составами, как планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК), разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК), геноцид и экоцид (ст. ст. 357, 358 УК). Но где и когда эти положения уголовного закона применялись в отношении *действующей* власти? Кто из руководства гитлеровской Германии ответил за совершенные преступления *до* поражения во Второй мировой войне? Кто из советского руководства ответил за агрессию против Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, за геноцид собственного народа? Разумеется — никто (расстрел под надуманным предлогом «шпиона» Л. Берия не является актом правосудия). Ибо политическое руководство страны «всегда ставило себя выше закона»²⁶⁴. Подобные примеры из истории многих стран можно продолжать до бесконечности...

Вместе с тем, ничего удивительного в этом нет. Не надо забывать, что преступность и преступления суть *социальные конструкты*, которые конструируются («изобретаются», формулируются, принимаются в виде законодательных актов) властью, законодателем, учитывающим «общественное мнение» лишь, когда это выгодно самой власти, конкретнее — политический режим²⁶⁵. При этом под политическим режимом нами понимается *реальный механизм* функционирования власти, независимо от формы правления. Так, тоталитарный режим может быть при вполне «демократической» *de jure* форме правления («демократическая республика»). Политический режим характеризует всю систему политической организации общества, а не только государственную власть. Важно, что политический режим, независимо от формы организации государственной власти, определяет, в конечном счете, политическую жизнь страны, *реальные* права и свободы граждан (или же их юридическое или фактическое бесправие), терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям» (потребление алкоголя или

²⁶³ 1) Суспільство, правопорядок, злочинність: теоретичні та прикладні проблеми сучасної науки: матер. Всеукр. наук.–практ. семінару. Николаев, 2015. С. 12–15; 2) Российский криминологический взгляд, № 2, 2015. С. 242–243.

²⁶⁴ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. 2–е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. С. 359. См. также: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008.

²⁶⁵ Гилинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39–65.

наркотики, занятие проституцией, легальность нетрадиционных сексуальных отношений и т.п.).

Эволюция советской власти наглядно показывает, как с изменением режима меняется отношение к различным деяниям в рамках формально одного и того же политического и государственного устройства. После октября 1917 г. некоторое время сохранялось относительно терпимое и вполне «гуманное» отношение к осужденным (ограниченное применение лишения свободы при его кратких сроках), проституткам (попытки реабилитации таких женщин путем повышения их образования, привлечения к труду), гомосексуалистам (отмена уголовной ответственности за гомосексуальную связь в декабре 1917 г.), потребителям наркотиков (до мая 1928 г.).

С постепенным утверждением в стране тоталитарного режима принципиально меняется отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу». В 1930-е годы сворачивается система социальной реабилитации женщин, занимавшихся проституцией; в 1934 г. вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (с наказанием в виде лишения свободы от 3 до 5 лет); в том же году устанавливается уголовная ответственность за посевы опийного мака и индийской конопли...

Аналогичная ситуация, к великому сожалению, наблюдается в современной Российской Федерации. Если со времени горбачевской «перестройки» в стране торжествовали *реальная* свобода слова, свобода митингов, демонстраций, свободный выезд за границу, то с начала-середины 2000-х годов наблюдается постепенная, *step by step* тоталитаризация режима в Российской Федерации. Постоянно нарушается право граждан на собрания, митинги, шествия и демонстрации (ст. 31 Конституции РФ), множится по нарастающей количество уголовных дел за «государственную измену» и «шпионаж», криминализируются деяния, превращающие каждого гражданина страны в преступника, увеличиваются максимальные сроки лишения свободы (30, 35 лет вместо 25, 30 лет) при сохранении пожизненного заключения и т.п. Режим конструирует врагов за границей и в самой стране. «Врагов народа» сталинского режима сменяют «пятая колонна», «национал-предатели», «иностранные агенты»... Особой проблемой является аннексия Крыма, как бы ее не объясняли представители власти.

Иначе говоря, активно конструируются многочисленные *субъекты* преступлений «против» власти при провозглашении «святости» власти и непризнании ее как возможного (и реального) *субъекта* преступлений.

Организованная преступность: понятие, этапы и тенденции развития в России²⁶⁶

The first business of criminal organizations is usually business
Goodson and Olson

Предисловие

Тема *организованной преступности* весьма мифологизирована [1; 2; 3; 4]. В криминологии исторически возникло несколько концепций — моделей организованной преступности. Одна из ранних — «*alien conspiracy model*» («модель иностранного заговора»). Она основана на опыте этнических преступных организаций в США. Возможно, эта модель легла в основу группы *local, ethnic models*, хотя нередко она рассматривается в качестве самостоятельной. Другая группа — *hierarchical models*. Сторонники этих моделей исходят из иерархической структуры преступных сообществ. Третья группа моделей — рассмотрение организованной преступности как *предпринимательства, business enterprise* [1; 5]. Представляется, что главной *содержательной* характеристикой организованной преступности является *business enterprise*. *Local, ethnic u hierarchical models* отражают организационные *формы* реализации предпринимательства, бизнеса.

Организованная преступность как социальный феномен

Организованная преступность — сложный социальный феномен. Возникнув, она переплелась с другими социальными институтами и процессами, прочно вросла в общественную ткань.

²⁶⁶ Проблемы изучения и противодействия организованной преступности. Сборник статей. СПб: СЗФ РУП, 2015. С. 25–32.

Имеется множество определений организованной преступности. Некоторые из них лаконичны, но тавтологичны и малосодержательны («*organized crime is crime that is organized*»). Другие излишне громоздки, их авторы пытаются перечислить все возможные признаки организованной преступности. В качестве рабочего можно принять следующее определение организованной преступности: «*функционирование устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как бизнесом и создающих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции*» (определение дано в документах Международной конференции ООН по проблемам организованной преступности в 1991 г. в Суздале).

Организованная преступность — не сумма преступных организаций и не сумма преступлений, совершаемых ими. Это качественно новая характеристика такого состояния преступности, когда она *встроена* в социальную систему, оказывая существенное влияние на другие составляющие системы и, прежде всего — на экономику и политику.

Организованная преступность выступает как *предпринимательство, бизнес, индустрия*, производство и распределение товаров и/или услуг. Ее главной *целью* является экономическая выгода, *прибыль*. В этом отношении организованная преступность не отличается от обычного бизнеса. Различия начинаются с *предмета* и *методов* деятельности. Обычный предмет — изъятый из гражданского оборота (наркотики, оружие, органы). Преступные организации добиваются высокой прибыли любыми методами, включая криминальные. Но и респектабельный бизнес не избегает полулегальных, а то и преступных действий для достижения выгодного результата. Становясь известными, такие случаи расцениваются как примеры «беловоротничковой» (*white-collar crime*), а не организованной преступности. Преступления представителей легальных организаций — *экономическая преступность*, преступления агентов нелегальных организаций — *организованная преступность*.

Криминальный бизнес возникает и развивается при наличии ряда условий: спрос на нелегальные товары (наркотики, оружие) и услуги (сексуальные); неудовлетворенный спрос на легальные товары и услуги («дефицит», присущий социалистической экономике); рынок труда, безработица; пороки налоговой, таможенной, финансовой, экономической политики государства; коррупция.

Пока есть спрос, будут предложения. Функционирование наркобизнеса как экономической отрасли рассмотрено Л. Тимофеевым. В результате экономического анализа автор приходит к выводу:

«Из всех возможных способов регулирования отрасли — налогообложение, национализация, запрет — запрет как раз наименее продуктивен. Запретить рынок — не значит уничтожить его. Запретить рынок — значит отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций... Запретить рынок — значит дать криминальным корпорациям возможности и ресурсы для целенаправленного, программного политического влияния на те или иные общества и государства» [6].

Формирование и развитие организованной преступности, а точнее, повышение *уровня организованности* преступности — закономерный общемировой процесс, выражение тенденции повышения уровня организованности всех социальных подсистем: экономики, политики, управления и др. Организованная преступность — неотъемлемый элемент общества постмодерна. Прогнозируется дальнейшая *интернационализация, глобализация* организованной преступности [7].

Организованная преступность в России

Организованная преступность
есть форма социальной
организации нашего общества.
В. Овчинский

Историю отечественной организованной преступности можно условно разделить на четыре этапа: конец 1970-х — конец 1980-х годов — *становление* организованной преступности; конец 1980-х — конец 1990-х годов — *активизация* деятельности преступных организаций; конец 1990-х — середина 2000-х годов — дальнейшее *развитие* организованной преступности, включение в мировые криминальные сети, вхождение в легальный бизнес и властные структуры; с середины 2000-х годов — *современный* этап.

Первый этап (конец 1970-х — конец 1980-х гг.)

Активный процесс сращивания «цеховиков», теневой экономики и «воров в законе», а также коррумпированных властных структур и правоохранительных органов — «*зонтика*» (нынешняя «крыша»). Легализация частной собственности, предпринимательской деятельности позволила владельцам подпольных капиталов, а также партийно-государственной номенклатуре первыми захватить новое

экономическое поле. Сплав старых «воров в законе», «теневиков», коррумпированных чиновников и новой генерации криминального мира — «бандитов» или «спортсменов» раздвоился: большая часть ушла со своими капиталами, криминальными связями и нравами в легальный бизнес, меньшая часть образовала преступные организации с традиционными видами криминальной деятельности (продажа наркотиков и оружия, рэкет, контроль за игорным бизнесом и проституцией и т.п.). «Теневая» («неформальная», «подпольная», «серая», «вторая», «эксплуатационная») экономика стала неотъемлемой частью жизни общества, а для значительной части населения — единственным возможным средством выживания. Впрочем, теневая экономика существует во всех странах.

Второй этап (конец 1980-х — конец 1990-х)

Если ранее преобладал «черный рэкет»: поборы с мелких магазинов, кафе, ларьков, киосков, то к концу 1990-х гг. господствует отлаженная система «патронажа» над крупными предприятиями и банками с заключением юридически оформленных договоров на «обеспечение безопасности», «маркетинговые услуги», «партнерство». Представители криминальных структур нередко входят в состав советов директоров предприятий, правлений банков.

Основные виды деятельности российской организованной преступности в целом традиционны: *рэкет; нелегальный экспорт цветных металлов; торговля оружием; финансовые, банковские махинации* (вначале фальшивые авизо, позднее более «технологичные», связанные с кредитными картами и деятельностью хакеров); *кража и перепродажа автомобилей*; изготовление и продажа *фальсифицированных товаров*, прежде всего — алкогольных изделий; *фальшивомонетничество; контроль над игорным бизнесом; контроль над проституцией; контрабанда; наркобизнес.*

Третий этап (конец 1990-х годов — середина 2000-х)

Основными тенденциями этих лет являются: переход «авторитетов» (лидеров) организованной преступности в легальный бизнес; усилившийся процесс «отмывания денег»; стремление лидеров организованной преступности войти во властные структуры или обеспечить их покровительство. «Экономизация» и «политизация» организованной преступности приводит к сокращению кровавых разборок, отдельные убийства бывают, но автоматная стрельба на улицах городов сократи-

лась; началась конкуренция между преступными организациями и... милицией по «крышеванию» бизнеса.

Четвертый этап (с середины 2000-х до настоящего времени)

На всей территории России продолжают действовать разнообразные по количеству участников и направлениям деятельности преступные сообщества и организованные преступные группировки (ОПГ).

Запрет с июля 2009 г. легального игорного бизнеса привел к его уходу в подполье — «катраны», хорошо известные со времен СССР [8; 9]. Соответственно, увеличился рынок коррупционных услуг. Активируются международные связи ОПГ, включение их в систему мировой нелегальной торговли наркотиками, людьми, оружием, человеческими органами. Российская организованная преступность «всего лишь» элемент международной преступности. Но нельзя недооценивать активность отечественных преступных группировок на международной арене.

Так называемый «Кущевский феномен», — когда преступное сообщество, при полном попустительстве или под покровительством местных органов власти, суда, милиции в течение многих лет совершает многочисленные преступления, включая убийства.

Для современной Российской организованной преступности характерны широкая распространенность и влияние на экономику и политику. Организованная преступность принимает на себя выполнение функций государства (обеспечение безопасности — «крышевание», «арбитраж», «исполнительное производство» и т.п.). Тотальная коррумпированность властных структур и правоохранительных органов облегчает деятельность преступных сообществ и их лидеров. Имеется широкая социальная база организованной преступности (безработица, низкая оплата труда в бюджетных организациях; незанятость подростков и молодежи; невозможность нормально развиваться легальному бизнесу). Использование преступными организациями современных технологий, компьютерной техники, участие в качестве субъектов киберпреступности. «Моральное оправдание» криминальных способов обогащения (общество выдвигает цели обогащения, успеха, не предоставляя доступных легальных возможностей достижения этих целей). *Новая тенденция* — в результате конкуренции полицейские «крыши» вытесняют криминальные; происходит политизация организованной преступности и криминализация политики, экономики, общества и государства.

«Происходит громадный шаг вперед по пути криминализации государства... То есть государство начинает функционировать не как организм, в которые проникли разные мафии, а как самая крупная мафия, которая хочет уничтожить мелкие, навести порядок и пополнить «общак»... Государство преобразуется в соответствии с суровыми законами мафии» [10].

Какова возможная реакция общества и государства на организованную преступность? Требуется объективное, не политизированное изучение отечественной, зарубежной, международной организованной преступности, ее генезиса, факторов, воздействующих на ее развитие. Осознание того, что повышение уровня организованности преступности — *неизбежный* глобальный процесс, который не может быть «ликвидирован» или существенно ограничен уголовно-правовыми и полицейскими мерами. Понимание *социально-экономической* природы организованной преступности. Сокращение ее социальной базы и масштабов деятельности возможно лишь путем создания условий, когда «нелегальные» ныне потребности будут легализованы и удовлетворяться легальными средствами, а легальный бизнес станет *выгоднее* нелегального. Уровень организованной преступности (как преступности вообще и других девиантных проявлений) существенно зависит от степени *респонсивности* общества (А. Etzioni), т.е. удовлетворения потребностей населения легальными средствами.

Список литературы

1. Albanese, J. Organized Crime: The Mafia Mystique. — In: Shelley, J. Criminology. A Contemporary Handbook. Second Ed. — Wadsworth Publishing Company, 1995, pp. 231–248.
2. Albin, J. The American Mafia: Genesis of a Legend. — NY, 1971.
3. Arlacchi, P. Mafia Business: the Mafia Ethic and Spirit of Capitalism. — Verso, 1986
4. Smith D. The Mafia Mystique. — Lanhamy MD, 1990.
5. Kelly R., Ko-lin Chin, Schatzberg R. (Eds.) Handbook of Organized Crime. In the Unites States. — Greenwood Press, 1994, pp. 78–88.
6. Тимофеев Л. Наркобизнес: Начальная теория экономической отрасли. М.: РГГУ, 1998. С. 107.
7. Глобализация и девиантность / ред. Я. Гилинский. — СПб: Юридический центр Пресс, 2006.

8. Гилинский Я.И. Игровая зависимость: альтернатива наркотической? В: Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы / ред. М. Позднякова. — М.: ИС РАН, 2007.
9. Tsytarev S., Gilinskiy Y. [Gambling in] Russia. In: Meyer G., Hayer T., Griffiths M (Eds.) Problem Gambling in Europe: Challenges, Prevention, and Interventions. — Springer, 2008.
10. Фурман Д. Преемник начал ревизию наследства. На смену мафиозному хаосу идет мафиозный порядок // Общая газета, 2000, № 39, 28 сентября — 4 октября. С. 7.

Уголовная политика в эпоху постмодерна: *to be or not to be*²⁶⁷

Уголовная политика государства — разновидность государственной политики, наряду с экономической, социальной, экологической и др. Уголовная политика вырабатывается с позиции идеологических, политических, правовых концепций, основывающихся на оценке экономической, социальной, политической, международной ситуации и разделяемых высшими органами государственной власти и управления.

Уголовная политика может быть явно выражена в документах или же неявно (имплицитно) содержаться в реальной деятельности государства и его органов по противодействию преступности и ее отдельным видам.

Думается, что в России отсутствует реалистическая, научно-обоснованная уголовная политика. Те документы, которые время от времени принимаются *ad hoc*, не могут ясно обозначить целостную уголовную политику государства. Если же исходить из реальной законодательной и правоприменительной практики, то прослеживаются разнонаправленные и, чаще всего, неблагоприятные тенденции, оценить которые можно лишь понимая и воспринимая реалии сегодняшнего дня, реалии современного общества постмодерна.

Основные характеристики общества постмодерна определяют развитие преступности, а, следовательно, должны учитываться при формировании уголовной политики, как «антипреступности».

— Происходит *глобализация всего и вся* — финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков. Соответственно осуществляется глобализация преступности (особенно организованной — торговля наркотиками, оружием, людьми, человеческими органами) и иных проявлений девиантности (коррупция, наркотизм, проституция и др.). Как результат массовой миграции неизбежен «конфликт куль-

тур» (Т. Селлин²⁶⁸) и цивилизаций со всеми вытекающими криминальными последствиями, включая «преступления ненависти» (*hate crimes*), терроризм.

Соответственно необходима «глобализация» уголовной политики, деятельности правоохранительных органов, учет происходящих глобальных процессов, нравятся они нам или нет. Изоляционизм никогда не способствовал развитию науки и искусства. Сегодня изоляционизм вредоносен и при осуществлении той или иной государственной политики — экономической, производственной или же — уголовной.

— «Виртуализация» жизнедеятельности. Мы шизофренически живем в реальном и киберпространстве. Без интернета, мобильных, смартфонов и прочих *IT* не мыслится существование. Виртуальный мир необъятен и легко доступен — не вставая с привычного кресла. Интернет предоставляет невиданные и немыслимые ранее возможности. Но он коварен, он затягивает вплоть до интернет-зависимости, как заболевания. Как одно из следствий этого — киберпреступность и кибердевиантность²⁶⁹. В качестве положительного следствия можно назвать «уход» подростков и молодежи в виртуальный мир вместе с позитивными (творчество) и негативными («преступления») видами деятельности. Это обусловило, в частности, сокращение уровня преступности и ее отдельных видов (включая убийства) во всем мире, начиная с конца 1990-х — начала 2000-х годов. И как еще одно следствие — «переструктуризация» преступности, когда высоклатентная киберпреступность теснит привычную, определяя ее сокращение.

Следовательно, необходимо изучение киберпреступности и разработка мер ее предупреждения.

— Катастрофически растет *социально-экономическое неравенство*, а с ним — криминальное (вообще девиантное) поведение. В эпоху постмодерна все человечество разделено на меньшинство «включенных» (*included*) в активную экономическую, политическую, культурную жизнь и большинство «исключенных» (*excluded*) из нее. Именно «исключенные» составляют основную социальную базу «уличной» преступности, алкоголизации, наркотизации, проституции и т.п. (но и социальную базу жертв преступлений).

²⁶⁷ Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей. СПб: Петрополис, 2015. С. 53–59.

²⁶⁸ Селлин Т. Конфликт норм поведения. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 282–287.

²⁶⁹ Humphrey J. Deviant Behavior. NJ: Prentice Hall, 2006. Ch. 13 Cyberdeviance, pp. 272–295.

Поэтому при формировании уголовной политики необходимо исходить из понимания криминогенности (и виктимогенности) социально-экономического неравенства и выработки общесоциальных мер противодействия этому.

— *Релятивизм/агностицизм*. История человечества и история науки приводят к отказу от возможности постижения «истины». Очевидна *относительность* любого знания. *Неопределенность* как свойство, признак постмодерна. Для науки постмодерна характерна *полипарадигмальность*. Бессмысленна попытка «установления истины по делу».

А значит при формировании уголовной политики необходимо трезвое восприятие научных концепций, их взаимодополнительности.

— *Отказ от иллюзий* возможности построения «благополучного» общества («общества всеобщего благоденствия»). Мировые войны, Освенцим, Холокост, гитлеровские концлагеря и сталинский ГУЛАГ разрушили остаточные иллюзии по поводу человечества. А современность стремится лишь подтвердить самые худшие прогнозы антиутопий.

Значит и уголовная политика не должна исходить из иллюзий «ликвидации преступности», успехов «борьбы» с нею уголовно-правовыми методами.

— Мир постмодерна (и не только) — *мир тотального насилия*. Насилие встроено в социальную систему²⁷⁰. Насилие носит всесторонний характер: насилие криминальное, экономическое, политическое, семейное, спортивное, религиозное...

Следовательно, одной из важнейших составляющих уголовной политики должно быть противодействие насилию.

— *Критицизм* по отношению к былому обществу модерна, к власти, возможностям науки. Восприятие мира в качестве *хаоса* — «постмодернистская чувствительность» (W. Welsch, *Ж.-Ф. Лиотар*). «Мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован» (З. Бауман). *Общество постмодерна есть общество возможностей и рисков* (У. Бек).

Это значит, что уголовная политика должна учитывать всеобщее состояние неопределенности, хаотичности мыслей и действий, реалистически, осторожно, *step by step* формируя свои принципы и средства их реализации.

²⁷⁰ Гилинский Я. Социальное насилие. СПб: Алеф-Пресс, 2013; Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010; Крasiков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М.: Водолей, 2009; Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб.: РНБ, 2000.

— *Фрагментарность* мышления как отражение фрагментарности бытия. *Фрагментаризация* общества постмодерна, сопутствующая процессам глобализации, а также взаимопроникновение культур приводят к размыванию границ между «нормой» и «не-нормой», к эластичности этих границ. Модернистская ориентация на прошлое в обществе постмодерна сменяется ориентацией на будущее. А оно достаточно неопределенно. Сколько групп единомышленников («фрагментов»), столько и «будущего», столько и моральных императивов, столько и оценок деяний, как «нормальных» или «девиантных».

Уголовная политика должна учитывать поливариантность моральных и правовых взглядов и оценок, избегая излишней криминализации деяний и репрессивности в их оценки.

— *Консюмеризация* сознания и жизнедеятельности²⁷¹. «Общество потребления» характеризуется, с одной стороны, «гуманизацией преступности» — сокращение доли насильственных преступлений против личности и увеличение доли корыстных преступлений в общем объеме преступности (В.В. Лунеев). С другой стороны, бурным расцветом криминальных (кражи, грабежи, разбои, мошенничество, коррупция и т.п.) и просто нежелательных (проституция, теневая экономика) средств обогащения.

Поэтому при формировании уголовной политики должно исходить из объективной потребности людей в благополучной, зажиточной жизни и содействовать некриминальным способам повышения благосостояния.

— Одновременно с началом постепенного перехода человечества в эпоху постмодерна (1970–е — 1980–е годы), происходит осознание «кризиса наказания», неэффективности привычных мер уголовного наказания. Сегодня это стало азбукой мировой криминологии²⁷². Общая историческая тенденция социального контроля: (1) сокращение числа деяний, запрещаемых под страхом уголовного наказания или административных санкций; (2) либерализация средств и методов наказания (отказ от смертной казни, минимизация лишения свободы, альтернативные меры наказания); (3) приоритет превенции. Неэффективность наказания, «вредоносность» лишения свободы понимают и отечественные ученые. А.Э. Жалинский, один из блестящих российских иссле-

²⁷¹ Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012; Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб ГУ, 2008.

²⁷² См., например: Гилинский Я.И. *Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы* // Российский ежегодник уголовного права. № 7. 2013 / под ред. В.Ф. Щепелькова. СПб ГУ, 2014. С. 42–58.

дователей, писал: «Действующая в современных условиях система уголовного права, очевидно, не способна реализовать декларируемые цели, что во многих странах откровенно определяется как кризис уголовной юстиции... Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»²⁷³.

Уголовная политика должна искать адекватные современные меры уголовно-правового воздействия, наказания (безусловный запрет смертной казни, минимизация лишения свободы и расширение альтернативных мер наказания, гуманизация условий отбывания наказания и др.).

— Непривычные для людей модерна процессы глобализации, виртуализации, массовой миграции, фрагментаризации, всеобщей консьюмеризации неизбежно приводят к массовому *изменению психики*, психологической растерянности, непониманию мира постмодерна и неумению в нем осваиваться. Психологический кризис сопровождается вспышками немотивированной агрессии, взаимной ненависти, «преступлениями ненависти», актами внешне необоснованного уничтожения десятков и сотен людей ценой собственной жизни (второй пилот аэробуса А-320 Андреас Лубитц) или длительного тюремного заключения («норвежский стрелок» Андерс Брейвик). Это особенно болезненно проявляется в России и тех странах, чье развитие существенно замедленно (а то и регрессивно) по сравнению с условно «западными» странами (к числу коих сегодня относится, например, и «азиатская» Япония). Не осознавая реальности новелл постмодерна, население России находится в состоянии «психологического кризиса». Но это непонимание мира постмодерна свойственно и большинству законодателей и правоприменителей.

Это существенно затрудняет выработку адекватной уголовной политики, но постмодернизм — реальность, и необходимо это понимать и, считаясь с реальностью, вырабатывать совершенно новые подходы в государственной политике вообще, уголовной, в частности.

Выше представлены лишь некоторые возможные подходы к формированию современной уголовной политики. Во всяком случае очевидно, что уголовная политика должна исходить из мировых реалий общества постмодерна.

²⁷³ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд. М.: Проспект, 2009. С. 31, 56, 68.

Девиантология как социология девиантности²⁷⁴

Постановка проблемы. Проблемы социального «зла» всегда привлекали ученых. Философы и юристы, медики и педагоги, психологи и биологи — каждый с позиций своей науки изучали и оценивали различные нежелательные явления, «отклонения» — преступность, пьянство и алкоголизм, наркотизм, самоубийства, проституцию, гомосексуализм, сексуальные «извращения» (перверсии) и т.п. При этом, однако, отсутствовал общий подход, позволяющий объяснить, казалось бы, различные феномены социального бытия как проявления некоторых общих его закономерностей.

В каждой науке в процессе ее развития формируются относительно самостоятельные направления, отрасли знаний. Так из физики выделились физика твердых тел, квантовая физика, термодинамика, астрофизика и др. А из химии — органическая химия, неорганическая химия, биохимия, геохимия и др. Социология, как наука об обществе, общественных системах и процессах также «размножилась» и включает социологию молодежи, социологию города, социологию труда, социологию села, и многие другие «социологии», в том числе, близкие автору — криминологию (социология преступности) и девиантологию (социология девиантности).

Если криминология ведет отсчет от XVIII века (Ч. Беккариа и др.), то девиантология, как социология девиантности, девиантного поведения — совсем молодая наука. Даже если к числу первых фундаментальных трудов в этой области знаний отнести книгу Э. Дюркгейма «Самоубийство: Социологический этюд», то, во-первых, это самый конец XIX века (1897 г.). А, во-вторых, это все же не концепция девиантности в целом как сложного социального феномена. Скорее всего, девиантология — детище второй половины XX столетия. Именно после Второй мировой войны появились девиантологические работы

²⁷⁴ Глава 1 монографии: Современная девиантология: методология, теория, практика / ред. Ю.А. Клейберг, Kwami S. Dartey. London: UK Academy of Education, 2016. С. 9–34.

R. Akers (1985), N. Ben-Yehuda (1990), D. Downes and P. Rock (1988), E. Goode (1949), E. Goode and N. Ben-Yehuda (1994), P. Higgins and R. Butler (1982), T. Hirschi (1969), S. Lamnek (1990), Lemert E. (1951), A. Liazos (1972), A. Liska (1987), S. Palmer and J. Humphery (1990), E. Pfuhl and S. Henry (1993), A. Podgórecki (1969), E. Schur (1971), C. Sumner (1994), S. Traub and C. Little (1975), P. Wilson and J. Braithwaite (1978), и др.

С 1979 г. начал выходить международный журнал «*Deviant Behavior*». И только в 2001 г. появляется первая четырехтомная энциклопедия: Bryant C. (Editor-in-Chief). *Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues*. К началу 1970-х годов относятся и первые отечественные статьи по девиантологии²⁷⁵. Только тогда нельзя было употреблять иностранные слова («поклонение перед Западом!»), так что статьи были посвящены «отклоняющемуся поведению» («социальным отклонениям»).

Почему двадцатый век породил интерес к таким общественным формам жизнедеятельности, которые не соответствовали представлению о «правильном», «нормальном», допустимом? В недрах западной цивилизации, основанной, так или иначе, на христианских ценностях, заповедях и миропорядке (будь то католицизм, протестантизм или же православие), вызревают силы, «чуждые» этому миропорядку и его нравственности. Страны западного мира, независимо от уровня экономического развития и общественно-политического устройства, сотрясаются более или менее мощными движениями и катаклизмами. «Горячее лето 1968-го», «сексуальная революция», левый и правый экстремизм, терроризм, фундаментализм, антиглобализм, национализм, неофашизм... Формируются все новые субкультуры, протестные по отношению к пока еще господствующей в обществе культуре: наркотическая, делинквентная, сектантские, криминальная, включая организованную преступность.

Неэффективность привычных форм социального контроля характерна не только в отношении преступности, но и всех других форм *девиантности* — вооруженных конфликтов, наркотизма, пьянства и алкоголизма, коррупции, терроризма, проституции, подростковой делинквентности и др.²⁷⁶

²⁷⁵ Например: Гилинский Я.И. Отклоняющееся поведение — объект правового воздействия // Человек и общество. Вып. XII. — Л.: ЛГУ, 1973. С. 144–156; Отклоняющееся поведение молодежи. Сборник статей. — Таллин, 1979.

²⁷⁶ Социальный контроль над девиантностью в современной России / ред. Я. Гилинский. — СПб.: СПб Ф ИСПАН, БИЭПП, 1998.

Похоже, что реалии XX века — с двумя мировыми войнами, сотнями локальных войн, «холодной войной», гитлеровскими и ленинско-сталинскими концлагерями, с геноцидом, Холокостом, экстремизмом, терроризмом, фашизмом и т.п. — разрушили иллюзии и мифы относительно «порядка» и возможностей социального контроля. Сумма преступлений, совершенных государствами (их руководителями или, точнее, «крестными отцами»), превысила стократ преступления одиночек. Начало столь ожидаемого XXI столетия (и третьего тысячелетия — *Millennium*) не принесло успокоения. *Американская трагедия 11 сентября 2001 г.* стала таким же знаковым событием наступившего века, как Освенцим — минувшего.

Неудивительно, что фундаментальные изменения социальной реальности («человечество уже исчерпало тот потенциал своего развития, который оно получило при завершении предыдущего этапа антропогенеза... Возможности порядка существовавшего тысячелетия уже исчерпаны»²⁷⁷) привели к смене — или пониманию необходимости такой смены — парадигмы (системы научных представлений) в общественных науках. Современные концепции *общества постмодерна*, в социологии, криминологии, девиантологии (социологии девиантности и социального контроля) утверждают: сама социальная «реальность является девиантной», а потому «следует интересоваться собственно девиантностью, а не рациональностью»²⁷⁸, «феномен девиации — интегральное будущее общества»²⁷⁹, «девиантность — будущее современности»²⁸⁰. Так что «следует отказаться от надежд, связанных с иллюзией контроля»²⁸¹, «институты, призванные корректировать поведение, на самом деле воспроизводят отклонения... тюрьмы не столько «вновь приспособливают» к обществу людей, сколько делают их профессиональными преступниками»²⁸², «попытки сконструировать искусственный порядок в соответствии

²⁷⁷ Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. С. 13, 22.

²⁷⁸ Интервью с профессором Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии / ред. А.О. Бороноев. — СПб.: Петрополис, 1994. С. 246.

²⁷⁹ Higgins P., Butler R. Understanding Deviance. McGraw-Hill Book Company, 1982. p. 8. Здесь и далее перевод автора (Я.Г.).

²⁸⁰ Sumner C. The Sociology of Deviance. An Obituary. — Buckingham: Open University Press, 1994. p. 3.

²⁸¹ Luhmann N. Beobachtungen der Moderne. Opladen: Westdeutscher Verlag 1992.

²⁸² Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М.: Изд-во «Весь мир», 1995. С. 63.

с идеальной целью обречены на провал»²⁸³, а «основа закона есть ни что иное, как произвол»²⁸⁴.

Постмодерн развенчивает как иллюзии и мифы Просвещения, основанные на вере в Разум, так и мифы, и иллюзии Модерна, основанные на вере в Демократию, Свободу и Прогресс. Присущий науке постмодерна *релятивизм/агностицизм* — как следствии истории человечества и науки, приводят к отказу от возможности постижения «истины». Утверждая необоснованность существующих концепций девиантности и социального контроля, пишут некролог и девиантологии²⁸⁵.

Очевидна проблемная ситуация: неадекватность (рассогласование, несоответствие) социальных реалий (девиации, девиантность общества), реакции общества на них (социальный контроль) и — научного их осмысления (девиантологические теории).

Определимся с понятиями

Однако эта задача не столь проста. В зарубежной и отечественной литературе не очень строго употребляются близкие по значению термины, пытающиеся обозначать интересующий нас предмет: девиантное (отклоняющееся) поведение, девиации (отклонения), девиантность. А еще можно встретиться и с «патологией», и с «отклоненным поведением»²⁸⁶, и с «асоциальным» или «антисоциальным поведением».

Это не удивительно. Во-первых, социология девиантности и социального контроля относительно молодая наука, понятийный аппарат которой находится в развитии. Так, David Downes и Paul Rock отмечают в книге 1998 г., что социология девиантности активно развивается лишь последние десятилетия, причем результаты оказываются весьма спорными, дискуссионными. Лишь в 90-е годы XX в. социология девиантности начинает походить на «нормальную науку». Социология девиантности, с их точки зрения, до сих пор не устоявшаяся (*coherent* — последовательная, связная) наука, а собрание относительно

²⁸³ Бауман З. Мыслить социологически. — М.: Аспект Пресс, 1996. С. 193.

²⁸⁴ Бурдые П. За рационалистический историзм // Социо-логос постмодернизма. М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 15.

²⁸⁵ Sumner C., 1994. Ibid.

²⁸⁶ Например: Лайне М. Криминология и социология отклоненного поведения. Хельсинки: Центр обучения тюремных служащих, 1994.

независимых социологических версий²⁸⁷. Во-вторых, даже в очень древних науках спор о понятиях и их определениях нередко длится веками. В-третьих, чрезвычайная сложность социальных явлений, их изменчивость, многоликость не облегчают задачу «ухватить» какой-то срез, сторону, момент социальной реальности и зафиксировать его в определении. Наконец, в-четвертых, ни одно определение *в принципе* не может быть «единственно верным» и «окончательным» («всякое определение хромает»). Вместе с тем, нельзя продолжать исследование темы, не попытавшись договориться о словах — понятиях, определениях, описывающих изучаемый предмет.

До поры до времени наиболее распространенным в девиантологии был термин «девиантное поведение» (*deviant behavior*). Девиантное или отклоняющееся (лат. *deviatio* — отклонение) поведение всегда связано с каким-либо несоответствием человеческих поступков, действий, видов деятельности — распространенным в обществе или его группах ценностям, правилам (нормам) и стереотипам поведения, ожиданиям, установкам. Это может быть не только нарушение формальных (правовых) или неформальных (мораль, обычаи, традиции, мода) норм, но и «девиантный» образ жизни, «девиантный» стиль поведения, не соответствующие принятым в данном обществе, субкультуре, группе.

Бесчисленное множество проявлений девиантного поведения, зависимость оценки поведения как «нормального» или же «отклоняющегося» от ценностей, норм, ожиданий (экспектаций) общества, группы, субкультуры, изменчивость оценок со временем, конфликт оценок различных групп, в которые входят люди, наконец, субъективные представления исследователей (девиантологов) — все это затрудняет выработку более или менее устойчивых и однотипных определений девиантного поведения. Приведем лишь некоторые примеры.

Так, по мнению А. Коэна (А. Cohen), девиантное поведение, это «такое поведение, которое идет вразрез с институционализированными ожиданиями, то есть с ожиданиями, разделяемыми и признаваемыми законными внутри социальной системы»²⁸⁸. Е. Good считает, что девиантность это «поведение, которое некоторые люди в обществе находят оскорбительным (обидным, неприятным) и которое вызывает — или может вызывать в случае обнаружения — неодобрение, наказание

²⁸⁷ Downes D., Rock P. Understanding Deviance. A Guide to the Sociology of Crime and Rule-Breaking. Third edition. Oxford University Press, 1998. pp. VII, 1.

²⁸⁸ Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения. В: Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965. С. 520–521.

или враждебность по отношению к субъектам такого поведения»²⁸⁹. Девиантным называют поведение, которое не соответствует нормам и ролям. При этом одни социологи в качестве точки отсчета («нормы») используют *ожидания* (экспектации) соответствующего поведения, а другие — эталоны, образцы *поведения*²⁹⁰. Некоторые полагают, что девиантными могут быть не только действия, но и *идеи*, взгляды²⁹¹. Девиантное поведение нередко связывают с *реакцией общества* на него и тогда определяют девиацию как «отклонение от групповой нормы, которое влечет за собой изоляцию, лечение, тюремное заключение или другое наказание нарушителя»²⁹².

Исходя из этих, самых общих представлений, *девиантное поведение* (*deviant behavior*) можно определить, как **поступок, действие человека (группы лиц), не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, субкультуре, группе) нормам и ожиданиям.**

При этом под «официально установленными» имеются в виду формальные, правовые нормы, а фактически сложившиеся — нормы морали, обычай, традиция.

Первоначально приходилось оговаривать (или понимать из контекста) в каком смысле употребляется выражение «девиантное поведение»: как характеристика *индивидуального* поведенческого акта или же как социальный *феномен*. Позднее для обозначения последнего стали применять термины «девиация» («отклонение»), «девиантность» или же «социальная девиация» («социальное отклонение»). В качестве сложного социального явления девиации определяются как «такие нарушения социальных норм, которые характеризуются определенной массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях»²⁹³.

В английском языке, на котором написано большинство мировой девиантологической литературы, для характеристики соответствующего социального явления, свойства общества порождать «отклонения», обычно употребляется слово *deviance* — девиантность («отклоняемость», хотя по-русски это «не звучит»). Так, 29-й Исследовательский

²⁸⁹ Goode E. Deviant Behavior. Second Edition. New Jersey: Englewood Cliffs, 1984. p. 17.

²⁹⁰ Palmer S., Humphrey J. Deviant Behavior: Patterns, Source and Control. NY–L: Plenum Press, 1990. p. 3.

²⁹¹ Higgins P., Butler R., 1982. Ibid. p. 2.

²⁹² Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. С.203.

²⁹³ Социальные отклонения. 2-е изд. — М., 1989. С. 95.

комитет Международной социологической ассоциации носит название «Deviance and Social Control». Кстати говоря, если сама Ассоциация была основана в 1948 г., то Исследовательский комитет «Deviance and Social Control» образован лишь в 1974 г., что лишний раз свидетельствует о молодости девиантологии.

Современная «Энциклопедия криминологии и девиантного поведения» (2001 г.) различает три основных подхода в определении девиантности: девиантность как *поведение, нарушающее нормы* (R. Akers, M. Clinard, R. Meier, A. Liska, A. Thio); девиантность как *реагирующая конструкция* (D. Black, H. Becker, K. Erickson, E. Goode); девиантность как *нарушение прав человека* (H. Schwendinger, J. Schwendinger)²⁹⁴. Если первый и третий из этих подходов не нуждаются в комментариях, то на втором следует остановиться подробнее.

Со второй половины XX столетия в социологии все настойчивее формируется «конструктивистский» подход ко многим социальным реалиям²⁹⁵. Оказывается, значительное количество социальных институтов и феноменов («фактов») не столько существуют объективно, *per se, sui generis*, сколько искусственно «сконструированы». Такие понятия, как «преступность», «организованная преступность», «наркотизм», «коррупция», «терроризм», «проституция» и множество других — суть *социальные «конструкты»*²⁹⁶.

Взгляд на *девиантность* и ее различные проявления как определенные *конструкты*, «изготовленные» в процессе *реагирования* общества на нежелательные виды поведения, преобладает в современной социологии девиантности и является, с моей точки зрения, весьма продуктивным. Процесс конструирования девиаций (с помощью политических решений, статистики, средств массовой информации — СМИ и др.) подробно описан во многих трудах²⁹⁷. Роли СМИ в процессе конструирования девиаций посвящен раздел «Медиа и конструкция преступ-

²⁹⁴ Bryant C. (Editor-in-Chief). Encyclopedia of Criminology and Deviant Behavior. Vol. 1. Historical, Conceptual, and Theoretical Issues. Brunner–Routledge, 2001. pp. 88–92.

²⁹⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.

²⁹⁶ См.: Гилинский Я. Криминология: Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. С. 39–44; Конструирование девиантности / ред. Я Гилинский. СПб.: ДЕАН, 2011; Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / ред. И. Ясавеев. Казань: Изд-во Казанского университета, 2007.

²⁹⁷ Curra J. The Relativity of Deviance. SAGE Publications, Inc., 2000; Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: the Social construction of Deviance. Blackwell Publishers, 1994; Petrovec D. Violence in the Media. Ljubljana: Mirovni Inštitut, 2003; Pfuhl E., Henry S. The Deviance Process. Third Edition. NY: Aldine de Gruyter, 1993.

лений и девиантности» в сборнике статей «Социология преступности и девиантности»²⁹⁸. По мнению известных немецких криминологов Н. Hess и S. Scheerer, преступность не онтологическое явление, а мыслительная конструкция, имеющая исторический и изменчивый характер. Преступность почти полностью конструируется контролирующими институтами, которые устанавливают нормы и приписывают поступкам определенные значения. Преступность — социальный и языковой конструкт²⁹⁹. Как происходит конструирование одной из современных разновидностей преступности — «преступлений ненависти» («Hate Crimes»), т.е. преступных посягательств против «ненавистных» меньшинств (афро—, испано—, арабо— и азиатоамериканцев, евреев, геев, лесбиянок и т.п.), исследовано в книге американских криминологов³⁰⁰. В этом конструировании («"Hate Crime" is a social construct») принимают участие СМИ и политики, ученые и ФБР. Процесс конструирования «коррупции» показан в диссертационном исследовании И. Кузнецова³⁰¹.

Сторонники понимания девиантности как «реагирующей конструкции» исходят из того, что общество и государство, считая необходимым *реагировать* на те или иные социально значимые поведенческие формы, *конструируют* вид очередного «козла отпущения»: «мафия», «наркотизм», «гомосексуализм», «коррупция», «терроризм» и т.п.

Конечно, за этими «этикетками» скрываются некие объективные реалии, формы человеческой жизнедеятельности и их носители, субъекты действий³⁰². Но общественная или государственная *оценка* этих проявлений девиантности, само отнесение определенных форм деятельности к *девиантным* — результат сознательной работы властных, идеологических институтов, формирующих общественное сознание. Огромная роль в такой «конструкторской» деятельности принадлежит *политическому режиму*³⁰³.

²⁹⁸ Caffrey S., Mundy G. (Eds.) The Sociology of Crime and Deviance: Selected Issues. Greenwich University Press, 1995.

²⁹⁹ Hess H., Scheerer S. Was ist Kriminalität? // Kriminologische Journal. 1997. Heft 2.

³⁰⁰ Jacobs J., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law & Identity Politics. Oxford University Press, 1998.

³⁰¹ Кузнецов И.Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование. Дис. ... канд. социологических наук. СПб ГУ, 2000.

³⁰² См.: Оукс Г. Прямой разговор об эксцентричной теории. В: Теория и общество: Фундаментальные проблемы. М.: Канон—Пресс—Ц, 1999. С. 292–306.

³⁰³ См.: Гилинский Я. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39–65.

Если девиантное *поведение* — предмет, прежде всего, *психологии*, то девиантность, как *социальное* явление, — объект *социологии* девиантности (девиантологии).

С нашей точки зрения, можно определить *социальные девиации, девиантность (deviance)* как *социальное явление, выражающееся в относительно массовых, статистически устойчивых формах (видах) человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям*.

Разумеется, предлагаемые нами определения (и девиантного поведения, и девиантности) — лишь одни из возможных. Они страдают всеми грехами определений, но могут служить своеобразным посохом в дальнейших странствиях в мире социальных отклонений.

Встречающиеся в литературе термины «асоциальное» и «антисоциальное поведение» не точны хотя бы потому, что девиантное поведение так же *социально*, как и «нормальное». Термин «патология» («социальная патология») также неудачен. Слово «патология» происходит от греческих *патос* — страдание и *логос* — слово, учение, и в буквальном смысле означает науку о болезненных процессах в организме живых существ (человека и животного). В переносном, этимологически неточном смысле, патология это — болезненные нарушения строения, функционирования или развития каких-либо органов или проявлений живых организмов (патология сердца, патология желудка, патология умственного развития). Перенос медицинского (анатомического, физиологического) термина в социальную сферу двусмыслен и несет «биологическую» нагрузку, «биологизирует» социальную проблему. Наконец, как мы увидим ниже, девиации могут быть полезны, прогрессивны, тогда как термин «патология» воспринимается как нечто отрицательное, нежелательное.

Исходным для понимания отклонений является понятие *нормы*. В теории организации сложилось наиболее общее — для естественных и общественных наук — понимание нормы как *пределов, меры допустимого*. Это такие характеристики, «границы» свойств, параметров системы, при которых она сохраняется (не разрушается) и может развиваться. Для физических и биологических систем это допустимые пределы структурных и функциональных изменений, при которых обеспечивается сохранность и развитие системы. Это — *естественная, адаптивная норма*, отражающая закономерности существования системы. Так, биологическая система существует при определенных «нормативах» температуры тела (для человека от +36° до +37°С),

артериального давления (для человека в среднем 80/120 мм ртутного столба), водного баланса и т.п.

Социальная норма выражает исторически сложившиеся в конкретном обществе пределы, меру, интервал допустимого (дозволенного или обязательного) поведения, деятельности индивидов, социальных групп, социальных организаций. В отличие от естественных норм протекания физических и биологических процессов, социальные нормы складываются (*конструируются!*) как результат отражения (адекватного или искаженного) в сознании и поступках людей закономерностей функционирования общества. Поэтому социальная норма может либо соответствовать законам общественного развития (и тогда она является «естественной»), либо отражать их неполно, неадекватно, являясь продуктом искаженного (идеологизированного, политизированного, мифологизированного, религиозного) отражения объективных закономерностей. И тогда оказывается *анормальной* сама «норма», «нормальны» же (адаптивны) отклонения от нее.

Принципиальным для понимания социальных отклонений, девиантности и предмета девиантологии как науки является осознание *относительности, релятивности* социальной «нормы» и социальных «отклонений». В природе, в реальной социальной действительности не существует явлений, видов деятельности, форм поведения «нормальных» или же «девиантных» по своей природе, по содержанию, *per se, sui generis*. Те или иные виды, формы, образцы поведения «нормальные» или «девиантные» только с точки зрения сложившихся (установленных) социальных норм в данном обществе в данное время («здесь и сейчас»). «Что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение "нормальное" при одном наборе культурных установок, будет расценено как "отклоняющееся" при другом»³⁰⁴. Относительность (релятивность) девиантности и девиантность как социальный конструкт подробно обосновываются в книге J. Curra³⁰⁵.

Нет ни одного поведенческого акта, который был бы «девиантен» сам по себе, по своему содержанию, независимо от социального контекста. Так, «преступное» употребление наркотиков, в частности производных каннабиса, было допустимо, «нормально», легально во многих азиатских странах, да и в современных Нидерландах, Чехии, четырех штатах США, КНДР и ряде других стран, список которых все расширяется;

распространенное «законное» потребление алкоголя — незаконно, преступно в странах мусульманского мира; легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Испании; умышленное причинение смерти (убийство) — тягчайшее преступление, но и ... подвиг в отношении противника на войне.

С нашей точки зрения, *вся жизнь человека есть ни что иное, как онтологически нерасчлененный процесс жизнедеятельности по удовлетворению своих потребностей*. Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И почему первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы — есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей «здесь и сейчас» (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Нидерландах, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба и т.д.). Иначе говоря, жизнедеятельность человека — пламя, огонь, некоторые языки которого признаются — обоснованно или не очень — опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов).

Эти примеры можно умножать до бесконечности. Важно помнить: *когда девиантология изучает девиантность и девиантное поведение, речь всегда должна идти о конкретном обществе, конкретной нормативной системе и об отклонениях от действующих в данном обществе норм — не более*. В другом обществе, в другое время рассматриваемая «девиантность» может не быть таковой.

Более того, социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы (общества) двойное значение. Одни из них — *позитивные* — выполняют негэнтропийную функцию, служат средством (механизмом) *развития* системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это — социальное *творчество* во всех его ипостасях (техническое, научное, художественное и др.)³⁰⁶. Другие же — *негативные* — дисфункциональны, дезорганизуют систему, повышают ее энтропию. Это преступность, наркотизм, коррупция, терроризм и др.

³⁰⁴ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 150.

³⁰⁵ Curra J. The Relativity of Deviance. SAGE Publications, Inc., 2000.

³⁰⁶ Подробнее см.: Творчество как девиантность / ред. Я. Гилинский, Н. Исаев. СПб: Алеф-Пресс, 2015.

Однако, во-первых, границы между позитивным и негативным девиантным поведением подвижны во времени и пространстве социумов.

Во-вторых, в одном и том же обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры (от научного сообщества и художественной богемы до преступных сообществ и субкультуры наркоманов). И то, что «нормально» для одной из них — «девиантно» для другой или для общества в целом.

В-третьих, «а судьи — кто»? Кто и по каким критериям вправе оценивать «позитивность — негативность» социальных девиаций? Равно как и «нормальность — аномальность».

И, наконец, самое главное: организация и дезорганизация, «норма» и «аномалия» (отклонение), энтропия (мера хаотичности, неупорядоченности) и негэнтропия (мера организованности, упорядочения) *дополнительны* (в понимании Н. Бора). Их сосуществование неизбежно, они неразрывно связаны между собой, и только совместное их изучение способно объяснить исследуемые процессы. «Порядок и беспорядок сосуществуют как два аспекта одного целого и дают нам различное видение мира»³⁰⁷.

Более того, еще Тит Лукреций Кар провидчески писал о *clinamen* (отклонениях) как *conditio sine qua non* (необходимые условия) развития, ибо, как говорил Лукреций о «телах изначальных» (атомах):

Если ж, как капли дождя они вниз продолжали бы падать,
Не отклоняясь ничуть на пути в пустоте необъятной,
То ни каких бы ни встреч, ни толчков у начал не рождалось,
И ничего никогда породить не могла бы природа³⁰⁸.

И здесь мы подходим к теме чрезвычайной важности для последующего изложения. *Девиации присущи всем уровням и формам организации мироздания*. В современной физике и химии отклонения обычно именуются *флуктуациями*, в биологии — *мутациями*, на долю социологии и психологии выпали *девиации*.

Существование каждой системы (физической, биологической, социальной) есть динамическое состояние, единство процессов *сохранения и изменения*. *Девиации (флуктуации, мутации) служат механизмом изменчивости, а, следовательно, существования и развития каждой системы*. Без девиаций «ничего никогда породить не могла бы при-

³⁰⁷ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

³⁰⁸ Лукреций. О природе вещей. М.: Наука, 1958. С. 68.

рода», а «порождения» природы не могут без девиаций изменяться (развиваться). Отсутствие девиаций системы означает ее не-существование, гибель («а на кладбище все спокойненько»).

Чем выше уровень организации (организованности) системы, тем динамичнее ее существование и тем большее значение приобретают *изменения как «средство» сохранения*. Неравновесность, неустойчивость становится источником упорядоченности (по И. Пригожину, «порядок через флуктуации»³⁰⁹). Так что для биологических и социальных систем характерен переход от гомеостаза (поддержание сохранения, стабилизированного состояния) к гомеорезу (поддержанию изменений, стабилизированному потоку)³¹⁰.

Поскольку существование и развитие социальных систем неразрывно связано с человеческой деятельностью, осуществляется через нее, постольку социальные девиации (девиантность социальных систем, обществ) реализуются, в конечном счете, через человеческую деятельность — девиантное поведение. В этом смысле *девиантность есть прорыв тотальной жизнедеятельности через (сквозь) социальную форму*.

Именно *отклонения как всеобщая форма изменений* обеспечивает «подвижное равновесие» (Ле-Шателье) или «устойчивое неравновесие» (Э. Бауэр) системы, ее сохранение, устойчивость через изменения. Другое дело, что само изменение может быть *эволюционно* (развитие, совершенствование, повышение степени организованности, адаптивности) и *инволюционно*. Но поскольку все сущее конечно (смертно), постольку и инволюционные, энтропийные процессы закономерны и, увы, неизбежны.

Положение о *позитивных* девиациях дискуссионно в отечественной науке. Часть ученых разделяют нашу позицию о наличии «симметрии» в отклонениях³¹¹. Другие — возражают, считая, что девиантность включает только негативные социальные явления³¹². В массовом сознании девиантность действительно связана обычно с негативными явлениями, поступками. Само слово «девиантность» приобрело негативный

³⁰⁹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Наука, 1986.

³¹⁰ См. статьи К. Уоддингтона и Р. Тома в: На пути к теоретической биологии: 1. Прологомены. М.: Мир, 1970.

³¹¹ Яковлев А.М. Социология преступности. М.: МНИОИ, 2001. С. 56; Ben-Jehuda N. Positive and Negative Deviance: More Fuel for a Controversy // Deviant Behavior. 1990. Vol. 11. N 3; Higgins P., Butler R., 1982. Ibid. pp. 7–8, 10; Palmer S., Humphery J., 1990. Ibid. p. 7.

³¹² Социальные отклонения. 1989. Указ. соч. С. 97–100.

оттенек³¹³. Так, «олимпийских золотых медалистов, которые конечно не нормальные люди, никогда не назовут девиантами, потому что они ненормальны скорее «правильно», чем «неправильно»»³¹⁴.

Однако бытовое, обыденное представление и научное, теоретическое понимание не всегда совпадают, да и не должны совпадать. Обоснование авторской точки зрения по поводу позитивных девиаций излагается во многих работах, а специально — в статье 1990 г.³¹⁵ и выше названной коллективной монографии (2015).

Наконец, еще один сюжет из жизни девиаций. Мир устроен таким образом, что более или менее длительное существование тех или иных систем и процессов возможно лишь в случае их адаптивности и *функциональности* — выполнения определенных «ролей» в жизни других — более общих систем и процессов. Так, нервная система, мышцы, скелет, органы зрения, слуха, сердечно-сосудистая система выполняют определенные функции в системе «организм», а семья, государство, право, экономика, идеология, образование, здравоохранение выполняют определенные функции в системе «общество».

В процессе эволюционного *отбора* неадаптивные, *нефункциональные* системы, процессы, формы человеческой жизнедеятельности *элиминируются* (ликвидируются, отмирают). Сохраняющиеся же, очевидно, адаптивны, выполняют те или иные явные и/или латентные (Р. Мертон) функции. «Наличие, постоянное сохранение в обществе преступности невозможно без признания того, что и преступность выполняет определенную социальную функцию, служит формой либо регулятивной, либо адаптационной (приспособительной) реакции на общественные процессы, явления, институты»³¹⁶. Так вот, «вечность» преступности, потребления веществ, влияющих на центральную нервную систему (наркотики, алкоголь и др.), проституции, коррупции, не говоря уже о позитивных девиациях — творчестве, свидетельствует о том, что *все существующие проявления девиантности — функциональны*, несут ту или иную социальную нагрузку, играют определенные социальные роли. Или, как выражался Гегель, «имеют основания», а потому — «все действительное разумно».

³¹³ Bryant C. 2001. Ibid. Vol.1, p. 88.

³¹⁴ Wilson P., Braithwaite J. (Eds.) Two Faces of Deviance. University of Queensland Press, 1978. p. 1.

³¹⁵ Гилинский Я. Творчество — норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990. № 2. С. 41–49.

³¹⁶ Яковлев А.М. Социология преступности. Указ. соч. С. 14.

Проблема функций девиантности служит предметом научного обсуждения. Так, А.М. Яковлев исследует функции организованной экономической преступности: «обеспечить незаконным путем объективную потребность, не удовлетворяемую в должной мере нормальными социальными институтами»³¹⁷. Преступные связи и отношения, элементы экономической преступности «возникают там и постольку, где и поскольку, объективная потребность в организации и координации экономической деятельности не получает адекватного отражения в организационной и нормативной структуре экономики как социального института»³¹⁸. Функциональность «теневой экономики», включая нелегальное предпринимательство и коррупционные связи подробно исследуются в работах И. Клямкина, Л. Тимофеева, Т. Шанина и др.³¹⁹. Анализу функции взятки, коррупции посвящены труды В. Рейсмана, Л. Тимофеева³²⁰. В уже упоминавшейся книге Palmer и Humphery приводится перечень латентных функций девиантного поведения: интеграция группы; способствование установлению и прояснению морального кодекса (правил) общества; «отдушина» для агрессивных тенденций; «бегство» или безопасный «клапан»; предупредительный сигнал о неизбежных социальных изменениях; действенное средство социальных изменений; средство достижения и роста (упрочения) самоидентификации; а также иные функции³²¹.

Девиантология: понятие, предмет, место в системе наук

В недрах социологии зародилась и сформировалась социология девиантного (отклоняющегося) поведения как специальная (частная) социологическая теория, которая со временем получила более точное название — *социология девиантности и социального контроля* (*Sociology of Deviance and Social Control*). Социология девиантности оказалась той научной дисциплиной, отраслью социологии, которая претендует на изучение и объяснение самых различных проявлений «социального зла». И не только «зла», как мы видели выше.

³¹⁷ Яковлев А.М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988. С. 21.

³¹⁸ Там же. С. 43.

³¹⁹ Клямкин И., Тимофеев Л. Теневой образ жизни: Социологический автопортрет постсоветского общества. М.: РГГУ, 2000; Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М.: Логос, 1999.

³²⁰ Рейсман В.М. Скрытая ложь: Взятки: «крестовые походы» и реформы. М.: Прогресс, 1988; Тимофеев Л. Институциональная коррупция: Очерки истории. М.: РГГУ, 2000.

³²¹ Palmer S., Humphery J., 1990. Ibid. pp. 12–15.

Пожалуй, основной недостаток названия «социология девиантности и социального контроля» — многословие. Кроме того, девиантность и девиантное поведение изучаются и в рамках естественных наук — биологии, психологии. Поэтому нами был введен в научный оборот новый термин — «*девиантология*».

Девиантология (deviantology) — наука, изучающая социальные девиации (девиантность) и реакцию общества на них (социальный контроль).

Достоинство этого названия — его краткость. К тому же этот термин вполне отвечает принципу наименования научных дисциплин и отраслей науки по формуле: обозначение предмета + «логия» (от греч. *λογος* — слово, учение) — антропология, биология, геология, зоология, криминология и т.п. Девиантология учитывает интересы и других наук, а ряд девиаций изучается комплексными естественно-общественными дисциплинами (самоубийства — суицидологией, пьянство и наркотизм — наркологией). «Девиантология» как *термин* (научное направление давно существует и развивается) начал активно использоваться в отечественной науке³²².

Девиантология в перспективе может стать *более общей теорией девиаций в природе и обществе* (на физическом, биологическом, социальном уровнях организации мироздания). В широком смысле, это наука о тех *clinamen* (отклонениях), которые, по Лукрецию, являлись *conditio sine qua non* (необходимые условия) развития.

Как любая наука, девиантология (социология девиантности и социального контроля) имеет свою историю, немаловажную для понимания и объяснения девиаций и девиантного поведения.

Таким образом, *предметом* девиантологии служат:

- девиантность как социальный феномен;
- различные виды девиантности;
- девиантное поведение как индивидуальный поведенческий акт;
- генезис девиантности и ее отдельных проявлений;
- механизм индивидуального девиантного поведения;
- реакция общества на девиантность (социальный контроль);

³²² В 2001 г. вышли книги Е.В. Змановской «Девиантология: психология отклоняющегося поведения» (СПб.) и А.Г. Тюрикова «Военная девиантология: Теория, методология, библиография» (М.), а в октябре 2003 г. в Тюмени состоялась научная конференция «Девиантология в России: история и современность». В 2003 г. вышла книга Т.А. Хагурова «Введение в современную девиантологию». Активно используют этот термин Ю.А. Клейберг («Девиантология: Хрестоматия», 2007; «Девиантология: словарь», 2012; «Девиантология: Учебное пособие», 2014) и, конечно, автор этого текста.

- история девиантологии;
- методология и методика девиантологических (социологических, психологических) исследований.

Какое место в системе наук занимает девиантология?

Выше говорилось о том, что сегодня она является отраслью *социологии*, одной из специальных (частных) социологических теорий. В свою очередь, с нашей точки зрения, социология девиантности служит более общей теорией по отношению к наукам, изучающим отдельные проявления девиантности: *криминологии* (наука о преступности), *суицидологии* (наука о самоубийствах и суицидальном поведении), *«аддиктологии»* (наука об аддикциях, пристрастиях, зависимостях — алкогольной, наркотической, табачной, игровой, компьютерной и др.), отчасти *сексологии* (наука о сексуальном поведении, включая «отклоняющееся» — пerversии), *социологии творчества*.

Оговорюсь — если в криминологии высказанная точка зрения достаточно распространена³²³, то моя позиция в отношении суицидологии, «аддиктологии», сексологии и социологии творчества, несомненно, вызовет возражения.

Суицидологию принято считать междисциплинарной наукой, объединяющей социологический, психологический, медицинский подходы. Об «аддиктологии», насколько мне известно, никто еще не слышал. Употребление и злоупотребление алкоголем и наркотиками традиционно изучает наркология — медицинская наука (точнее, психиатрия, иногда допускающая в свои владения психологию). Социологии творчества, к сожалению, практически не существует (в отличие от бурно развивающейся психологии творчества). Ее предметом занимаются отчасти психология творчества, отчасти социология науки и социология искусства. Вместе с тем, мне кажется, что высказанные соображения имеют определенные основания и вызваны не желанием совершить «революцию», а несколько упорядочить систему общественных наук, включая социологию. И побудить в ходе дискуссии расширить и уточнить рамки девиантологии и ее «дочерних» дисциплин.

По мере развития девиантологии формируются частные девиантологические науки (дисциплины): военная девиантология, теория социаль-

³²³ Barak G. Integrating Criminologies. Allyn and Bacon, 1998. p. 22; Lanier M., Henry S. Essential Criminology. Westview Press, 1998. pp. 8, 22; Muncie E., McLaughlin (Eds.) The Problem of Crime. SAGE Publication, 1996. p. 12; Хохряков Г. Ф. Криминология. М.: Юрист, 1999. С. 82; и др.

ного контроля, подростковая девиантология (у нее двое родителей — девиантология и ювенология³²⁴) и др.

Все формы, виды девиантности суть *социальные феномены*. Они имеют общий генезис (социальные «причины»), взаимосвязаны между собой, нередко влияют друг на друга. Некоторое эмпирическое подтверждение этому мы усматривали в результатах наших исследований и при анализе работ других авторов. Социологический подход к суициду, пьянству и наркотизму, проституции мы находим в трудах Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Р. Мертона, П. Сорокина, М. Гернета, да и К. Маркса с Ф. Энгельсом, на которых «не модно» ссылаться в современной России, но чьи научные достижения высоко оцениваются мировой наукой.

Да, при изучении *индивидуального* преступного, суицидального, аддиктивного, сексуального поведения роль психологии, наркологии, а нередко и биологии несомненна. Но изучение преступности, пьянства, наркотизма, проституции как *социальных явлений*, а также социальной реакции на них — предмет социологии и, прежде всего, социологии девиантности и социального контроля (девиантологии) и ее подотраслей — криминологии, суицидологии, аддиктологии, сексологии (точнее, той ее части, которая занимается сексуальными перверсиями). Обоснование социологии творчества как подотрасли девиантологии связано с признанием позитивных девиаций, наряду с негативными.

Девиантология несомненно связана как с «родительницей» — социологией, так и с «детьми» — криминологией, суицидологией, аддиктологией и др., а также с различными отраслями социологических знаний — социологией семьи, социологией культуры, социологией науки, военной социологией и др. Кроме того, девиантология широко использует достижения психологии, демографии, статистики, применяет математические методы обработки результатов исследований. Зависимость социальных девиаций от экономических процессов (прежде всего, экономического неравенства) обуславливает взаимный интерес девиантологии и *экономики*. На многие проявления девиантности существенно влияют особенности той или иной *культуры*. Культуры — понимаемой в широком смысле, как способа человеческого существования, человеческой деятельности³²⁵. Культурология оказы-

³²⁴ См.: Основы ювенологии: Опыт комплексного междисциплинарного исследования / ред. Е.Г. Слуцкий. СПб.: БИС-принт, 2002.

³²⁵ Маркарян Э.С. Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1969. С. 66 и др.; Он же. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ. М.: Мысль, 1983. С. 112 и др.

вается важным «соратником» девиантологии (отметим, что культура задает «формы» девиантных проявлений, а девиантное поведение служит «средством» изменения культуры). Не случайно активное развитие современной «культуральной криминологии»³²⁶. Неравномерность распространения различных форм девиантности в пространстве заставляет обратиться к географии (известно, например, такое направление в криминологии как география преступности).

Некоторые достижения

Что нового привнесла девиантология в наши знания о преступности и суициде, наркотизме и проституции, терроризме и... творчестве?

Многие трудности при изучении преступности и ее видов, наркотизма, пьянства, коррупции, проституции и других форм девиантности (тем более — социального творчества) возникали в результате попыток рассматривать их как относительно *самостоятельные* явления, со своими специфическими причинами, закономерностями, а, следовательно, и методами противодействия (или развития) со стороны общества и государства. Такой подход в значительной мере объясняется научной традицией и профессиональной специализацией (криминолог изучает преступность, нарколог наркотическую и алкогольную аддикцию, суицидолог — самоубийства, сексолог — сексуальные перверсии). Между тем, различные виды девиантности имеют *общий генезис, взаимосвязаны между собой, проявляют общие закономерности*, что не исключает и специфические «видовые» особенности. Девиантология и призвана «объединить» все знания, относящиеся к девиантным проявлениям, и двигаться дальше по пути выявления общих закономерностей, генезиса, эффективных методов социального контроля.

Так, многочисленными исследованиями установлена существенная зависимость насильственных преступлений, самоубийств, алкоголизации и наркотизации от социально-экономического неравенства. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты исследований С.Г. Олькова и И.С. Скифского, показавшие тесную корреляционную зависимость тяжких насильственных преступлений и самоубийств от динамики таких показателей экономического неравенства, как децильный

³²⁶ Ferrell J., Hayward K., Young J. Cultural Criminology. SAGE, 2008; Garland D. The Culture of Control. Oxford University Press, 2001.

(фондовый) коэффициент и индекс Джини³²⁷. В России, по данным МВД РФ, доля лиц без постоянного источника дохода (своеобразный аналог «исключенных» — *excluded*) в общей массе преступников достигла к 2014 году 66%, а по тяжким насильственным преступлениям — 72–75%. «Исключенные» из активной экономической, социальной, культурной жизни оказываются социальной базой преступности, пьянства, наркотизма, проституции, суицидального поведения³²⁸.

Назовем некоторые закономерности, подтверждающие общую социальную природу различных видов девиантности, как сложного социального явления.

Во-первых, отмечается относительная *устойчивость* установленных связей и зависимостей. Так, издавна и в различных обществах наблюдалась *обратная корреляционная* зависимость между степенью алкоголизации и наркотизации отдельных групп населения (прежде всего, молодежи); между убийствами и самоубийствами; между женской преступностью и проституцией³²⁹. Весенне-летний пик и осенне-зимний минимум самоубийств, выявленный Э. Дюркгеймом на примере Франции XIX в., наблюдается и в настоящее время в различных странах, включая Россию.

Во-вторых, взаимосвязи различных форм девиантности носят сложный, противоречивый характер, часто не отвечающий обыденным представлениям. Так, хотя нередко наблюдается «*индукция*» различных проявлений девиантности, когда одно негативное явление усиливает другое (алкоголизация нередко провоцирует насильственные преступления, наркотизация — корыстные, бюрократизация — коррупцию), однако, эмпирически прослеживаются и обратные связи, когда, например, увеличение алкоголизации сопровождается снижением уровня преступности и наоборот (исследования С.Г. Олькова, О.А. Ольковой, И.С. Скифского); в обратной корреляционной зависимости «разводятся» убийства и самоубийства³³⁰; прослеживается связь между терро-

³²⁷ Ольков С.Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право, 2004, № 8; Скифский И.С. Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007.

³²⁸ Гилинский Я.И. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 6, 2004. С. 69–76.

³²⁹ См.: Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 140.

³³⁰ См.: Человек как объект социологического исследования. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 101–104; Эффективность действия правовых норм. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. С. 99–101;

ром и терроризмом³³¹. П. Вольф отмечает, что «низкая степень индустриализации обуславливает высокий уровень преступности против личности и небольшое количество преступлений против собственности. Высокая степень индустриализации предполагает низкий уровень зарегистрированной преступности против личности, зато количество преступлений против собственности возрастает»³³². Различные формы девиантности соотносятся между собой не как «причина» и «следствие» (некорректны идеологические штампы, все еще распространенные в массовом сознании, типа «пьянство — путь к преступлению», «наркоманы — преступники» и т.п.), а как рядоположенные социальные феномены, имеющие «за спиной» общий генезис.

Различные девиантные проявления могут в одних условиях «накладываться», усиливая друг друга, в других — «разводиться» в обратной зависимости, «гася» одно другое. Иначе говоря, происходит «*интерференция*» различных форм девиантности. Это, как нам кажется, теоретически и практически важная закономерность, не познанная до конца. Конкретизация условий и характера «интерференции» — дело будущих исследований.

В-третьих, очевидна зависимость различных форм девиантности от «среды» (экономических, социальных, политических, культурологических факторов). При этом различные проявления девиантности по-разному «чувствительны» к тем или иным средовым воздействиям. Известно, например, что во время войн снижается уровень самоубийств (Э. Дюркгейм), включая Первую (М. Гернет) и Вторую (А. Подгурецкий) мировую. В периоды экономических кризисов растет корыстная преступность и снижается насильственная («гуманизация преступности» по В.В. Лунееву), а экономический «бум» влечет сокращение корыстных преступлений при «взрыве» насильственных, а также алкоголизации и наркотизации населения³³³. Это позволило американским исследователям заметить: «коэффициенты преступности, как и жен-

Henry A.F., Short J.S. Suicide and Homicide. Glencoe (Ill): The Free Press, 1954.

³³¹ Гилинский Я.И. Терроризм: понятие, сущность, перспективы // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 5, 2003. С. 66–69.

³³² Цит. по: Кристи Н. Плотность общества. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2001. С. 74–75.

³³³ Некоторые эмпирические данные см.: США: преступность и политика / ред. Б. Никифоров. М.: Мысль, 1972. С. 237–243; Dolmen L. (Ed.) Crime Trends in Sweden. 1988. Stockholm, 1990.

ские юбки, ползут вверх в периоды процветания» и «чем больше богатство, тем гуще грязь»³³⁴...

В-четвертых, заслуживают особого внимания сложные взаимосвязи негативных и позитивных девиаций. Наши эмпирические исследования начала 1970-х годов досуговой деятельности жителей г. Орла и осужденных орловчан (до момента их ареста) показали, что в части пассивного потребления культуры осужденные отстают от населения в целом. Они меньше читают, слушают радио, смотрят телевизионные передачи, реже посещают музеи и театры. Однако в сфере самодеятельного творчества активнее были те, кто позднее оказался в числе осужденных! Представители такой маргинальной группы, как служащие без специального образования, показали наиболее высокие коэффициенты криминального и суицидального поведения, а также — самодеятельного творчества³³⁵. Аналогичные данные были получены нами и при сравнительном обследовании ленинградцев, осужденных за совершение тяжких насильственных преступлений, и контрольной группы населения города (конец 1970-х годов). Если в целом уровень потребления культуры у осужденных ниже, то по ряду показателей активной досуговой деятельности, включая самодеятельное творчество, он оказался выше. К подобному выводу пришли и москвичи, проводившие исследования в г. Тольятти: «более активными в досуге (во всех его сферах) оказались осужденные в сравнении с законопослушными гражданами. Этот факт требует объяснения, но не может быть следствием случайности»³³⁶. А.А. Габiani выявил резко повышенную долю бывших спортсменов — мастеров и кандидатов в мастера среди наркоманов Грузии (25%). А в «постсоветское» время многие бывшие спортсменыполнили ряды организованной преступности.

Эти результаты исследований могут интерпретироваться как показатели повышенной социальной активности лиц («пассионариев», по Л. Гумилеву), не сумевших ее реализовать в социально-полезных формах (творчестве) и «проявивших» себя в негативно девиантном поведении. Все это позволило мне предположить наличие своеобразного «баланса социальной активности» и системы факторов, определяющих

ее структуру и динамику. В первом приближении баланс социальной активности в определенном пространственно-временном континууме может быть представлен как:

$$\sum_{i=1}^e p_i + \sum_{i=1}^{e_1} n_i + \sum_{i=1}^{e_2} k_i = 1,$$

где: p — квантифицированные позитивные формы девиантного поведения, n — квантифицированные формы негативных форм девиантного поведения, k — квантифицированные формы «нормального», конформного поведения.

При этом увеличение интенсивности (уровня) одних форм активности (p — позитивных или же n — негативных девиаций) приводит к снижению интенсивности других форм по принципу «сообщающихся сосудов»³³⁷. Возможен и вариант одновременного увеличения (уменьшения) значений p и n при соответствующем снижении (увеличении) значения k . Эмпирические данные свидетельствуют о том, что в определенные (революционные?) периоды истории увеличиваются и позитивные, и негативные девиации при сокращении конформного поведения.

Высказанные гипотезы («интерференция» социальных девиаций, «баланс социальной активности» и др.) представляют не только теоретический, но и практический интерес. Установление достоверных и устойчивых (закономерных) связей между различными проявлениями девиантности, между их позитивными и негативными формами могут быть использованы в системе социального контроля в целях нейтрализации одних, стимулирования других, «канализирования» социальной активности в социально-полезном направлении.

Представляется особенно важным и перспективным развитие девиантологии в условиях современного общества постмодерна, когда процессы глобализации, виртуализации, фрагментаризации, консьюмеризации приводят к «девиантации» общественных отношений и взаимодействия фрагментов общества. Но это уже тема следующей главы.

³³⁴ Цит. по: США: преступность и политика / ред. Б.С. Никифоров. М., 1972. Указ. соч. С. 239.

³³⁵ Человек как объект социологического исследования. Указ. соч.

³³⁶ Волошина Л.А. Совершенствование условий в сфере досуга как фактор искоренения преступности. В: Методологические вопросы изучения социальных условий преступности. М., 1979. С. 137.

³³⁷ Гилинский Я.И. Исследование социальной активности населения при региональном социальном планировании. В: Региональное социальное планирование (Тезисы докладов конференции). Ч. 1. Уфа, 1976. С. 33; Гилинский Я., Раска Э. О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эстонской ССР. Т. 30. Общественные науки. 1981. № 2. С. 134–142.

Девиянтность и социальный контроль в обществе постмодерна³³⁸

Понятие постмодерна неоднозначно понимается и в разное время, и в разных областях науки и искусства³³⁹. Нет и единого понимания, когда модерн сменяется постмодерном. Вероятно, процесс становления общества постмодерна начинается в 1970–е — 1980–е годы.

Вместе с тем, мы живем в совершенно новом мире, в совершенно новой реальности («Постмодерн как радикальное изменение во всех сферах человеческого существования»³⁴⁰). Это плохо осознается (или совсем не осознается) большинством населения нашего единого, но фрагментарного мира. Хуже (и опаснее) того, — это не понимается правителями, властями (и не только российскими).

У нас есть неограниченные возможности (за несколько часов переместиться в любую точку планеты; поговорить посредством скайпа с приятелем, находящимся в Австралии или Японии; молниеносно отреагировать на любую новость, высказавшись — «на весь свет» — в сетях интернета) и неограниченные риски, вплоть до тотального самоуничтожения — *омницида*... «Мы, в сущности, живем в апокалиптическое время... экологический кризис, биогенетическая редукция людей к манипулируемым машинам, полный цифровой контроль над нашей жизнью»³⁴¹. Привычные «истины» и «смыслы» теряют свои основания. *Неопределенность* — постоянное состояние нашего бытия. *Общество постмодерна есть общество возможностей и рисков* (вспомним У. Бека).

³³⁸ Глава 2 монографии «Современная девиантология: методология, теория, практика» / ред. Ю.А. Клейберг, Kwami S. Dartey. London: UK Academy of Education, 2016. С. 35–61.

³³⁹ Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011; Жмуров Д.В. Криминология в эпоху постмодерна. В поисках новых ответов. Иркутск: БГУЭиП, 2012; Лиотар Ж.–Ф. Состояние постмодерна. СПб: Алетейя, 1998; Социо–Логос постмодернизма. М.: ИЭС, 1996; Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб: Алетейя–Пресс, 2012.

³⁴⁰ Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011. С. 39–40.

³⁴¹ Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011. С. 289.

Современная эпоха постмодерна выдвигает перед обществом невиданные ранее проблемы вживания и выживания, а перед общественными науками — осмысление происходящих тотальных изменений в жизни современного человечества. Трудно сказать, насколько реалистична и точна «Сингулярность» Р. Курцвайля (Raymond Kurzweil «The Singularity is Near»), но очевидно, что технологии постмодерна развиваются по экспоненте, и человечество ждет или немислимый сегодня, невероятный прогресс, или катастрофический конец... Вот как это видится одному из интерпретаторов предсказаний Курцвайля: «Грядут великие изменения. Созданные нашим разумом технологии изменят ход вещей в мире и это неизбежно. Мы навсегда забудем о старости и голоде, мы навсегда забудем о войнах и предрассудках. Мы станем едины со своими творениями и обретем такую власть над материей, которую цари прошлого не могли вообразить даже в самых смелых психоделических мечтаниях. Или мы погибнем, от рук себе подобных или от рук своих творений. Сегодня все еще зависит от нас, от наших действий и решений...»³⁴².

Некоторые характеристики общества постмодерна

Постмодернизм производит опустошительное действие.
П. Бурдьё

— *Глобализация всего и вся* — финансовых, транспортных, миграционных, технологических потоков³⁴³. Одновременно формируется (очень медленно!) глобальное сознание, миропонимание. Соответственно осуществляется глобализация преступности (особенно организованной — торговля наркотиками, оружием, людьми, человеческими органами) и проявлений девиантности (наркотизм, проституция и др.).

— Как результат *массовой миграции* неизбежен «конфликт культур» (Т. Селлин³⁴⁴) и цивилизаций со всеми вытекающими девиантными последствиями, включая ксенофобию, «преступления ненависти» (Hate crimes).

³⁴² Ромул М. Сингулярность действительно близко // URL: <http://novadeus.com/wp-content/uploads/Singularity.pdf> С. 49 (дата обращения: 19.04.2015).

³⁴³ Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / ред. П. Бергер, С. Хантингтон. М.: Аспект Пресс, 2002.

³⁴⁴ Селлин Т. Конфликт норм поведения. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 282–287.

— «Виртуализация» жизнедеятельности. Мы шизофренически живем в реальном и киберпространстве. Без интернета, мобильных, смартфонов и прочих *IT* не мыслится существование. Происходит *глобализация виртуализации и виртуализация глобализации*. Как одно из следствий этого — киберпреступность и кибердевиантность³⁴⁵. Виртуальный мир необъятен и легко доступен — не вставая с привычного кресла. Интернет предоставляет невиданные и немыслимые ранее возможности. Но он коварен, он затягивает вплоть до интернет-зависимости, как заболевания³⁴⁶.

— *Релятивизм/агностицизм*. История человечества и история науки приводят к отказу от возможности постижения «истины». Очевидна *относительность* любого знания. *Неопределенность* как свойство, признак постмодерна. Конечно, понимание относительности наших знаний известно давно. Возможно, начиная от сократовского «Я знаю, что ничего не знаю». Как известно, «есть много истин, нет Истины». Далее «принцип дополнительности» Н. Бора и «принцип неопределенности В. Гейзенберга. И, наконец, «*Anything goes!*» П. Фейерабенда. Для науки постмодерна характерна *полипарадигмальность*. «Постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий»³⁴⁷. Бессмысленна попытка «установления истины по делу» (уголовному, в частности). «Сама "наука", будучи современницей Нового времени (модерна), сегодня, в эпоху постмодерна, себя исчерпала»³⁴⁸. По Лиотару, «Наука оказывается не более, чем одной из языковых игр: она не может более претендовать на имперские привилегии по отношению к иным формам знания, как то было в эпоху модерна»³⁴⁹. Размываются междисциплинарные границы. «Классическое определение границ различных научных полей подвергается... новому пересмотру: дисциплины исчезают, на границах наук происходят незаконные захваты и таким образом на свет появляются новые территории»³⁵⁰.

Это не означает «отказа» от науки (в том числе, девиантологии), но заставляет еще и еще раз «подвергать все сомнению», «не успокаивать

³⁴⁵ Humphrey J. Deviant Behavior. NJ: Prentice Hall, 2006. Ch. 13 Cyberdeviance, pp. 272–295.

³⁴⁶ Интернет-зависимость // URL: <http://constructor.ru/zdorovie/internet-zavisimost.html> (дата обращения: 30.03.2015).

³⁴⁷ Ядов В.А. Современная теоретическая социология. СПб: Интерсоцис, 2009, с. 20.

³⁴⁸ Спиридонов Л.И. Избранные произведения. СПб, 2002. С. 25.

³⁴⁹ Андерсон П. Истоки постмодерна. С. 38.

³⁵⁰ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб: Алетейя, 1998. С. 96.

ваться на достигнутом», выдвигая все новые и новые идеи и гипотезы, не стесняясь переосмысливать и отбрасывать ранее «установленное».

Один из крупнейших современных российских теоретиков права И.Л. Честнов, так подводит итог размышлению о постмодернизме в праве: «Таким образом, постмодернизм — это признание онтологической и гносеологической неопределенности социального мира, это проблематизация социальной реальности, которая intersubъективна, стохастична, зависит от значений, которые ей приписываются, это относительность знаний о любом социальном явлении и процессе (и праве), это признание сконструированности социального мира, а не его данность»³⁵¹. Замечу, что рассмотрение преступности, преступлений, наркотизма, проституции, терроризма, коррупции и других социальных феноменов как социальных конструктов — важнейшее исходное положение для дальнейшего социологического анализа³⁵².

— *Отказ от иллюзий* возможности построения «благополучного» общества («общества всеобщего благоденствия»). Мировые войны, Освенцим, Холокост, ленинские и гитлеровские концлагеря и сталинский ГУЛАГ разрушили иллюзии по поводу человечества. А современность стремится лишь подтвердить самые худшие прогнозы антиутопий. «Мы» Е. Замятина, «1984» Дж. Оруэлла, «дивный новый мир» О. Хаксли, «Москва 2042» В. Войновича, «кошачий город» Лао Шэ оживают у нас на глазах... «Рабовладение — плохо, феодализм — плохо, социализм — плохо, капитализм — плохо...»³⁵³. Растет социально-экономическое неравенство, а с ним — криминальное и/или ретретиристское девиантное поведение³⁵⁴. Все человечество разделено на постоянно уменьшающееся меньшинство «включенных» (*included*) в активную экономическую, социальную, политическую, культурную жизнь и постоянно увеличивающееся большинство «исключенных» (*excluded*) из нее.

³⁵¹ Честнов И.Л. Постмодернизм как вызов юриспруденции // Общество и человек, 2014, №4 (10). С. 47–48.

³⁵² Конструирование девиантности / ред. Я. Гилинский. — СПб: ДЕАН, 2011; Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / сост. И.Г. Ясавеев. Казань: Изд-во казанского ун-та, 2007.

³⁵³ Гилинский Я. Ultra pessimo, или Homo Sapiens как страшная ошибка природы... // URL: <http://crimpravo.ru/blog/3112.html#cut>; <http://www.cogita.ru/cogita/a.n.-alekseev/publikacii-a.n.alekseeva/homo-sapiens-kak-strashnaya-oshibka-prirody> (дата обращения 25.03.2016).

³⁵⁴ О девиантной роли социально-экономического неравенства см.: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд. СПб: Алетейя-Пресс, 2013. С. 182–194.

— *Власть* — всегда *насилие* (от М. Фуко до С. Жижека)³⁵⁵. Государство, созданное с самыми благими намерениями (защита подданных и граждан, обеспечение общих интересов и т.п.), в действительности служит репрессивным орудием в руках господствующего класса, группы, хунты. Разочарование в демократии («демократия — это когда шайка мошенников управляет толпой идиотов») толкает население даже образцово демократических государств то вправо, то влево. Тем более, в странах с авторитарным/тоталитарным режимом. Отсюда «арабская весна», «цветные революции», «Occupy Wall Street!», «Майдан». Продолжение не заставит себя долго ждать...

— *Критицизм* по отношению к модерну, власти, возможностям науки. Отрицание достижений Нового времени, модерна. Но что на смену? Восприятие мира в качестве *хаоса* — «постмодернистская чувствительность» (W. Welsch, Ж.-Ф. Лиотар). Как сказал З. Бауман, выступая в 2011 г. перед студентами МГУ: «Мы летим в самолете без экипажа в аэропорт, который еще не спроектирован». В мире постмодерна актуален, как никогда, давно воспринятый мною принцип: «Я отрицаю все, и в этом суть моя» (Гёте). Универсальный скептицизм постмодерна относится, разумеется, и к творчеству автора этих строк.

Этого не надо пугаться. Надо понять, воспринять и учитывать в своей жизни и деятельности. Подростки и молодежь органично усваивают хаотичность общества постмодернизма, старшим поколениям удастся это с трудом. Небывалый ранее разрыв поколений служит нередко девиантогенным фактором.

— «*Ускорение времени*». В 1971 г. я заметил: «В целом для социальной системы существенна "наполняемость" пространственно-временного континуума социально значимыми процессами, в том числе — информационными»³⁵⁶. В эпоху постмодерна время «бежит» с невиданной быстротой. «Если я скажу, что сегодняшний год — это как пять лет, или как семь — 10 лет назад, я, наверное, не очень сильно промахнусь. Потому что за год происходят очень большие изменения. Причем большие изменения во всем»³⁵⁷, утверждает Г. Греф, и с ним нельзя не согла-

³⁵⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999; Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. См. также: Гилинский Я. Социальное насилие. Монография. СПб: Алеф-Пресс, 2013.

³⁵⁶ Гилинский Я.И. Стадии социализации индивида. В: Человек и общество. Вып. IX. Л.: ЛГУ, 1971. С. 47.

³⁵⁷ Герман Греф о революции в США // URL: <http://hvyly.net/analytics/tech/german-gref-o-revolutsii-v-ssha-uzhe-net-nikakoy-konkurentsii-tovarov-produktov-ili->

ситься. Бег времени требует быстрой реакции на происходящие в мире изменения, ускорение процесса образования, постоянного, «пожизненного» пополнения знаний и умений, совершенствования технологий.

— *Фрагментарность* мышления как отражение фрагментарности бытия. *Фрагментаризация* общества постмодерна, сопутствующая процессам глобализации, а также взаимопроникновение культур приводят к определенному размыванию границ между «нормой» и «не-нормой», к эластичности этих границ. Модернистская ориентация на прошлое в обществе постмодерна сменяется ориентацией на будущее. А оно достаточно неопределенно. Сколько групп единомышленников («фрагментов»), столько и «будущего», столько и моральных императивов, столько и оценок деяний, как «нормальных» или «девиантных».

Если в предшествующие эпохи «люди одного поколения жили в *одном* историческом времени и, соответственно, по *одним* моральным нормам», то «для сложного социума характерен эффект *временного дисхроноза*: в одном социальном пространстве сосуществуют люди, фактически живущие в разных *темпомирах*: моральные представления одних групп могут относиться к одному социальному времени, а других к другому»³⁵⁸. Поэтому есть мораль журналистов «Charlie Hebdo» и мораль их убийц; мораль создателей и сторонников современного искусства и мораль «истинных православных», атакующих современные выставки, спектакли, концерты; есть мораль толерантная и интолерантная, превратившая цивилизованное представление о терпимости к разным точкам зрения, в ругательство («толерасты»); есть мораль космополитическая (интернационалистская), отвечающая запросам современного мира (да и всех времен, вспомним признание К. Маркса: «Я гражданин мира и горжусь этим») и мораль «ура-патриотов»; есть мораль современного мира постмодерна и есть мораль В. Милонова, Е. Мизулиной, И. Яровой... Размывание границ между «нормальным» и «ненормальным» — непосредственный сюжет девиантологии.

— *Консьюмеризация* сознания и жизнедеятельности³⁵⁹. «Общество потребления» характеризуется криминальными и некриминальными, но негативными способами обогащения — от проституции до «тене-

uslug.html (дата обращения: 09.05.2016).

³⁵⁸ Кравченко С.А. Сложное общество: необходимость переоткрытия морали. В: Проблемы теоретической социологии. Вып. 8. СПб: Скифия-Принт, 2011. С. 79–80.

³⁵⁹ Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012; Ильин В.И. Потребление как дискурс. СПб ГУ, 2008; Рошина Я.М. Социология потребления. М.: ГУ ВШЭ, 2007.

вой экономики». При этом провести четкую правовую границу между нелегальным предпринимательством и неформальной экономической деятельностью практически невозможно³⁶⁰.

«Все на продажу», «разве я этого не достойна?», жить «не хуже других» и т.п. лозунги, отражают массовое мировосприятие. Отсюда, ответ девушки—крупье одного из бывших петербургских казино на попытку устыдить ее за хищение: «Стыдно? Да я за деньги мать родную убью!». Отсюда, американская 11-летняя девочка, выставившая в интернете на продажу свою бабушку... Студенты, которым я об этом рассказал, задали один—единственный вопрос: — А по какой цене?

Вот некоторый итог анализа проблем общества постмодерна: «Мир одновременно выиграл от глобализации и не смог справиться с осложнениями, вызванными усиленной интеграцией наших обществ, наших экономик и инфраструктурой современной жизни. В результате этого мы оказались под угрозой системных рисков, которые выходят за пределы границ отдельных государств. Эти угрозы перетекают через национальные границы государств и нарушают традиционное разделение между отраслями промышленности и организациями. Объединенная финансовая система приводит к распространению экономических кризисов. Международные авиационные перевозки приводят к распространению пандемий. Связанные друг с другом компьютеры создают обширные «охотничьи угодья» для киберпреступников. Ближневосточный джихад использует Интернет для привлечения новых участников в лице молодых европейцев. Рост уровня жизни привел к увеличению выброса в атмосферу парниковых газов, что, в свою очередь, ускоряет изменение климата...

Все большее количество граждан в Европе, Северной Америке и на Ближнем Востоке обвиняет глобализацию в безработице, растущем социальном неравенстве, пандемиях и терроризме. В связи с вышеуказанными рисками они считают увеличивающуюся интеграцию, открытость и инновации в значительной степени угрозой, а не возможностью. Это создает порочный круг...

В противодействии таким опасностям, как Исламское государство, Эбола, финансовый кризис, изменение климата или растущее неравенство, необходимо перебороть краткосрочную политическую целесообразность, в противном случае об этом придется пожалеть всему миру»³⁶¹.

³⁶⁰ См.: Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России. Теория — анализ — модели. М.: РГГУ, 2008.

³⁶¹ Голдин Я. Глобальные решения проблем, вызванных глобализацией // URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/globalization-and-managing-systemic-risk>

Экономика постмодерна

Идеальный капитализм невозможен так же, как и идеальный социализм, и ровно по той же причине — из-за несовершенства человеческой природы.
Г. Садулаев

Развитие экономики — движущая сила общественного развития, приводящая к смене эпох и общественно-экономических формаций. Развитие экономики (в широком смысле) привело к последовательной смене: первобытный строй — рабовладение — феодализм — капитализм/социализм — «постиндустриальный капитализм»... И постмодерн выступает культурным знаком новой стадии в истории господствующего способа производства³⁶².

Но экономика — и отражение (выражение) потребностей человека «жить лучше», «иметь больше». Не случайно миропорядок в значительной мере зависит от степени *реактивности* общества (А. Etzioni), т.е. способности удовлетворять потребности населения. От степени реактивности общества, от степени обеспечения вертикальной мобильности, от сокращения степени экономического неравенства существенно зависят и тенденции преступности и иных видов девиантности. Свободный, обогащенный знаниями и умениями, не ограниченный в своих начинаниях мелочными запретами и «исключенностью» из активной экономической, политической, культурной жизни, — индивид если и будет «отклоняться» от господствующих норм, то скорее в позитивную сторону — техническое, научное, художественное творчество³⁶³. К сожалению, экономика постмодерна далеко не однозначно способствует столь идеальному образу.

Все основательнее вырисовываются два лица свободной экономики, свободных рыночных отношений³⁶⁴.

С одной стороны — безусловный рост экономики; повышение уровня жизни и расширение возможностей «включенных» жителей развитых стран Европы и Северной Америки, Австралии и Юго-Восточной Азии; фантастическое развитие техники и новейших технологий.

by-ian-goldin-2014-11/russian (дата обращения: 30.11.2015).

³⁶² Андерсон П. Истоки постмодерна. С. 74.

³⁶³ Творчество как позитивная девиантность / ред. Я. Гилинский, Н. Исаев. СПб: Алеф-Пресс, 2014.

³⁶⁴ Гилинский Я.И. Два лица свободной экономики. В: Экономическая свобода и государство: друзья или враги. СПб: Леонтьевский центр, 2012. С. 58–75.

С другой стороны — растущее социальное и экономическое неравенство; экономические преступления; формирование организованной преступности как криминального предпринимательства; все возрастающий удельный вес теневой («серой», «неформальной», «второй», «скрытой», «подпольной») экономики; растущее недовольство большинства населения господствующим (в политике и экономике) меньшинством и др.

«Глобальный олигархический капитализм — наиболее распространенная социально-экономическая система в современном мире, начиная с последней трети XX в. В ее основе всегда лежит глобализация, а необходимым ее условием является свободная внешняя торговля, которая, по определению И. Валлерстайна, служит «максимизации краткосрочной прибыли классом торговцев и финансистов», то есть классом олигархии. Эта система вначале, как правило, приводила к товарному изобилию и кажущемуся процветанию общества. Но побочным эффектом всегда становился разгул товарных спекуляций, за счет которых обогащалась и приобретала все большую силу олигархия, захватывая власть над обществом. Все эти явления вызывали рост коррупции в обществе, падение нравов, обнищание населения и прочие явления, приводившие к кризису. Таким образом, глобальный олигархический капитализм всегда неизбежно приводил к кризису, и в ряде случаев имел следствием разрушение государств и крах цивилизаций, в которых установилась эта социально-экономическая система»³⁶⁵.

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли³⁶⁶. В другой работе он приходит к убеждению, что *капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис*³⁶⁷.

Одним из системообразующих факторов современного общества является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 1960-х годов как харак-

³⁶⁵ Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. Интернет-версия. 2010 URL: http://www.yuri-kuzovkov.ru/second_book/ (дата обращения 28.01.2013). С. 761.

³⁶⁶ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

³⁶⁷ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // *International Sociology*. 2000. Vol. 15, N 3.

теристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими³⁶⁸. Работа Рене Ленуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей³⁶⁹. Исключение происходит постепенно, путем накопления трудностей, разрыва социальных связей, дисквалификации, кризиса идентичности. Появление «новой бедности» обусловлено тем, что «рост благосостояния не элиминирует униженное положение некоторых социальных статусов и возросшую зависимость семей с низким доходом от служб социальной помощи. Чувство потери места в обществе может, в конечном счете, породить такую же, если не большую, неудовлетворенность, что и традиционные формы бедности»³⁷⁰.

Процессы глобализации конца XX века — начала XXI века лишь обострили проблему принципиального и устойчивого (более того, увеличивающегося) экономического и социального неравенства как стран, так и различных страт, групп («классов») внутри них. По данным швейцарского банка *Credit Suisse*, в 2015 г. впервые в истории человечества 1% населения Земли стал владеть 50% всех богатств, а в 2016 г. 1% населения будет владеть 52% богатств (в России 1% населения владеет 71% национальных богатств).

Глобализация — объективный процесс, влекущий — как все на свете — как позитивные, так и негативные последствия. Процесс «inclusion/exclusion» приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего XX века: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего. — Я.Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра; ... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок

³⁶⁸ Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: современная французская социология. 1999.

³⁶⁹ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

³⁷⁰ Погам С. Исключение... 1999. С. 147.

и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние»³⁷¹.

Н. Луман называет два принципиальных следствия развития современного капитализма. Во-первых, «невозможность для мировой хозяйственной системы справиться с проблемой справедливого распределения достигнутого благосостояния»³⁷². С проблемой, когда «включенные» имеют почти всё, а «исключенные» — почти ничего. И, соответственно, во-вторых, «как индивид, использующий пустое пространство, оставляемое ему обществом, может обрести осмысленное и удовлетворяющее публично провозглашаемым запросам отношение к самому себе».

Об этом же пишет Р. Купер: «Страны современного мира можно разделить на две группы. Государства, входящие в одну из них, участвуют в мировой экономике, и в результате имеют доступ к глобальному рынку капитала и передовым технологиям. К другой группе относятся те, кто, не присоединяясь к процессу глобализации, не только обрекают себя на отсталое существование в относительной бедности, но рискуют потерпеть абсолютный крах». При этом «если стране не удастся стать частью мировой экономики, то чаще всего за этим кроется неспособность ее правительства выработать разумную экономическую политику, повысить уровень образования и здравоохранения, но, самое главное, — отсутствие правового государства»³⁷³.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации активно обсуждается З. Бауманом. С его точки зрения, исключенные фактически оказываются «человеческими отходами (отбросами)» (*wasted life*), не нужными современному обществу. Это — длительное время безработные, мигранты, беженцы и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»³⁷⁴. И в условиях глобализации, беспримерной поляризации на «суперкласс» и «человеческие отходы», последние становятся «отходами навсегда».

³⁷¹ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998.

³⁷² Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. С. 234.

³⁷³ Купер Р. Россия, Запад и глобальная цивилизация. В: Россия и Запад в новом тысячелетии: Между глобализацией и внутренней политикой. М.: George C. Marshall, European Center for Security Studies, 2003. С. 30–31.

³⁷⁴ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004, pp. 5–7.

Между тем, именно «исключенные» составляют основную социальную базу всех проявлений девиантного поведения: от преступлений, проституции, наркотизма до... творчества. Так, по данным МВД РФ, лица без постоянного источника доходов (исключенные!), составили в 2015 г. 66,5% всех лиц, выявленных в совершении преступлений³⁷⁵. А среди совершивших убийства, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью, их доля возростала до 72–75%. Что же касается творчества, то «Любое творчество — всегда преступление, конечно, не в юридическом смысле этого слова»³⁷⁶. Творчество — всегда *отклонение* от стандартов поведения.

Особенно задуматься над «прекрасным новым миром» заставляют труды С. Жижека. В «Размышлениях в красном цвете» (явный намек на коммунистическую доктрину), С. Жижек демонстрирует фактически заверченный раскол мира на два полюса: «новый глобальный класс» — замкнутый круг «включенных», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир для решения своей герменевтической проблемы»³⁷⁷ и — большинство «исключенных», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан».

С. Жижек называет несколько антагонизмов современного общества. При этом «противостояние исключенных и включенных является ключевым»³⁷⁸. В другой своей работе, посвященной насилию, С. Жижек утверждает: «В этой оппозиции между теми, кто "внутри", последними людьми, живущими в стерильных закрытых сообществах, и теми, кто "снаружи", постепенно растворяются старые добрые средние классы»³⁷⁹. Происходит раскол общества на две неравные части: «включенное» меньшинство и «исключенное» большинство. При этом оба мира неразрывно связаны между собой. Точно так же, как «пороки» капиталистических отношений с их «достоинствами». Поэтому (и не только) — «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет»³⁸⁰. В результате автором предлагается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли»³⁸¹.

³⁷⁵ Состояние преступности, январь–декабрь 2015 года // URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/> (дата обращения: 25.04.2016).

³⁷⁶ Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. М.: Наука, 1982. С. 249.

³⁷⁷ Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011. С. 6.

³⁷⁸ Там же. С. 342.

³⁷⁹ Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. С. 27.

³⁸⁰ Там же. С. 21.

³⁸¹ Там же. С. 8.

Двуликость свободной экономики, особенно в российских условиях, начинает все больше осознаваться отечественными учеными, журналистами, вообще мыслящими людьми. «Рабство якобы отменено, а на самом деле присутствует в нашей жизни в полной мере. Только на место личной зависимости встала зависимость экономическая или социальная... Из шести миллиардов людей, живущих сегодня на планете, лишь самое малое меньшинство имеет право на индивидуальность... Остальные превращены в безликую массу, которая используется в экономике, как мясной фарш в кулинарии... Родившийся рабом, на всю жизнь остается рабом промышленности, которая забирает его тело взамен на уголь или кирпич; родившийся среди серых заборов и фабричных корпусов навсегда остается в этом пейзаже, как раб... Различие между реальным социализмом и реальным капитализмом меньше их основного сходства в отношении к человеку как к рабу на промышленной плантации... Управляющему меньшинству принадлежат не только деньги и не только собственность, но и свобода... Колесо социального прогресса застряло в исторической грязи. Оно крутится на месте... Рабство остается рабством, даже если рабы ездят на работу в собственных автомобилях и отдыхают в Египте в отелях *all inclusive*»³⁸².

Политика постмодерна

В нашем мире немного
простых и незыблемых истин:
Кони любят овес.
Сахар бел.
Государство — твой враг.
Ю. Нестеренко

Политика, прежде всего, есть деятельность органов государственной власти и государственного управления, направленная на решение проблем и задач конкретного общества. Однако, как известно, «политика — грязное дело». И это не удивительно, поскольку «политику нередко применяют не для управления в достижении задекларированных программных целей, а для манипуляции, политиканства, злоупотребляя сложной иерархией элит и подменой на псевдоэлиты (коррупция, семей-

³⁸² Поликовский А. Рабы эпохи хай-тек // Новая Газета. 16.01.2012.

ственность, ОПГ)»³⁸³. Как одно из следствий: «Слабость государственных и социо-экономических бюрократий: они душат контролируемые ими системы или подсистемы и задыхаются вместе с ними»³⁸⁴. За примерами далеко ходить не надо. Современная российская бюрократия душит все институты: медицину, науку, образование, бизнес, культуру.

Интересно, как сама власть регулирует противоправность самое себя и — подвластного населения. Во всех странах законодательные органы, как представители власти, не стесняются криминализировать деяния, опасные для власти. Так, в главе 29 Уголовного Кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за такие деяния, как государственная измена, шпионаж, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, вооруженный мятеж, диверсия, организация экстремистского сообщества, организация деятельности экстремистской организации, разглашение государственной тайны и др. Кроме того, и в других главах УК РФ криминализированы деяния, представляющие опасность для власти или ее представителей (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем — ст. 208 УК, массовые беспорядки — ст. 212 УК, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование — ст. 295 УК, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа — ст. 317 УК, применение насилия в отношении представителя власти — ст. 318 УК, оскорбление представителя власти — ст. 319 УК и др.).

Во всех этих случаях власть и ее представители выступают потенциальным объектом возможных посягательств, расцениваемых как преступления. При этом законодатель нередко «перестраховывается». Характерный пример — криминализация таких действий, как «неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (ст. 212–1 УК), «публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» (ст. 280–1 УК). Неопределенность этих и некоторых других составов преступлений предполагает возможность их расширительного толкования и применения...

Намного скромнее криминализируются деяния, субъектом которых является власть и ее представители. Фактически это ограничива-

³⁸³ Политика // Википедия URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 23.03.2015).

³⁸⁴ Лиотар Ж.—Ф. Состояние постмодерна. С. 134.

ется такими составами, как планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны (ст. 353 УК), разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения (ст. 355 УК), применение запрещенных средств и методов ведения войны (ст. 356 УК), геноцид и экоцид (ст. ст. 357, 358 УК). Но где и когда эти положения уголовного закона применялись в отношении *действующей* власти? Кто из руководства гитлеровской Германии ответил за совершенные преступления до поражения во Второй мировой войне? Кто из советского руководства ответил за агрессию против Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, за геноцид собственного народа? Разумеется — никто (расстрел под надуманным предлогом «шпиона» Л. Берия не является актом правосудия). Ибо политическое руководство страны «всегда ставило себя выше закона»³⁸⁵. Подобные примеры из истории многих стран можно продолжать до бесконечности...

Вместе с тем, ничего удивительного в этом нет. Не надо забывать, что преступность и преступления суть *социальные конструкты*, которые конструируются («изобретаются»), формулируются, принимаются в виде законодательных актов) властью, законодателем, учитывающим «общественное мнение» лишь тогда, когда это выгодно самой власти, конкретнее — политическому режиму³⁸⁶. При этом под политическим режимом понимается *реальный механизм* функционирования власти, независимо от формы правления. Так, тоталитарный режим может быть при вполне «демократической» *de jure* форме правления («демократическая республика»). Политический режим характеризует всю систему политической организации общества, а не только государственную власть. Важно, что политический режим, независимо от формы организации государственной власти, определяет, в конечном счете, политическую жизнь страны, *реальные* права и свободы граждан (или же их юридическое или фактическое бесправие), терпимость или нетерпимость к различного рода «отклонениям» (потребление алкоголя или наркотиков, занятие проституцией, легальность нетрадиционных сексуальных отношений и т.п.).

Не удивительно, что в эпоху постмодерна множатся идеи о едином планетарном государстве, едином планетарном правительстве.

³⁸⁵ Кудрявцев В.Н., Трусов А.И. Политическая юстиция в СССР. 2-е изд. СПб: Юридический центр Пресс, 2002. С. 359. См. также: Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М.: РОССПЭН, 2008.

³⁸⁶ Гилинский Я.И. Девиантность, социальный контроль и политический режим. В: Политический режим и преступность. СПб: Юридический центр Пресс, 2001. С. 39–65.

Но помимо нереалистичности этих проектов на современном этапе, наряду с проектами единого государства и правительства, звучит тревога о том, что они будут представлять интересы лишь мировой олигархической верхушки опять же в ущерб не только сегодняшним «исключенным», но и значительной части «включенных» — современному Middle Class.

Но если сегодняшние дискуссии о планетарном государстве и планетарном правительстве несколько преждевременны, то политика изоляционизма в условиях глобализации есть ошибка, которая хуже преступления... Глобализация может нравиться или не нравиться, но это *факт*, с которым бессмысленно и губительно не считаться.

Протестная реакция населения по отношению к вершителям власти хорошо известна во все времена и у всех народов. Восстания, мятежи, революции, забастовки, митинги, шествия и т.п. Для общества постмодерна, характерны, помимо прочих, две «противоположные» формы протеста: *терроризм* и «*перформансы*». Если терроризм — крайнее, чрезвычайно опасное и преступное выражение протеста³⁸⁷, то различного рода перформансы, флешмобы — интеллектуально-художественная протестная реакция. «Разве не постмодернистская политика сопротивления пропиталась эстетическими феноменами — от пирсинга и трансвестизма до публичных спектаклей? Не символизирует ли курьезный феномен «флешмоба» в чистейшем виде эстетико-политический протест, сведенный к его минимальным рамкам?»³⁸⁸. С нашей точки зрения, все это — проявления творчества как *позитивной девиантности*. Современные российские примеры: действия Pussy Riot, группы «Война», акции художника Петра Павленского. И очень жаль, что эти протестные действия в «минимальных рамках» влекут реакцию государства в «максимальных рамках» (включая осуждение участниц Pussy Riot к реальному лишению свободы при отсутствии в их действиях состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, и уголовное преследование П. Павленского)...

³⁸⁷ Позицию автора см.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. СПб: Алеф-Пресс, 2014. С. 280–287; Gilinskiy Y. Modern Terrorism: Who is to Blame and What can be done?. In: Gilly T., Gilinskiy Y., Sergevin V. (Eds.) The Ethics of Terrorism. Springfield Ill.: Charles C Thomas Publisher, Ltd, 2009, pp. 168–173.

³⁸⁸ Жижек С. Размышления в красном цвете. С. 285.

Немного психологии

Истерия — общее
состояние постмодерна.
Ф. Джеймисон

Непривычные для людей модерна процессы глобализации, виртуализации, массовой миграции, фрагментаризации, всеобщей конъюмеризации, «ускорения времени» («мы брошены во время, в котором все временно. Новые технологии меняют наши жизни каждый день»³⁸⁹) неизбежно приводят к массовому изменению психики, психологической растерянности, непониманию мира постмодерна и неумению в нем осваиваться. Ф. Джеймисон, один из теоретиков постмодерна, пишет: «Психическая жизнь становится хаотичной и судорожной, подверженной внезапным перепадам настроения, несколько напоминающим шизофреническую расщепленность»³⁹⁰.

Это особенно болезненно проявляется в России и тех странах, чье развитие существенно замедленно (а то и регрессивно) по сравнению с условными «западными» странами, к числу коих сегодня относятся и «азиатская» Япония. Не осознавая реальности новелл постмодерна, население России находится в состоянии «психологического кризиса». Ситуация в России усугубляется политикой неототалитарного режима³⁹¹.

Психологический кризис сопровождается вспышками немотивированной агрессии, взаимной ненависти, «преступлениями ненависти» (hate crimes), актами внешне необоснованного уничтожения десятков и сотен людей ценой собственной жизни (второй пилот аэробуса А-320 Андреас Лубитц) или длительного тюремного заключения («норвежский стрелок» Андерс Брейвик). Это — помимо терроризма, политическая (идеологическая, религиозная) мотивировка которого очевидна.

Насилие присуще роду человеческому³⁹². Каждому этапу эволюции рода *Homo Sapiens* свойственны свои особенности (человеческие жертвоприношения, сожжение еретиков и «ведьм», мировые

³⁸⁹ Gray J. *Straw Dogs*. NY.: Farrar, Strauss & Giroux, 2007, p. 110.

³⁹⁰ Цит. по: Андерсон П. Истоки постмодерна. С. 76.

³⁹¹ Пастухов В. Происхождение «семьи», «нечестной собственности» и «неототалитарного государства» // Новая газета, 14.03.2015.

³⁹² Гилинский Я. Социальное насилие. СПб: Алеф-Пресс, 2013; Денисов В.В. Социология насилия. М.: Политиздат, 1975; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М.: РОССПЭН, 2000; Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010 и др.

войны и т.п.). Постмодернистский вариант насилия также нашел отражение в литературе³⁹³.

Основная проблема насилия эпохи постмодерна — наличие неограниченного количества оружия массового уничтожения, которое в случае неуправляемой (или слишком хорошо управляемой...) агрессии, способно уничтожить все человечество, а с ним и все живое на Земле. Вот почему одна из задач *вменяемых представителей Homo Sapiens* — распространение всеми возможными средствами идей *толерантности, ненасилия, утверждение в качестве высших ценностей — Жизни и Свободы Каждого жителя планеты*. Само существование человечества и жизни на Земле зависит от успешности/неуспешности этой миссии. Но поскольку «Способ нашего выживания зависит от зрелости нашего коллективного разума»³⁹⁴, автор не питает особых надежд по поводу возможности выживания...

Девиантность в мире постмодерна

Феномен девиации — интегральное
будущее общества.
P. Higgins, R. Butler

Совершенно очевидно, что все проявления девиантности, как негативной (преступность, пьянство, наркотизм, проституция, коррупция, суицидальное поведение и др.), так и позитивной (техническое, научное, художественное творчество и др.), приобретают новые качественные и количественные характеристики, отличные от привычного мира модерна (вторая половина XIX в. — первая половина XX в.). Другое дело, что процесс освоения, изучения, понимания *девиантности в мире постмодерна* только начинается и требует солидных международных компаративистских исследований.

Одна из характерных особенностей постмодерна — стирание границ между дозволенным/недозволенным, нормальным/девиантным, разрешенным/запрещенным. Проституция в сфере сексуальных услуг — девиантность или бизнес, трудовая деятельность? Наркопотребление —

³⁹³ Ениколопов С.Н. Психологические аспекты зла // Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна. СПб: Алеф-Пресс, 2014. С. 105–110; Жижек С. О насилии; Zimbardo F. *The Lucifer effect. Understanding How Good People Turn Evil*. NY, Random House, 2007; и др.

³⁹⁴ Жижек С. Размышления в красном цвете. С. 295.

девиантность или, наряду с алкоголем, удовлетворение потребности снять напряжение, утолить боль? Где грань между «порнографией» и литературой (Дж. Джойс, Г. Миллер), искусством, Modern Art?

Общая тенденция, заслуживающая всяческой поддержки, — минимизация запретов, расширение степеней свободы. «Разрешено все, что не запрещено!». А запрещать надо только действительно, объективно (а не по идеологическим, политическим, религиозным соображениям) опасные деяния.

Излишняя криминализация «аморальных» поступков, гражданско-правовых деликтов, «преступлений без жертв» (потребление алкоголя, наркотиков, занятие проституцией, производство аборт и т.п.)³⁹⁵ известна большинству стран. Особенно дико проявляется это в современной России, в законотворческой деятельности Государственной Думы — «взбесившегося принтера». Криминализация оскорбления религиозных чувств верующих (п. 1 ст. 148 УК), розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151–1 УК), уничтожения или повреждения имущества *по неосторожности* (ст. 168 УК), неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212–1 УК), недопустимое в уголовном праве протаскивание аналогии (ст. ст. 228, 228–1, 229–1, 230, 232 УК), большинство составов преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22 УК РФ) и др. превращают всех граждан Российской Федерации в преступников, противодействуют предпринимательской деятельности.

Назовем некоторые самые общие характеристики девиантных проявлений в обществе постмодерна³⁹⁶.

Преступность

Подробный авторский анализ изложен в ряде работ³⁹⁷. Напомним лишь, что всеобщая *глобализация* порождает глобализацию некоторых видов преступности и, прежде всего, *организованной* преступности. Торговля наркотиками, людьми, человеческими органами, оружием носит международный характер. Глобализация экономики сопровождается интернациональным характером *экономических* преступлений.

³⁹⁵ Schur E. Crimes Without Victims. — Englewood Cliffs, 1965.

³⁹⁶ Подробнее все это изложено в упомянутых работах: Гилинский Я.И. 1) Криминология (2014); 2) Девиантология (2013).

³⁹⁷ Гилинский Я.И. Криминология (2014); Гилинский Я. Очерки по криминологии. СПб: Алеф-Пресс, 2015; и др.

Коррупция нередко носит также межгосударственный характер (бизнесмен государства X дает взятку министру государства Y за предоставление выгодного контракта, сотрудник посольства государства Z выступает в качестве посредника). Бесспорно, глобальным является бич эпохи постмодерна — *терроризм*.

Виртуализация, как уже отмечалось, порождает киберпреступность и кибердевиантность³⁹⁸.

На сегодняшнем этапе общества постмодерна уход подростков и молодежи в виртуальный мир неоднозначно сказывается на динамике и структуре *преступности*. Так, с конца 1990-х — начала 2000-х годов во всем мире сокращается уровень (в расчете на 100 тыс. населения) преступности и ее основных видов (убийство, изнасилование, кражи, грабежи, разбойные нападения). Уровень убийств сократился к 2013 г. в Австралии с 1,8 в 1999 г. до 1,1; в Аргентине с 9,2 в 2002 г. до 5,5; в Германии с 1,2 в 2002 г. до 0,8; в Израиле с 3,6 в 2002 г. до 1,8; в Колумбии с 70,2 в 2002 г. до 30,8; в США с 6,2 в 1998 г. до 4,7; в Швейцарии с 1,2 в 2002 г. до 0,6; в Южной Африке с 57,7 в 1998 г. до 30,9; в Японии с 0,6 в 1998 г. до 0,3. В России к 2014 г. уровень преступности снизился с 2700,7 в 2006 г. до 1500,4; уровень убийств с 23,1 в 2001 г. до 8,2; уровень грабежей с 242,2 в 2005 г. до 53,2; уровень разбойных нападений с 44,8 в 2005 г. до 9,8. Одно из объяснений этой общемировой тенденции: уход подростков и молодежи — основных субъектов «уличной преступности» — в виртуальный мир. В интернете они встречаются, дружат, любят друг друга, ссорятся, «убивают» («стрелялки»), вскрывают чужие сейфы... Иначе говоря — *удовлетворяют неизбывную потребность в самоутверждении, самореализации*. Взрослые негативно оценивают компьютерные «стрелялки», между тем, Университеты в Вилланове и Рутгерсе опубликовали результаты своих исследований связи между преступлениями и видеоиграми в США. Исследователи пришли к выводу, что *во время пика продаж видеоигр количество преступлений существенно снижается*. «Различные измерения использования видеоигр прямо сказываются на снижении таких преступлений, как убийства» (Patrick Markey)³⁹⁹.

Происходит изменение структуры преступности: сокращение доли насильственных преступлений и увеличение доли корыстных преступ-

³⁹⁸ Humphrey J. Deviant Behavior. Prentice Hall, 2006. Ch. 13. Cyberdeviance, pp. 272–295.

³⁹⁹ Ученые: крупные релизы игр снижают количество преступлений // URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1430916/> (дата обращения: 04.04.2015).

лений («гуманизация преступности», по В. Лунееву) и «переструктуризация» преступности, когда преступления традиционные теснятся высоко латентной киберпреступностью.

Алкоголизация населения

Пьянство — старинное российское зло — в обществе постмодерна, с одной стороны, стало массовым средством «утешения» «исключенных», а, с другой стороны, символом достатка и моды «включенных» («престижное потребление»): от немецкого или чешского пива до французского коньяка и шотландского виски. Россия занимает первое место в мире по душевому потреблению алкоголя (по разным источникам — от 16 до 18 л абсолютного алкоголя). Неблагоприятна и структура потребляемого алкоголя: крепкие спиртные напитки (водка, самогон) вместо вина, предпочитаемого в винодельческих странах (Франция, Италия, Испания, Португалия).

Наркотизм

Другим, распространенным среди молодежи, средством «утешения» для исключенных, неудачников, служат наркотические средства и психотропные вещества. Вообще «антисоциальное поведение приобретает значительные масштабы только тогда, когда система культурных ценностей превозносит, фактически превыше всего, определенные символы успеха, общие для населения в целом, в то время как социальная структура общества жестко ограничивает или полностью устраняет доступ к апробированным средствам овладения этими символами для большей части того же самого населения»⁴⁰⁰.

Согласно принципу «двойной неудачи» Р. Мертона, лица, не сумевшие удовлетворить потребность в самоутверждении, самореализации путем творчества (первая неудача) и в результате преступлений (вторая неудача), уходят в алкоголь, наркотики или из жизни (суицид). Не удивительно, что для массы исключенных в обществе постмодерна, обществе все возрастающего социально-экономического неравенства, «уход» в наркотики вполне закономерен. В России ситуация обостряется в силу крайне неудачной антинаркотической политики, когда медицинские, психологические, педагогические меры заменяются уголовно-репрессивными. Так, запрет заместительной терапии, легализованной в Европе, приводит к тысячам жертв.

⁴⁰⁰ Мертон Р. Социальная структура и аномия. В: Социология преступности. М.: Наука, 1996. С. 310.

Проституция

Глобальный и распространенный характер приобретает также *проституция*. Это обусловлено символами общества потребления — деньги, богатство, достичь которые — удел немногих из числа «включенных». Кроме того, торговля людьми и, прежде всего, «белыми рабынями», проститутками — один из прибыльных видов деятельности организованной преступности. Объем мировой торговли женщинами оценивается в 12–15 миллиардов долларов год. Распространена и детская проституция, причем родители-алкоголики могут продать ребенка за пол-литра водки.

Но в современном обществе растет не только проституция, как предоставление возмездных сексуальных услуг, но и проституирование, продажность политиков, журналистов, писателей, спортсменов, деятелей науки и искусств.

Самоубийство

Самоубийство служит крайним проявлением неудовлетворенности жизнью. Добровольный уход из жизни людей, не страдающих тяжелым неизлечимым недугом или психическими расстройствами, свидетельствует о социальном неблагополучии. Россия занимает одно из первых мест в мире по уровню (в расчете на 100 тысяч человек) самоубийств и первое место по уровню самоубийств подростков и молодежи.

Социальный контроль в мире постмодерна

Следует отказаться от надежд,
связанных с иллюзией контроля.
Никлас Луман

Социальный контроль — механизм самоорганизации (саморегуляции) и самосохранения общества путем установления и поддержания в обществе нормативного порядка и устранения, сокращения нормонарушающего (девиантного) поведения. Двумя основными составляющими социального контроля являются наказание и профилактика (превенция).

Общая историческая тенденция социального контроля: (1) сокращение числа деяний, запрещаемых под страхом уголовного наказания или административных санкций; (2) либерализация средств и методов наказания (от квалифицированных видов смертной казни к «простой» смертной казни и далее к ее запрету, сокращение применения лише-

ния свободы и ее замена альтернативными мерами наказания); 3) приоритет превенции⁴⁰¹.

Существенные новеллы стратегии, мер и средств социального контроля происходят и будут происходить в мире постмодерна. Прежде всего — повсеместный категорический *отказ от смертной казни*, как преступления, убийства. С обоснованной критикой смертной казни мы встречаемся, начиная с Ч. Беккариа («О преступлениях и наказаниях», 1764). Вся отечественная профессура до 1917 г. выступала против смертной казни. По словам М.Н. Гернета, смертная казнь — это «институт легального убийства». В 1993 г. на специальном заседании Европарламента рассматривался вопрос об отмене смертной казни во всем мире к 2000 году⁴⁰². К сожалению, это благое пожелание не было реализовано, но постепенно расширяется круг государств, отменивших смертную казнь⁴⁰³.

Начало постмодерна (1970–е — 1980–е годы) совпало с пониманием «кризиса наказания», неэффективности его традиционных форм и, прежде всего, лишения свободы⁴⁰⁴. Как писал М. Фуко: «Известны все недостатки тюрьмы. Известно, что она опасна, если не бесполезна. И все же никто «не видит» чем ее заменить. Она — отвратительное решение, без которого, видимо, не обойтись»⁴⁰⁵. Тюрьма еще никогда никого не исправляла. А вот искалечить (нравственно, психически и физически), повысить криминальную профессионализацию — да.

Неэффективность наказания, «вредоносность» лишения свободы понимают и отечественные ученые. А.Э. Жалинский, один из блестящих российских исследователей, писал: «Действующая в современных условиях система уголовного права, очевидно, не способна реализо-

⁴⁰¹ Авторская позиция изложена в: Гилинский Я.И. Криминология... (2014), с. 446–524; Гилинский Я. Девиантология... (2013), с. 506–569 и в ряде статей.

⁴⁰² Автору этих строк, наряду с А. Приставкиным, довелось участвовать в этом заседании. Я говорил: «Смертная казнь — это не форма наказания, а средство мести, которое может быть одобрено с точки зрения жертвы, но не государства... У государства не должно быть права на убийство — ни по законному приговору, ни в ходе войны... Никто не может относиться к жизни как к абсолютной ценности, пока не отменена смертная казнь...» («Hands of Cain», 10.01.1994).

⁴⁰³ Кваши В.Е. Смертная казнь: мировые тенденции, проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2008; Лепешкина О.И. Смертная казнь: опыт комплексного исследования. СПб: Алетей, 2010; Hood R. The Death Penalty. A World-wide Perspective. Oxford: Clarendon Press, 1996.

⁴⁰⁴ Mathisen T. The Politics of Abolition. Essays in Political action Theory // Scandinavian Studies in Criminology. Oslo–London, 1974; Rotwax H. Guilty: The Collapse of Criminal Justice. NY: Random House, 1996.

⁴⁰⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 339.

вать декларируемые цели, что во многих странах откровенно определяется как кризис уголовной юстиции... Наказание — это очевидный расход и неявная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения»⁴⁰⁶. Неэффективности лишения свободы посвящен ряд исследований отечественных авторов⁴⁰⁷.

Сегодня криминологическое сообщество крайне обеспокоено «кризисом наказания» и его неэффективностью. От 35% до 45% всех выступлений на ежегодных конференциях Европейского общества кримиологов (ESC) и мировых криминологических конгрессах посвящены этим проблемам. Не удивительно, что в эпоху постмодерна выдвигается предложение об отмене уголовного права, как несовместимого с правами человека и гражданина⁴⁰⁸.

Пока же это не произошло, необходимо постоянно совершенствовать уголовное законодательство и правоприменение по пути декриминализации незначительных по тяжести деяний; безусловного исключения смертной казни из перечня наказаний; сокращения оснований и сроков лишения свободы (при назначении наказания в виде лишения свободы нельзя не учитывать «ускорение времени»: пять лет лишения свободы оборачиваются сегодня реальной десятилетним, а то и пятнадцатилетним «отставанием» от жизни на свободе); «очеловечивания», либерализации условий отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях; исключения пыток и иных методов воздействия на психику и физическую неприкосновенность человека⁴⁰⁹.

Приоритет превенции предполагает разработку мер профилактики на всех трех ее уровнях: первичном (общесоциальная профилактика), вторичном (специальная профилактика) и третичном (индивидуальная профилактика).

⁴⁰⁶ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ. 2–е изд. М.: Проспект, 2009. С. 31, 56, 68.

⁴⁰⁷ Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: ИНФРА-М, 2001; Ромашов Р., Тонков Е. Тюрьма как «град земной». СПб: Алетей, 2014.

⁴⁰⁸ Jescheck H.–N. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1988. S. 3.

⁴⁰⁹ Подробнее в: Гилинский Я.И. 1) Криминология. Указ. соч.; 2) Девиантология. Указ. соч.; 3) Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. № 7. 2013 / под ред. В.Ф. Щепелькова. СПб ГУ, 2013. С. 42–58.

Подростково–молодежная девиантность в обществе постмодерна⁴¹⁰

Преступниками вырастают дети, страдавшие не от дефицита наказания, а от дефицита любви.

Бенджамин Спок

Различные *негативные* проявления девиантности (преступность, пьянство, наркотизм, проституция, суицид) подростков и молодежи всегда вызывали беспокойство старших поколений. И это не удивительно: ведь за молодыми будущее страны. *Позитивная* девиантность (различные виды творчества — художественного, музыкального, технического, научного⁴¹¹) приветствуется, но как-то явно недооценивается взрослыми: посмотрим, что будет, когда вырастут... В современном обществе постмодерна все привычные социальные явления предстают в непривычном виде. Мы не научились оценивать происходящее в современном мире с позиций реальности *постмодерна*, пришедшего — с конца минувшего столетия — на смену Новому времени, модерну. Предпримем такую попытку в отношении подростково–молодежной девиантности.

Предварительно оговоримся: индивидуальные акты девиантного поведения (Иванов убил Петрова, Васильев потребляет наркотики, Павлова занимается проституцией) — предмет, прежде всего, *психологии*, проявления же девиантности как сложные *социальные явления* (преступность, наркотизм, терроризм, проституция) — предмет *социологии*, криминологии. Это не исключает взаимодействия научных дисциплин.

⁴¹⁰ Опубликовано в: Девиантное поведение подростков и молодежи: современные проблемы, тенденции, прогнозы. Материалы конференции / ред. Ю. Клейберг, К. Dartey. London: Academy of Education, 2016. С. 16–28.

⁴¹¹ Подробнее см.: Творчество как девиантность / ред. Я. Гилинский, Н. Исаев. СПб: Алеф-Пресс, 2015.

«Отцы и дети»

«Конфликт поколений» присущ не только новой истории. Старшие поколения всегда не довольны младшими, а те отвечают взаимностью. Подростково–молодежному возрасту присуща повышенная активность, проявляющаяся как в негативных (преступность, наркотизм, пьянство, сексуальные девиации), так и в позитивных (творчество) девиациях. Дети, подростки, молодые люди обладают высокой энергетикой, стремлением «открыть» или сделать что-то новое, ранее неизвестное, *самоутвердиться в инновационной деятельности*. Формы, методы самоутверждения далеко не всегда бывают законопослушными («комплекс Герострата»). В обществе постмодерна, когда резко возросла динамика происходящих изменений («ускорение времени»), этот разрыв поколений становится все глубже. Мир подростков мало доступен взрослым.

Между тем, взрослые, предъявляя повышенные требования к подрастающему поколению, сами нередко ведут себя не лучшим образом: детская безнадзорность, заброшенность, прямое насилие над детьми и подростками со стороны взрослых, включая их родителей, родственников, учителей⁴¹². Так, в 2013 году следственными органами Следственного комитета России были расследованы свыше 17 тыс. преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних (что на 3 тыс. больше чем в 2012 году). Из них 593 убийства, свыше 1,5 тыс. изнасилований и 4,5 тыс. насильственных действий сексуального характера. Потерпевшими от преступных посягательств признаны 208 детей, находящихся в детских домах и школах–интернатах⁴¹³. И это далеко не полный список преступлений против подростков. Справедливости ради следует заметить, что такая ситуация присуща многим государствам. Так, за последние десять лет более 20 тысяч американских детей погибли у себя дома, став жертвами родственников.

Состояние и динамика преступности несовершеннолетних

Поскольку преступность — наиболее опасное проявление девиантности, остановимся, прежде всего, на нем. Основные показатели состояния и динамики зарегистрированных преступлений несовершеннолетних в России представлены в Табл. 1.

⁴¹² См., например: Пудовочкин Ю.Е. Преступления против несовершеннолетних: криминологический анализ. Ростов–на–Дону, Ставрополь: Сервисшкола, 2004.

⁴¹³ СКР сообщает о росте преступлений, совершенных в отношении детей // URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/04/16/1257771.html> (дата обращения: 12.06.2016).

Таблица. 1

**Основные показатели преступности несовершеннолетних в РФ
(1990–2015)⁴¹⁴**

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Уровень (на 100 тыс. жителей в возрасте 14–17 лет)	Доля в общей преступности (в %%)
1990	162 718	1974,0	17,2
1991	173 375	2079,6	17,0
1992	199 291	2404,6	16,4
1993	225 740	2636,6	16,2
1994	221 649	2563,1	14,0
1995	209 777	2402,2	12,0
1996	202 935	2295,5	11,0
1997	182 798	2030,2	10,9
1998	189 293	2029,4	10,3
1999	208 313	2183,2	9,6
2000	195 426	2012,1	8,9
2001	185 379	1877,5	9,0
2002	139 681	1416,0	9,1
2003	145 368	1488,8	9,6
2004	154 414	1581,9	9,8
2005	154 734	1671,8	9,1
2006	150 264	1761,2	8,4
2007	139 099	1782,2	7,8
2008	116 090	1651,0	6,8
2009	94 720	1476,5	5,7
2010	78 548	1314,3	5,5
2011	71 910	1231,0	5,5
2012	64 270	1147,3	5,1
2013	67225	1238,3	5,4
2014	59 549	1124,6	5,0
2015	61 833	1284,0	4,9

Как видно, существует устойчивая тенденция сокращения всех показателей преступности несовершеннолетних с 1990–х годов.

⁴¹⁴ Ежегодники «Преступность и правонарушения. Статистический сборник». М.: МВД РФ, МЮ РФ).

К 2012–2013 гг. сократилась до минимума и доля преступлений несовершеннолетних или с их участием в общем количестве отдельных видов преступлений: убийств (с 7,9% в 2003 г. до 2,8%), причинения тяжкого вреда здоровью (с 9,7% в 2003 г. до 2,7%), изнасилований (с 32,6% в 1987 г. до 8,1%), краж (с 42,2% в 1989 г. до 11–12%), грабежей (с 38,7% в 1989 г. до 12,6%), разбойных нападений (с 21,7% в 1993 г. до 8,3%), преступлений, связанных с наркотиками (с 9,8% в 1989 г. до 2%). Это может отчасти объясняться правоприменительной практикой (повышенная латентность, более либеральное отношение к несовершеннолетним и т.п.), изменением демографической структуры населения, но важно другое: общая тенденция снижения объема и уровня преступности в России и во всем мире и особая «роль» подростков и молодежи в этом процессе.

С конца 1990–х — начала 2000–х годов происходит *сокращение* количества и уровня (на 100 тыс. населения) преступлений *во всем мире* — во всех странах Европы, Азии, Африки, Австралии, Северной и Южной Америки⁴¹⁵. Наиболее ярко это проявляется в динамике уровня убийств — как наиболее опасного и наименее латентного преступления. Уровень убийств сократился к 2013 г. в Австралии с 1,8 в 1999 г. до 1,1; в Аргентине с 9,2 в 2002 г. до 5,5; в Германии с 1,2 в 2002 г. до 0,8; в Израиле с 3,6 в 2002 г. до 1,8; в Колумбии с 70,2 в 2002 г. до 30,8; в США с 6,2 в 1998 г. до 4,7; в Швейцарии с 1,2 в 2002 г. до 0,6; в Южной Африке с 57,7 в 1998 г. до 30,9; в Японии с 0,6 в 1998 г. до 0,3. В России к 2014 г. уровень преступности снизился с 2700,7 в 2006 г. до 1500,4; уровень убийств с 23,1 в 2001 г. до 8,2; уровень грабежей с 242,2 в 2005 г. до 53,2; уровень разбойных нападений с 44,8 в 2005 г. до 9,8.

И перед мировой криминологией встал вопрос: чем объясняется это неожиданное общемировое сокращение объема и уровня преступности. Назову несколько гипотез, существующих в современной криминологии.

Во–первых, преступность, как сложное социальное явление, развивается по своим собственным законам, не очень оглядываясь на полицию и уголовную юстицию, и, как большинство социальных процессов, — волнообразно⁴¹⁶ (напомню, что с начала 1950–х — до конца 1990–х преступность росла во всем мире).

⁴¹⁵ Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) International Statistic on Crime and Justice. Helsinki, 2010.

⁴¹⁶ Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992.

Во-вторых, большую часть зарегистрированной преступности составляет «уличная преступность» (*street crime*) — преступления против жизни, здоровья, половой неприкосновенности, собственности. «Беловоротничковая преступность» (*white-collar crime*), будучи высоколатентной, занимает небольшую часть зарегистрированной преступности. А основные субъекты «уличной преступности» — *подростки и молодежь*, которые в последние десятилетия «ушли» в виртуальный мир интернета. Там они встречаются, любят, дружат, ненавидят, «убивают» (так называемые «стрелялки»), совершают мошеннические действия и т.п., удовлетворяя — осознанно или нет — *неизбывную потребность в самоутверждении, самореализации*.

Обычно взрослые негативно относятся к «стрелялкам», пытаются запретить их размещение в сети или же ограничить к ним доступ. Между тем университеты в Вилланове и Рутгерсе опубликовали результаты своих исследований связи между преступлениями и видеоиграми в США⁴¹⁷. Исследователи пришли к выводу, что во время пика продаж видеоигр количество преступлений существенно снижается. «Различные измерения использования видеоигр прямо сказываются на снижении таких преступлений, как убийств», — заявил Патрик Марки (Patrick Markey).

В-третьих, возможно, имеет место «переструктуризация» преступности, когда «обычную» преступность теснят малоизученные, высоколатентные преступления эпохи постмодерна, в частности, киберпреступность, основным субъектом которой также является молодежь.

Наконец, следует отметить, что подросткам и молодежи свойственно образование субкультур в мире взрослых. По классификации R. Cloward и L. Ohlin, различаются субкультуры ретретистская (например, наркотическая), конфликтная и криминальная⁴¹⁸. Для сегодняшнего мира характерны и экстремистские («правые» и «левые») группировки. Иногда «война» подобных группировок приобретает региональный криминальный характер («Чикагский феномен» 1920-х годов в США, «Казанский феномен» 1980-х годов в России). Именно в субкультурных образованиях формируются ксенофобские настроения, приводящие к «преступлениям ненависти».

⁴¹⁷ Как игры влияют на преступность // <http://hronika.info/igry/33627-kak-igry-vliyayut-na-prestupnost.html> (дата обращения: 27.11.2015).

⁴¹⁸ Клауорд Р., Оулин Л. Дифференциация субкультуры. В: Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 334–354.

Некоторые иные виды подростково–молодежной девиантности

Алкоголизация

Алкоголь, как и наркотики, сопровождают человечество всю его историю. В Древней Индии особой симпатией пользовался опьяняющий напиток — *сома*, считавшийся напитком богов. А древнеиндийская *сура* представляла собой прообраз рисовой водки.

Для России пьянство — старая и все обостряющаяся проблема. К 1992–1993 гг. Россия вышла на первое место в мире по душевому потреблению алкоголя: 13,9–14,5 л абсолютного (100%) алкоголя в год на одного жителя страны, обогнав традиционного лидера — Францию (13,0 л)⁴¹⁹. В настоящее время уровень алкопотребления еще выше. При этом *структура* потребления алкоголя в России самая неблагоприятная — водка и другие крепкие напитки, включая самогон. Страшные последствия массовой алкоголизации населения России, особенно жителей малых городов и сельской местности, связаны не только и не столько с давними традициями, сколько с тяжелейшими условиями бытия большинства населения в XX в., перешедшими в век XXI.

Злоупотребление алкоголем, как и другие формы ретретизма («ухода»), является, в конечном счете, следствием смыслоутраты или отсутствия смысла существования, «экзистенциального вакуума» (В. Франкл⁴²⁰), заполняемого алкоголем или наркотиками за отсутствием возможностей (или желания) найти более достойное средство (учеба, интересная работа, творчество, увлечение чем-либо).

Алкоголизм «молодеет». По данным общероссийского опроса молодежи, проведенного Минобразования России по репрезентативной выборке в 2002 г., алкогольные напитки (включая пиво) потребляют 80,8% подростков и молодежи. За десятилетие, с 1993 по 2003 гг., возраст активного приобщения к алкоголю снизился с 16 до 13 лет. По данным популяционного исследования подростков Санкт-Петербурга, имели опыт потребления алкоголя до 95% респондентов. Из их числа возраст первой пробы алкоголя составил: до 7 лет — 3,7%, 8–10 лет — 8,4%, 11–13 лет — 23%, 14–16 лет — 53,9%, 17–19 лет — 10,9%⁴²¹.

⁴¹⁹ Немцов А.В. Алкогольная ситуация в России. М., 1995. С. 14,70; Он же. Алкогольный урон регионов России. М., 2003. С. 101.

⁴²⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

⁴²¹ Гилинский Я., Гурвич И., Русакова М. и др. Девиантность подростков: Теория, методология, эмпирическая реальность. СПб, 2001. С. 65.

Между тем, ранняя алкоголизация особенно опасна: воздействие алкоголя на молодой организм приводит к более тяжелым медицинским и социальным последствиям; резко сокращаются сроки перерастания пьянства в алкоголизм (известен случай пивного алкоголизма у 6-летнего мальчика, которого отец брал с собой пить пиво и давал «попробовать» сыну); повышается вероятность криминального поведения; увеличивается риск рождения детей с физическими и психическими аномалиями у лиц, рано приобщившихся к алкоголю.

Наркотизм

Наркотизм по преимуществу молодежная проблема. И это понятно. Так же, как уход в алкоголь, в наркотики (или из жизни — суицид) — это результат «двойной неудачи», по Р. Мертону: не получилось самоутвердиться в полезной, творческой деятельности (первая неудача) и не удалось в негативной, осуждаемой обществом деятельности — вторая неудача. И как следствие — ретретистское поведение, «уход». Распространению вредных последствий наркопотребления способствует в России репрессивная наркополитика: запрет заместительной терапии, второстепенная роль медицинской и психологической помощи, акцент на «наказать» и «посадить».

Проституция

Понятно, что занятие проституцией в сфере сексуальных услуг (не надо забывать, что проституирование как продажность наблюдается и среди политиков, журналистов, деятелей науки и искусства) удел преимущественно молодых. Более того, распространена детская проституция, как девочек, так и мальчиков, что было предметом специального эмпирического исследования в Северо-Западном регионе Российской Федерации⁴²².

Самоубийства

При всех временных колебаниях Россия в течение многих лет занимает одно из первых мест в мире по уровню заверщенного суицида. А по уровню подростковых самоубийств Россия находится на первом месте в Европе и одном из первых в мире. Не удивительно, что 16 и 18 мая 2016 г. в «Новой Газете» появилась большая и страшная по содержанию статья Г. Мурсалиевой «Группы смерти» о том, как в социальной сети «ВКонтакте» подростков призывают и подталкивают

к самоубийству. И, к сожалению, безуспешно... События, описанные в статье Г. Мурсалиевой, лишний раз подтверждают то, что *мы живем в совершенно новом мире постмодерна*, основные характеристики которого влияют на все социальные процессы, включая преступность, самоубийства и иные проявления девиантности. Общество постмодерна предоставляет невиданные раньше возможности и грозит невиданными рисками, вплоть до омницида — самоуничтожения человечества. «Мы, в сущности, живем в апокалиптическое время... экологический кризис, биогенетическая редукция людей к манипулируемым машинам, полный цифровой контроль над нашей жизнью» (С. Жижек).

Из многочисленных характеристик общества постмодерна (глобализация, виртуализация, консьюмеризация, фрагментаризация, неопределенность, хаотичность, «ускорение времени» и др.), к теме подросткового суицида имеют отношение две: «ускорение времени» и виртуализация. *Темпы* современной жизни, *быстрота* протекающих в обществе экономических, технологических и прочих процессов («ускорение времени») привели к огромному, неосознаваемому разрыву поколений, о чем речь шла выше. Мир взрослых и мир детей, подростков, молодежи — разные миры. В самых благополучных семьях велик *реальный* разрыв миропонимания, мироощущения, мировосприятия представителей старших и младших поколений.

Этот разрыв усиливается процессами *виртуализации*. Мы все шизофренически живем в мире реальном и виртуальном. Мы не мыслим жизни без компьютеров, мобильных телефонов, скайпов, смартфонов и т.п. Но подростки и молодежь живут сегодня *преимущественно* в мире виртуальном. Нам, взрослым, очень многое недоступно в *их* мире. А они с большим скепсисом относятся к *нашему* миру, даже будучи внешне послушны, ласковы, терпимы... Участники социальных сетей оказываются значимей для подростков, чем их семья, школьные товарищи.

Погружение подростков и молодежи в виртуальный мир, как все на свете, имеет положительные и отрицательные последствия. Это не только безграничные познавательные возможности, средства связи и взаимодействия, но и возможности познания негативных явлений и образцов поведения. В частности, тот тотальный уход из жизни, о котором говорится в статье Г. Мурсалиевой, и который в значительной степени объясняется жизнью подростков и взрослых в разных мирах... Родители должны научиться понимать особенности современного общества и своих детей, их психику, интересы. Одно из наиболее действенных антикриминогенных, антидевиантогенных, антисуицидогенных средств — обеспечить детям,

⁴²² Gurvich, I., Rusakova, M., Pyshkina, T., Yakovleva, A. The Commercial Sexual Exploitation of Children in St. Petersburg and Northwest Russia. Save the Children. Stockholm, 2002.

подросткам, молодежи *реальные возможности* самоутверждаться, само-реализовываться в общественно полезной *творческой* деятельности.

Небезынтересными представляются результаты исследования Е.С. Ушаковой «Суицидальный риск: социологический анализ», свидетельствующие о значении ряда социальных факторов в генезисе самоубийства⁴²³. В основу эмпирической части исследования был положен on-line опрос свыше 1200 респондентов (2006–2009 гг.), а также вторичный анализ опубликованных результатов исследований отечественных авторов.

Была показана значимая суицидогенная роль таких социальных факторов, как уровень образования: чем ниже образовательный статус, тем выше суицидальный риск (график 1), и профессиональный статус: чем «ниже» статус, тем выше суицидальный риск (график 2).

График 1

Зависимость суицидального риска от уровня образования

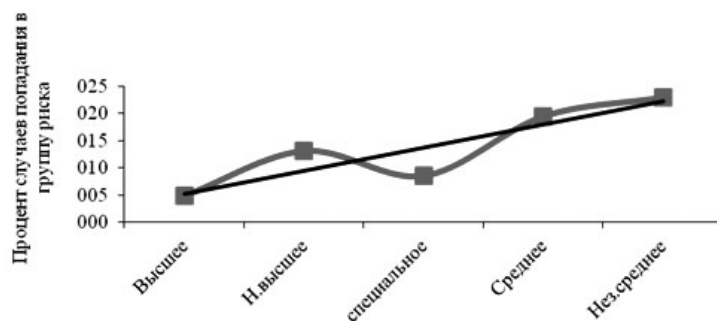
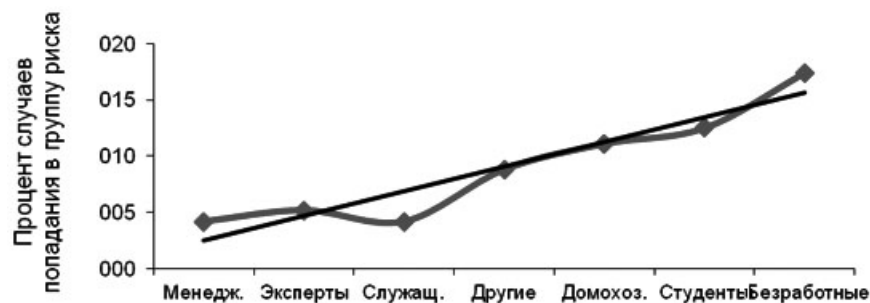

График 2

Зависимость суиц. риска от профессионального статуса

⁴²³ Ушакова Е.С. Суицидальные риски // Социологические исследования, № 2, 2008; Ушакова Е.С. Суицидальный риск. Социологический анализ. Изд-во Lambert, 2011.

«Кто виноват?»

Общие девиантогенные факторы в целом присущи и подростково-молодежной девиантности. Это, прежде всего, социальное и экономическое неравенство, низкая социальная мобильность, отсутствие или существенная ограниченность возможностей удовлетворения потребности в самоутверждении, самореализации⁴²⁴. Особенно остро эти факторы действуют в отношении подростков и молодежи, чья потребность в самоутверждении и самореализации максимальна, а возможности ее удовлетворения — минимальные. Как заметил Павел Лунгин, говоря о подростках: «они идут в кроссовках по улице, смотрят на проезжающие автомобили, ненавидя их владельцев: старых, богатых, отвратительно успешных. Эти юноши жаждут успеха, денег, славы. Не в будущем, не после изнурительных трудов, а здесь и сейчас. Любой ценой.»⁴²⁵.

Эти факторы играют существенную роль в обусловленности различных проявлений девиантности: пьянства, наркотизма, проституции, самоубийств. Интересно, что это нередко понимают вполне «простые люди». Так, рабочий Р. в предсмертной записке, оставленной сыну перед самоубийством, завещал: «Сашенька!...Шагни дальше отца насколько можешь выше отца по социальной лестнице» (сохранена орфография подлинника).

А современная ситуация в России крайне неблагоприятна в этом отношении. Показатели экономического неравенства (децильный или фондовый коэффициент, индекс Джини) свидетельствуют о его катастрофическом уровне. Если, по данным швейцарского банка *Credit Suisse*, в 2015 г. впервые в истории человечества 1% населения Земли стал владеть 50% всех богатств, а в 2016 г. 1% населения будет владеть 52% богатств, то в России 1% населения владеет 71% национальных богатств (на втором месте Индия, на третьем — Индонезия). А 10% населения России владеет 84,8% всех богатств страны (на втором месте — Индонезия с показателем 77,2%). Подросткам и молодежи — членам бедных семей, жителям сельской местности и малых городов крайне трудно, практически невозможно получить качественное высшее образование, престижную, интересную высокооплачиваемую работу,

⁴²⁴ Подробнее см.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е изд. СПб: Алеф-Пресс, 2014. С. 186–208; Гилинский Я. Очерки по криминологии. СПб: Але-Пресс, 2015. С. 5–27.

⁴²⁵ Лунгин П. «Не лгать хотя бы самому себе» // Новая газета, 26 марта 2012.

интересно и с пользой использовать досуг (творческие кружки, секции, студии, объединения отсутствуют или недоступны по финансовым соображениям). Не удивительно объединение подростков на основе нежелательного поведения: пьянство, потребление наркотических средств или психотропных веществ, насилие над «иными», «чужими».

Явно недооценивается роль «исключенности» в генезисе такого опаснейшего явления, как терроризм. Классическим примером крайне негативного поведения «исключенного» служит страшный террористический акт 14 июля 2016 года в Ницце: «Террористом в Ницце оказался неудачник–разведенка с целым букетом проблем и комплексов. Ницца, кстати, ... это солидное тихое место для солидных господ, в котором понятие «бюджетное жилье» начинается с уровня, который в любом другом месте будет считаться респектабельным и элитным. Так что если нужно, чтобы объект ненависти оказался тем, кем надо — можно ехать сквозь толпу напролом, не ошибешься... Фактически перед нами классический свихнувшийся неудачник, реализовавший свои комплексы и ненависть к окружающему богатому и равнодушному миру... К теракту в Ницце можно пристегивать кого угодно — и националистов, и ИГИЛ, и каких-нибудь леваков–марксистов. Они все про это — про несправедливость и равнодушие к маленькому человеку. Рецепты у всех свои, но среда, в которой их идеи востребованы — она одна на всех. И не бомбить далекие пески нужно, а лечить страну и общество. И это не только к Франции относится, скажем откровенно»⁴²⁶. И еще, это уже о США: «появляется множество одиноких, отчужденных молодых людей, стремящихся к самоутверждению через насилие»⁴²⁷.

«Что делать?»

Как известно, различают три уровня профилактики антиобщественных проявлений.

Первичный или *общесоциальный* уровень предполагает воздействие на основные девиантогенные факторы с целью их сокращения, нейтрализации. Поскольку социально–экономическое неравенство — один из главных таких факторов, важнейшим средством профилак-

⁴²⁶ Маленький человек // URL: <http://el-murid.livejournal.com/2883448.html> (дата обращения: 16.07.2016).

⁴²⁷ Брукс Д. На пути к национальной катастрофе? // The New York Times, 13.07.2016.

тики явилось бы сокращение степени этого неравенства, обеспечение максимальной вертикальной социальной мобильности, доступность «социального лифта» для всех, включая подростков и молодежь. К сожалению, это сложнейшая социальная и экономическая проблема, не решаемая на уровне правоохранительных органов, общественных организаций, семьи. Частично может идти речь о социальной помощи бедным, многодетным семьям, бесплатное предоставление некоторых досуговых услуг и т.п. К первичному уровню профилактики относятся также повышение образовательного уровня населения, родителей, правовое образование. Еще раз следует подчеркнуть, что *один из важнейших превентивных, антидевиантогенных факторов — обеспечение максимальных возможностей самовыражения подростков в полезной, творческой деятельности.*

Вторичный уровень или *специальная* профилактика направлена на предупреждение отдельных видов преступлений, правонарушений, пьянства, наркопотребления отдельных групп населения. Так, металлические решетки на окнах первых и последних этажей жилых домов, видеонаблюдение, освещение подъездов, садов и парков в темное время, и т.п. направлены на предупреждение «уличных преступлений».

Специальная профилактика предполагает разъяснительную работу среди родителей, формирование категорического отказа от физических наказаний детей, тесную связь родителей с воспитательными учреждениями (детские сады, школы) по своевременному выявлению таких девиантных проявлений, как алко– и наркопотребление. Молодые родители должны усвоить, что жесткие «воспитательные» меры, физические наказания приводят к насильственным преступлениям выросших в таких условиях детей. В Японии, стране с минимальным уровнем преступности, минимальным уровнем убийств (0,3 на 100 тыс. жителей, тогда как в России, например, сейчас этот уровень 8,2, а в Колумбии — 30,8), детям дошкольного возраста разрешено все. Аналогичное либеральное воспитание с уголовно–наказуемым запретом физических наказаний существует и в наиболее благополучных европейских государствах.

Важным направлением является воспитание *толерантности*, терпимости по отношению к «другим», «не таким» — по цвету кожи, разрезу глаз, сексуальной ориентации, религиозным или же атеистическим взглядам.

Наконец, *третичный* уровень или *индивидуальная* профилактика предполагает психолого–педагогическое и правовое воздействие на

конкретных несовершеннолетних — «трудных» подростков, потребителей наркотических средств, подростков с агрессивным поведением, несовершеннолетних, отбывающих и отбывших уголовное наказание. Разработка конкретных мер воздействия — профессиональный долг психологов, педагогов, сотрудников соответствующих подразделений полиции и пенитенциарных учреждений⁴²⁸.

И, пожалуй, самое главное: «привычное», «стандартное» перестает работать в обществе постмодерна. Нужны осознание новой ситуации, ее закономерностей и поиски современных, нетрадиционных способов и методов решения проблем.

Проблемы законотворчества и правоприменения в обществе постмодерна⁴²⁹

Мир находится в преддверии новой эпохи,
отрицающей традиционную экономику.
В. Иноземцев

Мир находится в новой эпохе, отрицающей традиционное право. Так мне представляется. Обсудим эту проблему.

Экономисты (прежде всего), социологи, философы, психологи (отчасти) с конца минувшего столетия все увереннее говорят о переходе человечества в некую новую, неведомую эпоху. Вспомним Ф. Фукуяму с его «концом истории». Постепенно выработалось представление о *постмодерне*, как новой эпохе, новой цивилизации, пришедшей на смену Новому миру или обществу модерна.

Привычные представления о достоинствах либеральной модели экономики, господстве Права, традиционных войнах сменяются знаниями о катастрофическом экономическом неравенстве⁴³⁰ и разделении всех стран, человечества и населения каждой страны на включенных и исключенных⁴³¹, об избирательном правоприменении, о «кризисе наказания», о «гибридных» войнах...

Общество постмодерна, нравится оно нам или нет, вступило в свои права и требует понимания его особенностей и умения «приспосаби-

⁴²⁸ См.: Ениколопов С.Н., Забрянский Г.И., Цымбал Е.И., Якутова М.А. Правонарушающее поведение несовершеннолетних: описание, объяснение, противодействие. М.: Юрикс, 2005; Ильяшенко А.Н. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних женского пола. Воронеж: Воронежский институт МВД, 2000; Фролов Б.С., Рубина Л.П., Овечкина И.В. Профилактика кризиса у детей. Мониторинг состояния и своевременное решение проблем несовершеннолетних. СПб, 2012 и др.

⁴²⁹ Гилинский Я. Проблемы законотворчества и правоприменения в обществе постмодерна // URL: <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?fmode=inject&url>

⁴³⁰ Жижек С. О насилии. М: Европа, 2010; Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011; Штиглиц Дж. Цена неравенства. М.: Эксмо, 2015.

⁴³¹ Бородкин Ф. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3/4, с. 5–17; Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140–156.; Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris, 1974; Crime and Social Exclusion / Eds. C. Finer, M. Nellis. Blackwell Publishers Ltd., 1998; Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. SAGE Publications, 1999.

ливаться» к ним. А трудности такого понимания и приспособления приводят к «шизофренизации» сознания. Ф. Джеймсон, один из теоретиков постмодерна, пишет: «Психическая жизнь становится хаотичной и судорожной, подверженной внезапным перепадам настроения, несколько напоминающим шизофреническую расщепленность»⁴³².

Право в обществе постмодерна (постсовременном обществе) исследуется в трудах известного теоретика права И.Л. Честнова⁴³³. «Постмодерн выступает, прежде всего, рефлексией, критической позицией относительно эпохи модерна и показывает, что индустриальное общество достигло пределов своего развития и дальнейшее экспоненциальное его развитие невозможно — оно неизбежно приведет к глобальной катастрофе. Постмодерн ставит под сомнение такое исходное основание эпохи модерна, как вера во всемогущество человеческого разума, в его возможность познать абсолютную истину и на этой основе преобразовать весь мир»⁴³⁴. Критицизм постмодерна распространяется и на представления о праве, демократии, привычном правопонимании. Главные проявления постмодернизма — релятивизм как взгляд на мир, отказ от истины, новое представление о социальной реальности⁴³⁵.

Порассуждаем на эту тему в связи с некоторыми характеристиками общества постмодерна.

Глобализация и фрагментаризация. С одной стороны, *глобализация* экономики, финансовых потоков, технологий, а также... преступности (прежде всего, организованной — торговля наркотиками, людьми, оружием, человеческими органами, да и киберпреступности) должна привести к «глобализации» права, выработке общемировых основополагающих принципов и норм, обязательных для каждой страны, к глобализации деятельности правоохранительных органов (Interpol, Europol и т.п.). С другой стороны, *фрагментаризация* влечет образование многочисленных «фрагментов» каждого общества со своими представлениями о должном, обязательном и не очень... Фрагментаризация, наряду с постмодернистской *релятивностью*, приводят к размыванию границ между дозволенным и недозволенным, к фрагментаризации и множеству нормативных (правовых, моральных) «систем». Чем более фрагментарно общество, тем больше в нем нормативных субкультур

⁴³² Цит. по: Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011. С. 76.

⁴³³ Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб, 2002; Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб: Алеф-Пресс, 2012.

⁴³⁴ Честнов И. Л. Правопонимание... С. 3.

⁴³⁵ Там же. С. 11.

(а, следовательно, и вариантов «отклонений»). И кто вправе судить, чьи нормы «правильнее» и что тогда есть «отклонения»? Бескомпромиссная «борьба» с наркотиками в России или кафе—шопы с марихуаной в Амстердаме, «*Christiana*» в Копенгагене? Административная ответственность за занятие проституцией, уголовная — за содержание «притонов разврата» в России или *Red Light District* («квартал красных фонарей») в том же Амстердаме? Доступность алкоголя во всех европейских странах или длительное тюремное заключение за бутылку водки в ОАЭ?

О равенстве всех перед законом и независимости судов неприлично вспоминать во многих странах, включая Россию. О каком достижении «истины» по делу можно говорить в условиях постмодернистского релятивизма/агностицизма? История человечества и история науки приводят к отказу от возможности постижения «окончательной истины». Очевидна *относительность* любого знания (включая уголовно—правовое). Как известно, «есть много истин, нет Истины». Многократно подтверждается «принцип дополнительности» Н. Бора (например, негативные и позитивные проявления девиантности). В науке господствует *полипарадигмальность*. «Постмодернизм утверждает принципиальный отказ от теорий»⁴³⁶. «Сама «наука», будучи современницей Нового времени (модерна), сегодня, в эпоху постмодерна, себя исчерпала»⁴³⁷. Бессмысленна попытка «установления истины по делу» (уголовному, в частности). А тысячи, сотни тысяч невинно осужденных томятся в тюрьмах, проклиная «правосудие». При этом миллионы виновных в тяжких преступлениях наслаждаются свободой.

Может быть прав был крупнейший немецкий специалист в области уголовного права, автор многочисленных Комментариев к уголовному кодексу Германии профессор Н.—Н. Jescheck, выдвинув предложение об отмене уголовного права, как несовместимого с правами человека и гражданина?⁴³⁸

Право материализуется в законодательстве (оставим в стороне дискуссии о сущности Права, его нетождественности закону, «не всякий закон выражает дух права. Более того, мы все чувствуем, что в одном законе права меньше, а в другом больше»⁴³⁹). Оно *конструируется* законодателем, исполняется (реализуется) правопримени-

⁴³⁶ Ядов В.А. Современная теоретическая социология. СПб., 2009. С. 20.

⁴³⁷ Спиридонов Л.И. Избранные произведения. СПб., 2002. С. 25.

⁴³⁸ Jescheck Н.—Н. Lehrbuch des Strafrechts. Allgemeiner Teil. 4 Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 1988. S. 3.

⁴³⁹ Ходжаева Е. Extra Jus: Неправовой закон // Ведомости, 30.06.2016.

тельными органами — от полиции до суда. Но каковы реальные конструкторы — законы? Закон, запрещающий усыновлять российских детей гражданами США? Закон об уголовной ответственности за «оскорбление чувств верующих» (ст. 148 УК РФ)? А как быть с чувствами атеистов? Размножающиеся законы об уголовной ответственности за экстремизм? Хорошо бы точно знать, что это такое...

О *правоприменении* — и не только в России — лучше вообще помолчать.

И всегда ли *государство* реализует закон, право? Иногда это «лучше» (надежнее) осуществляет... мафия. Интересны на эту тему рассуждения участников дискуссии «Государство и мафия»⁴⁴⁰. Вот некоторые отрывки из выступлений. «Если вы начнете следовать полностью всем требованиям закона, ваш бизнес фактически будет разрушен... Мы должны следовать законам и должны платить налоги, но взамен нам ничего не гарантируется — ни здравоохранение, ни образование. Это делает современное государство таким типом мафии, которая работает на обогащение немногих за счет всех. Вот эти три понятия — государство, закон и мафия — на современном этапе очень сильно пересекаются». Можно напомнить о станице Куцевской, где много лет всем правила банда С. Цапка, об авторитете Винни-Пухе — мэре г. Владивостока, об ОПГ, орудующих в Екатеринбурге, Хабаровске, Гусь-Хрустальном, Ленинск-Кузнецке, Энгельсе, далее — везде... Мафия и государство «пересекаются» не только в России. Хорошо известна роль итальянской (в первую очередь, сицилийской) мафии в «управлении» провинцией. «Институционализована» и договорная с государством японская якудза. Об этом же свидетельствует и книга Балинта Мадьяра «Анатомия посткоммунистического мафиозного государства: На примере Венгрии». Оглянемся: может быть мафии сменили государство уже вокруг и рядом?...

Очевидно, что Право, Закон, Правосудие, какими они мыслились в Новое время, время модерна, исчерпали себя, так и не воплотившись полностью в действительность. Гилеровские и ленинско-сталинские концлагеря, ГУЛАГ, Холокост, Освенцим развеяли иллюзии эпохи Просвещения и модерна.

И еще одна тема, выходящая за рамки постмодерна и имеющая всеобщее значение. Я давно (всегда!) был сторонником «тотального» детерминизма, считая «свободу воли» определенной фикцией. Любой поступок, любая мысль имеет определенную детерминацию — генети-

⁴⁴⁰ Государство и мафия // The New Times, 20 июня 2016. С. 36–41.

ческую, историческую, социальную, семейную, экономическую, политическую, культуральную и т.д., и т.п., и проч. И вот эта проблема, имеющая прямое и решающее значение для права, законодательства и правоприменения, вновь озвучена и представляет огромный теоретический и практический интерес.

Обратимся к прямым длинным цитатам. «...Несочетаемость свободы и детерминированности физического мира... Мозг — это материальный объект. Состояния мозга детерминированы (определены) его предыдущими состояниями. Все предыдущие состояния определены еще более ранними состояниями и воздействиями внешнего мира. И так до бесконечности. Цепочка причин уходит далеко за пределы рождения. Таким образом, причины всех событий в вашей жизни лежат за пределами вашей жизни. Но как тогда можно нести ответственность за какие-либо действия? И кому тогда принадлежат решения, которые вы «якобы» принимаете? Если эти решения были предопределены задолго до вашего рождения, как вы можете нести за них ответственность?... Мы по большому счету не отвечаем за совершенные поступки. Эта позиция называется твердым инкомпатибилизмом. Ее сторонники считают, что свобода воли и моральная ответственность не совместимы (incomprantible) с детерминизмом, то есть с устройством мира, при котором причины с необходимостью определяют следствия. Что удивительно, эта позиция не ведет к необходимости радикальных перемен. Твердые инкомпатибилисты не считают моральную ответственность обоснованной, но они не призывают изменять законы и меры наказания». Как же так? А вот как: «Наказание имеет несколько функций. С одной стороны, это функция возмездия, с другой — функция защиты общества от новых преступлений. Даже если оснований для возмездия нет, то это вовсе не означает, что преступников не стоит изолировать и перевоспитывать. К тому же наказание человека, совершившего преступление, может служить хорошим примером для того, чтобы образумить других — тех, кто только помышляет о преступлениях. Таким образом, даже если свободы воли нет, оснований переделывать уголовный кодекс недостаточно — он выполняет как минимум превентивную функцию, предотвращает новые преступления⁴⁴¹... Может, уголовный кодекс и не требует полного пересмотра, но вот одно стоит точно поменять — отношение к преступникам. С точки зрения твердых инкомпатибилистов, обида, гнев и прочие негативные эмоции в отношении

⁴⁴¹ Что весьма сомнительно с криминологической точки зрения — Я.Г.

к нарушителям порядка большей частью не оправданы. Источники преступлений лежат за пределами их контроля, поэтому они сами отчасти являются жертвами обстоятельств. К ним следует применять меры пресечения, но негативное отношение к ним не оправдано»⁴⁴².

Как эти рассуждения противоречат *ненависти* народной ко всем «иным», «чужим», «не нашим», как они противоречат *любви* народной (да и некоторых коллег) к всевозможным запретам, смертной казни, столетним срокам лишения свободы! И как противоречат эти ненависть и «любовь» постмодерну и вообще — здравому смыслу...

Что же делать? Я не могу дать обоснованные ответы на этот вопрос. Для начала необходимо:

- Теоретически и эмпирически *исследовать* сложившуюся правовую реальность, отбросив предубеждения и иллюзии модерна.
- Осуществлять постоянный *мониторинг* изменений правовой действительности.
- Максимизировать взаимодействие государств, правоприменительных органов в законотворческой и правоприменительной деятельности, осознав, что изоляционизм в условиях глобального мира постмодерна губителен.
- Обеспечить признание всеми государствами, юридическими и физическими лицами *недопустимости* применения какого-либо физического насилия (войн, смертной казни, телесных наказаний, криминального насилия), как угрожающего самому существованию человечества (возможность омницида), и реализацию этого принципа, швейцарского принципа «*Veneratio vitae*» («благоговение перед жизнью», любой жизнью, включая животных, птиц, насекомых).
- Обосновать программу «неравного права», обеспечивающего законодательные привилегии «исключенным» (бесплатные образование и медицина, освобождение от налогов и т.п.) при отсутствии льгот для «включенных», а может быть и наличие неких ограничений для сверхбогатых, включая повышенные налоги, обязательную благотворительность и т.п.
- *Минимизировать* уголовно-правовые, административно-правовые, гражданско-правовые *запреты*, подвергая правовой регламентации лишь то, без чего существование общества и его членов становится невозможным.

⁴⁴² Свобода в опасности. Беседа с Дмитрием Волковым // Сноб, 13 июля 2016.

- При безусловной отмене смертной казни, минимизировать применение лишения свободы, его сроки (максимум — 10 лет), оптимизировать условия отбытия наказания в виде лишения свободы. Максимально заменять лишение свободы иными мерами наказания (штрафные санкции, ограничение свободы, различные виды общественных работ).

Понимаю *нереальность* большинства выдвинутых положений, но и их *необходимость* для выживания людей, государств, человечества в мире постмодерна. Реализм должен, наконец, придти на смену прекраснодушному оптимизму...

А, впрочем, все за нас решат Сингулярность и странный аттрактор⁴⁴³...

⁴⁴³ Назаретян А.П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации, № 2, 2015; Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аграмак—Медиа, 2015; Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. New York: PG, 2005; Rees M. J. Our Final Century: Will the Human Race Survive the Twenty First Century? New York: Basic Books, 2003.

Что день грядущий нам готовит?⁴⁴⁴

Люди гибнут за металл!
Сатана там правит бал!
Ш. Гуно

Можно читать и слушать левых и правых, республиканцев и монархистов, либералов и консерваторов, прогрессистов и реакционеров — прогноз будет один и тот же: апокалиптический. Будут различные доводы, проклинание инакомыслящих, но результат один: будущее ужасно, все разваливается, экономический кризис, катастрофическое неравенство, терроризм, третья мировая война, ядерная катастрофа, никаких надежд (или надежды на Нечто Несбыточное)...

Вот, например, только за последние несколько дней: «Европейскому Союзу грозит смертельная опасность» (Дж. Сорос). «*Мир стоит на пороге нового витка глобального смуткризиса. И «черный циклон» неминуемо забушует и в РФ тоже*» (М. Калашников). «Нынешний средний класс растерян и дезориентирован, и его недовольство канализируется в поддержку идей национализма, ксенофобии и социал-популистской демагогии, а в арабских странах — еще и радикального ислама» (Ю. Рубинский). «Мы видим, как Евросоюз погружается в хаос» (С. Глазьев). «Две основные опасности для России, которые остаются неизменными на протяжении уже многих лет. Это, во-первых, наш социально-экономический кризис, а, во-вторых, это глобальный системный кризис... в этом состоянии полураспада мы входим в глобальный системный кризис, где мир будет заново разделён на «зоны влияния», на макрорегионы, которые будут находиться в состоянии «войны всех против всех»... Нынешняя система управления Российским государством — это смертный приговор и путь в могилу одно-

ременно» (М. Делягин). «Система, в которой к вещам относятся как к личностям, а к личностям — как к вещам, рыночный фундаментализм с его приватизацией и маркетизацией всего привели мир к опасной черте» (А. Цветков). Умышленно цитирую авторов различных политических взглядов.

И ведь правы, черт возьми, они все в своих прогнозах!

Что же случилось, что происходит, что объединяет в конечном итоге мнение людей с принципиально противоположными взглядами?

Любой «точный» диагноз принципиально невозможен. Попытаемся лишь немного поразмышлять о происходящем.

Люди, как представители вида *Homo Sapiens* (скорее, **Sub**—*Sapiens*), всю свою историю (от *Homo erectus* до *Homo sapiens*, т.е. до стадии человека современного типа) отличались *повышенной агрессивностью*, переросшей со временем в *социальное насилие*⁴⁴⁵. Человек — самый злобный, хищный представитель животного мира. Вся история человечества — история войн, убийств, насилия. К сожалению, это — факт, не вызывающей сомнений.

Казалось бы, человечество, наученное страшным опытом Второй мировой войны, должно остановиться, задуматься, обрести, наконец, мир и покой. Отнюдь. «Только за 50 лет после Второй мировой войны прошло 25–30 средних и более 400 малых войн. Они охватили не меньше стран, чем это было в последней мировой войне. В них погибло свыше 40 млн и стали беженцами свыше 30 млн человек. Сегодня специалисты выделяют следующие разновидности новых войн: локальные войны, военные конфликты, партизанская война, информационная война, «консциентальная» война (война сознаний), презмптивная война (опережающий захват или силовое действие на опережение) и террористическая война (терроризм). Одной из современных разновидностей террористических войн является кибертерроризм»⁴⁴⁶.

⁴⁴⁵ Антропология насилия / ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб, 2001; Аснер П. Насилие и мир: От атомной бомбы до этнической чистки. СПб, 1999; Бассиони К. Воспитание народовбий. СПб, 1999; Гишинский Я.И. Социальное насилие. СПб, 2013; Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: Социо-политический анализ. М., 2000; Жижек С. О насилии. М., 2010; Жирар Р. Насилие и священное. М., 2000; Красиков В.И. Насилие в эволюции, истории и современном обществе. Очерки. М., 2010; Кугай А.И. Насилие в контексте современной культуры. СПб, 2000; Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгафт Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.

⁴⁴⁶ Григорьев Н., Родюков Э. Террористические действия в виртуальном пространстве опасны // Независимая Газета, 22.07.2016.

⁴⁴⁴ Девиантное поведение подростков и молодежи: современные проблемы, тенденции, прогнозы / ред. Ю.А. Клейберг, K.S. Dartey — London: UK Academy of Education, 2016. С. 129–135.

Итак, в тотальном насилии, казалось бы, нет ничего нового. Может быть за исключением все более мощных средств взаимного уничтожения. И все же. Подумаем о *мотивации* насилия. Оставляя в стороне мотивы межличностного насилия, включая семейное, посмотрим, как исторически менялась мотивация межгруппового насилия, включая межгосударственное.

В *первобытном обществе* борьба шла между племенами за территорию, за пищу, одним словом — за выживание. Ну, и вообще — *чужой*, значит опасный...

Со временем межгрупповое насилие совершалось либо по *«идейным»* мотивам — межконфессиональное, межэтническое, межидеологическое, либо исходя из «высоких» государственных соображений — быть самым сильным, самым большим, самым мощным, самым великим и т.п. (Хотя уже начинают действовать и *экономические* мотивы: быть самым богатым, обогатить проигравшего в сражении). Если взять двух самых страшных и наиболее опасных лидеров государств XX века — Гитлера и Сталина, то в их головах господствовали именно эти мотивы «величия». Оба они были вполне скромны в личных потребительских интересах, вполне аскетичны.

Только не надо мне напоминать о Крёзе и довоенном Ротшильде. То, что я излагаю, — лишь *схема*, попытка установить некие самые общие тенденции, закономерности. А уж исключений из «правил» всегда множество. Да и любые изменения наступают постепенно. Обогащаться всегда неплохо, разорить побежденного — «право» победителя. Но не эта мотивация являлась, как мне кажется, ведущей.

После Второй мировой войны, особенно с 1970-х — 1980-х годов, с переходом от Нового времени, общества модерна к обществу *постмодерна*, оно же — *«общество потребления»*, мотив обогащения становится *ведущим*. Вот уж действительно, когда «люди гибнут за металл»! (Хотя Сатана, очевидно, правит людским балом испокон веков...). И 11 сентября 2011 г. террористы, очевидно, не случайно выбрали в качестве объекта нападения Нью-Йорк как «Город Желтого Дьявола» (М. Горький), а Всемирный Торговый Центр (ВТЦ) как символ «включенных», богатых, жрецов Желтого Дьявола.

Возможность больше потреблять для большего числа людей не так уж плоха. Но человечество не может без крайностей... И вот оно делится на две неравные группы: меньшинство «включенных» в активную экономическую, политическую, социальную, культурную жизнь и большинство «исключенных» из нее. Повторю нередко цитируемого

Н. Лумана: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего — *Я.Г.*) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние»⁴⁴⁷.

Мы уже не только можем наблюдать это состояние, мы живем в нем. И дожили до того, что, по данным швейцарского банка *Credit Suisse*, в 2015 г. впервые в истории человечества 1% его стал владеть 50% всех богатств, а в 2016 г. 1% населения владеет уже 52% всех богатств. А Россия — впереди планеты всей: 1% ее населения уже владеет 72% богатств страны... Я далеко не сторонник «всеобщего равенства» (оно возможно лишь на кладбище, точнее — его подземной части, ибо в надземной — от покосившегося деревянного креста до мраморно-каменных замков...), неравенство людей, социальных групп — необходимое условие развитие цивилизации. Но опять же — все «в меру». Условно говоря, когда Индекс Джини, показатель экономического неравенства, 0,2–0,3 (Дания, Норвегия, Швеция и др.) — это «нормальное» неравенство, при котором обеспечивается достаточно благоприятное развитие общества. А когда Индекс Джини 0,4–0,5 и выше (Россия, США, Венесуэла, Бразилия, Гватемала, Намибия, Сальвадор, Боливия, Гаити и Зимбабве) — жди беды...

Вообще «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»⁴⁴⁸. И в эпоху постмодерна стратификация общества по критерию включенные/исключенные становится одним из главных, точнее — главным конфликтогенным (девиантогенным, криминогенным, суицидогенным, терророгенным) фактором.

Пожалуй, никогда в человеческой истории *деньги* не имели такого значения. Принцип «обогащайтесь!» стал доминирующим. Тотальная кор-

⁴⁴⁷ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М., 1998. С. 94–108.

⁴⁴⁸ Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 375.

рупция, «теневая» экономика, глобальная организованная преступность, бесконечные убийства — и все из-за денег, ради денег. Деньги любой ценой! Да, всегда были «скупые рыцари», убивали из-за денег и раньше. Но это не носило столь массовый, тотальный характер. И главное — никакого просвета: богатые становятся сверхбогатыми, бедные беднеют, а относительно благополучный «средний класс» — опора «включенных» стран «золотого миллиарда» — теряет свои позиции, относительно беднеет, сокращается количественно, утрачивает веру в светлое будущее... Отсюда движение среднего класса «Occupy Wall Street!».

Явно недооценивается роль «исключенности» в генезисе такого опаснейшего явления, как терроризм. Классическим примером крайне негативного поведения «исключенного» служит страшный террористический акт 14 июля 2016 года в Ницце: «Террористом в Ницце оказался неудачник-разведенка с целым букетом проблем и комплексов. Ницца, кстати, ... это солидное тихое место для солидных господ, в котором понятие «бюджетное жилье» начинается с уровня, который в любом другом месте будет считаться респектабельным и элитным. Так что если нужно, чтобы объект ненависти оказался тем, кем надо — можно ехать сквозь толпу напролом, не ошибешься... Фактически перед нами классический свихнувшийся неудачник, реализовавший свои комплексы и ненависть к окружающему богатому и равнодушному миру... К теракту в Ницце можно пристегивать кого угодно — и националистов, и ИГИЛ, и каких-нибудь леваков-марксистов. Они все про это — про несправедливость и равнодушие к маленькому человеку. Рецепты у всех свои, но среда, в которой их идеи востребованы — она одна на всех. И не бомбить далекие пески нужно, а лечить страну и общество. И это не только к Франции относится, скажем откровенно»⁴⁴⁹. Еще об Европе: «Мигранты часто ощущают себя людьми второго сорта. Молодые и харизматичные люди — выходцы из мусульманских стран и их дети — пытаются найти какую-то новую идентичность, обращаясь к историческим корням, и в итоге часто приходят к радикальным течениям»⁴⁵⁰. И еще, это уже о США: «появляется множество одиноких, отчужденных молодых людей, стремящихся к самоутверждению через насилие»⁴⁵¹.

⁴⁴⁹ Маленький человек // URL: <http://el-murid.livejournal.com/2883448.html> (дата обращения: 16.07.2016).

⁴⁵⁰ Теракт в Ницце // Сноб, 15.07.2016.

⁴⁵¹ Брукс Д. На пути национальной катастрофе? // The New York Times, 13.07.2016.

Это одна из серьезнейших и опаснейших проблем современности. Власти стран, чье население подвергалось террористическим атакам, возлагают надежду на силовые структуры и силовые методы противодействия терроризму. Да, все это вынужденно необходимо. Но... не решает проблемы. Вспомним первых в мире по времени российских террористов эпохи царизма. Это были «униженные и оскорбленные» (Ф. Достоевский) или же — как им казалось — представители интересов «униженных и оскорбленных», они выступали от имени тех, кто сейчас именуется «исключенными»⁴⁵². И сегодня основная социальная база террористов — «исключенные», «униженные и оскорбленные» социально, экономически, религиозно и т.п. Это отнюдь не уменьшает их опасность, но это необходимо понимать, пытаясь решать тяжелейшую задачу.

Вот лишь один из примеров. «Без попытки решения вопроса вот этих замкнутых анклавов получается, например, как с кварталом Моленбек, известным концентрацией представителей мусульман в основном из стран Магриба, который стал центром терроризма европейского масштаба. Он возник сам, его не создавали: *беднейшие слои населения сконцентрировались в этом районе; беднейшие слои населения притягивали бедное обслуживание, бедное образование. А бедное плохое образование выталкивает людей из общественной жизни* [выделено мною — Я.Г.], воспроизводит, точнее, создает заново социально-религиозную, социально-расовую дискриминацию. Фактически, создает те социальные разрывы, которые, будучи обернуты в оболочку этнических или религиозных различий, вызывает наибольшие проблемы. Конечно, такой род замкнутых кварталов — это котел, который формирует резервы терроризма»⁴⁵³.

Конечно, реальная проблема терроризма намного сложнее. Это и «исключенность», и идеология насилия некоторых ветвей некоторых религий (скажем так...), и недостаточно адекватная политика властей, и идея мультикультурализма, пущенная на самотек, и неизбежно негативные последствия позитивной глобализации...

⁴⁵² Подробнее см.: Гилинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2004, № 6; Gilly T., Gilinskiy Y., Sergevnnin V. (Eds.) The Ethics of Terrorism. Innovative Approaches from an International Perspective. Springfield (Ill.): Charles C Thomas Publisher, Ltd., 2009.

⁴⁵³ Почему террор набирает обороты в развитом мире? Объясняет политолог и этнограф Эмиль Паин // <https://openrussia.org/post/view/16544/>

Итак, что день грядущий нам готовит?

1. *Россия*. С Россией все ясно, о чем я многократно писал и говорил: *Россия отстала навсегда*. Она находится в числе стран «исключенных» (по И. Валлерстейну — на Периферии). Подробнее смотрите мою статью 2011 года «Исключенные навсегда»⁴⁵⁴. С тех пор количество доводов в пользу высказанного мною существенно возросло... Какой бы гений ни сменил нынешнее руководство, отменить крах невозможно, когда в стране разрушены образование, наука, медицина, промышленность (кроме «трубы»), дикая технологическая отсталость и т.д., т.п., а народ, как всегда безмолвствует...

2. *Человечество*. Прогноз посложнее. Есть два основных варианта. Первый, менее вероятный — человечество выживет, пройдя тяжелейший в истории период постмодерна. Причем выживет, возможно, достигнув невиданных успехов в своем генетически-технологическом развитии. Второй, более вероятный, учитывая тяжелое прошлое — человечество погибнет в результате омницида — ядерного, или экологического, или космологического, или... Сейчас мы находимся в некой бифуркационной точке, когда настоящее неопределенно (одно из свойств общества постмодерна), а будущее *принципиально непредсказуемо*.

Капитализм или социализм? Оба хуже!⁴⁵⁵

Идеальный капитализм невозможен так же, как и идеальный социализм, и ровно по той же причине — из-за несовершенства человеческой природы.
Г. Садулаев

История человечества — история зла на Земле.
В. Швель

Мы живем в удивительное время: одни (в России и в других странах) проклинают современный капитализм и мечтают о социализме, другие с ужасом вспоминают «социализм» и надеются на капитализм. В действительности в этом нет ничего удивительного: *вполне ужасны для большинства населения и «социализм», и капитализм*. Да, был вполне приличный капитализм начала XX века и в 1960–е годы. Да, был замечательный шведский (да и вообще скандинавский) социализм 1960–х — 1970–х годов. Но это были кратковременные периоды, когда уже заканчивался советский социализм и еще не развернулся в полную меру современный олигархический капитализм. Это были «недо-социализм» и «недо-капитализм». Когда прелести одного — сталинского — уже заканчивались, а прелести другого — олигархического — еще не проявились в полной мере...

О радостях рабовладения и феодализма вспоминать не будем? Социализмом и капитализмом — сыты по горло. На что бы такое новенькое понадеяться? «Социализм с человеческим лицом»? Посткапитализм? Мечтать о прекрасном новом мире можно сколько угодно. Утопий было немало. Но что-то ни одна из них не реализовалась. И реализоваться *в принципе* не могла — **род человеческий не допустит свободы, равенства и братства!**

⁴⁵⁴ Гилинский Я. Исключенные навсегда // Независимая Газета, 18.11.2011 (и на сайтах crimpravo.ru, deviantology.spb.ru, <http://www.iaaj.net/node/738>).

⁴⁵⁵ Гилинский Я. Капитализм или социализм? Оба хуже // URL: <https://www.facebook.com/yakov.gilinskiy/posts/10208647541259713>; URL: <http://crimpravo.ru/ru/blog/3699.html>

Вот воевать, уничтожая тысячи и миллионы себе подобных — пожалуйста. Как говорится — за милую душу. Убивать, воровать, грабить, брать взятки, насиловать, это — пожалуйста. Слышу возмущенные голоса: но не все же убивают, воруют, насилуют! А как же взаимопомощь, выручка, бескорыстные поступки, любовь и дружба, наконец?! Да, бывает, все это бывает. Но не это определяет ход истории. А ход истории человека — самого опасного хищника из всех биологических видов — это от топоров и стрел к пулеметам, танкам, орудиям, ядерному оружию. На том и закончим свое существование?...

У меня давно сложилась уверенность в принципиальной невозможности создать относительно благополучное общество, без массового насилия, без страшного неравенства (социального, экономического, расового, этнического, религиозного и т.п.), без «войны всех против всех». Насилие сопровождает человечество всю его историю. Оно — неотъемлемый элемент общественного бытия. Со временем насилие приобретает системный характер, оно пронизывает все сферы жизнедеятельности общества, включая «культурное насилие» (J. Galtung), «воспитательное насилие» (W. Benjamin, N. Luhmann, K. Schorr), «насилие экономики» (N. Luhmann), «структурное насилие» (безличное, когда убивают не конкретные субъекты, а социальный строй, J. Galtung), криминальное насилие. Но и само «право поражено насилием» (W. Benjamin). В конечном счете, «насилие встроено в систему» (D. Becker).

Несколько подробнее о капитализме, поскольку его развитие (а) современно, (б) обнадеживающе для многих.

Люди гибнут за металл!
Сатана там правит бал!
Ш. Гуно

Я — сторонник либерализма, свободной торговли, *laissez faire* — все чаще сталкиваюсь с разумным неприятием капитализма. Коллеги-криминологи давно пишут о капиталистических общественных отношениях как источнике преступности и иных негативных девиантных проявлений (пьянство, наркотизм, коррупция, проституция и т.п.).

Это основатели «радикальной» («критической») криминологии — Я. Тэйлор, П. Уолтон, Дж. Янг⁴⁵⁶.

⁴⁵⁶ Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. L., 1973; Taylor I. (Ed.) The Social Effects of Free Market Policies. An International Text.

Это многочисленные труды Н. Кристи, доступные на русском языке. В одной из своих работ Н. Кристи обращает внимание на «образ новой действительности, где участие в трудовой деятельности — привилегия, где работа становится статьей дефицита... Теперь привилегия — это не свободное от работы время, а возможность найти применение своей жизни (курсив мой — Я.Г.)»⁴⁵⁷.

Это работы немецкого представителя «критической криминологии» Ф. Зака. В опубликованной на русском языке статье Ф. Зак, критикуя современный капиталистический мир, с его индивидуализмом, бесперспективностью для «исключенных», не имеющих даже шансов принадлежать «резервной армии индустриального труда», пишет: «Примат экономики губителен для общества в целом и криминологии в частности... В обществе с приматом экономики не мораль, а деньги играют главенствующую роль в регулировании поведения... Чем больше социальная среда перерождается в экономическую, тем более она поражена преступностью»⁴⁵⁸.

Один из крупнейших современных социологов И. Валлерстайн полагает, что мир разделен на «центр» и «периферию», между которыми существует неизменный антагонизм. При этом государства вообще теряют легитимность, поскольку либеральная программа улучшения мира обнаружила свою несостоятельность в глазах подавляющей массы населения Земли⁴⁵⁹. В другой работе он приходит к убеждению, что капиталистический мир вступил в свой терминальный, системный кризис⁴⁶⁰.

Все основательнее вырисовываются два лица свободной экономики, свободных рыночных отношений.

С одной стороны — безусловный экономический рост; повышение уровня жизни и расширение возможностей «включенных» жителей развитых стран (стран «золотого миллиарда»); фантастическое развитие техники и новейших технологий.

С другой стороны — растущее социальное и экономическое неравенство; экономические преступления; формирование организованной пре-

Harvester Wheatsheaf, 1990; Young J. The Vertigo of Late Modernity. SAGE, 2007.

⁴⁵⁷ Кристи Н. Плотность общества. М., 2001. С. 22–23. См. также: Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед, к Гулагу западного образца. 2-е изд. М., 2001; Кристи Н. Приемлемое количество преступлений. СПб: Алетейя, 2011.

⁴⁵⁸ Зак Ф. Экономические подходы в уголовной политике // Уголовное право, 1999, № 1. С. 92–105.

⁴⁵⁹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос, 2003.

⁴⁶⁰ Wallerstein I. Globalization or the Age of Transition? A long-term view of the trajectory of the world system // International Sociology. 2000, Vol. 15, N 3.

ступности, как криминального предпринимательства; все возрастающий удельный вес теневой («серой», «неформальной», «второй», «скрытой», «подпольной») экономики⁴⁶¹; растущее недовольство большинства населения господствующим в политике и экономике меньшинством и др.

Н. Луман называет два принципиальных, как мне кажется, следствия развития современного капитализма. Во-первых, «невозможность для мировой хозяйственной системы справиться с проблемой справедливого распределения достигнутого благосостояния»⁴⁶². С проблемой, когда «включенные» имеют почти всё, а «исключенные» — почти ничего. И, соответственно, во-вторых, «как индивид, использующий пустое пространство, оставляемое ему обществом, может обрести осмысленное и удовлетворяющее публично провозглашаемым запросам отношение к самому себе»⁴⁶³. Все это способствует эскалации насилия во всех его проявлениях.

Автор «индустриального общества», Джон Гэлбрейт писал еще в 1967 г.: «Для рабочего, лишившегося заработка на джутовой фабрике в Калькутте, так же как и для американского рабочего в период великой депрессии, вероятность найти когда-нибудь другую работу очень мала... Альтернативой его существующему положению является, следовательно, медленная, но неизбежная голодная смерть»⁴⁶⁴. Позднее, в 1973 г., Дж. Гэлбрейт напишет об экономических лишениях — голоде, позоре, нищете, «если человек не хочет работать по найму и тем самым принять цели работодателя»⁴⁶⁵. Не выступают ли, следовательно, «цели работодателя» фактором насилия?

Экономическая теория развивалась сама по себе. Экономическое насилие и его жертвы существовали сами по себе. И «в результате экономическая теория незаметно превратилась в ширму, прикрывающую

⁴⁶¹ Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М., 2004; Бурова Н.В. Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб, 2006; Клямкин И.М., Тимофеев Л.Н. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М., 2000; Неформальная экономика. Россия и мир / ред. Т. Шанин. М., 1999; Теневая экономика — 2007. Экономический анализ преступной и правоохранительной деятельности М., 2008; Тимофеев Л.М. Теневые экономические системы современной России: теория, анализ, модели. М., 2008; и др.

⁴⁶² Луман Н. Дифференциация. М.: Логос, 2006. С. 234.

⁴⁶³ Там же. С. 238.

⁴⁶⁴ Русское издание: Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. С. 180.

⁴⁶⁵ Русское издание: Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. С. 31.

власть корпорации»⁴⁶⁶. Если это было ясно для Дж. Гэлбрейта к 1973 г., то дальнейшее развитие экономики и ее главных субъектов — банков и ТНК лишь подтвердили диагноз... Не случайно на смену классической либеральной теории приходят неоавстрийская школа, праксиология Л. фон Мизеса⁴⁶⁷, ордо-либерализм⁴⁶⁸ и др. Поиском компромиссного выхода занимаются и отечественные экономисты⁴⁶⁹.

Но действительность развивается в параллельном мире. «Именно организованная без всякого внешнего принуждения метафизическая пляска всесильного Капитала служит ключом к реальным событиям и катастрофам. В этом и заключается фундаментальное системное насилие капитализма, гораздо более жуткое, чем любое прямое докапиталистическое социально-идеологическое насилие: это насилие больше нельзя приписать конкретным людям и их «злым» намерениям; оно является чисто «объективным», системным, анонимным»⁴⁷⁰.

Повторюсь: у меня давно сложилась уверенность в принципиальной невозможности создать благополучное общество, без массового насилия, без страшного неравенства, без «войны всех против всех». *Под Homo Sapiens, в отличие от всех остальных биологических видов и родов, утратил заложенный природой запрет на убийство себе подобных.*

Идеалом для меня всегда были государства Западной Европы, где я чувствую себя «свободным человеком в свободной стране», и, не боясь, хожу по улицам в любое время суток. Но что-то стало меняться...

Конечно, насытившись развитым и недоразвитым социализмом, плановой экономикой, уголовным запретом частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества (ст. 153 УК РСФСР), «валютных операций» (ст. 88 УК РСФСР) и — как следствие — пустыми полками магазинов, я с понятной радостью встретил горбачевскую «перестройку», частную собственность, рыночную экономику, свободу слова и зарубежных поездок. Я и сейчас принципиальный, категорический противник возврата к «социалистическому» прошлому. Я и сейчас уверен, что М.С. Горбачев совершил чудо,

⁴⁶⁶ Русское издание: Гэлбрейт Дж. Экономические теории и цели общества. М.: Прогресс, 1979. С. 33.

⁴⁶⁷ Усанов П.В. Праксиология Л. фон Мизеса — экономическая теория XXI века. В: Экономика и общество. СПб: Леонтьевский центр, 2011. С. 226–237.

⁴⁶⁸ Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России / ред. Р. Нуреев. М.: ГУВШЭ, 2007.

⁴⁶⁹ Социальный либерализм: между свободой и этатизмом. СПб: Леонтьевский центр, 2015.

⁴⁷⁰ Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. С. 15.

повернув историю России в либерально—демократически—прогрессивном направлении.

Но современный отечественный опыт свидетельствует о том, что условно прогрессивный переход от казарменного полуголодного социализма с постоянным «дефицитом» всего и вся к рыночной экономике принес не только переполненные товаром магазины, заполненные иномарками улицы, возможность путешествовать по всему миру и обучать детей в Оксфорде или Гарварде, но и значительные негативные последствия: беспрецедентный разрыв между богатым меньшинством и бедным большинством населения (что отражается динамикой соответствующих экономических показателей — децильного коэффициента и индекса Джини); господство масскульта; призыв «обогащайтесь!» и воцарившуюся мораль «все на продажу» и «деньги не пахнут» с закономерным возрастанием негативных девиантных проявлений — преступности, коррупции, алкоголизации населения, наркотизма, торговли людьми, суицида⁴⁷¹.

Пожалуй, никогда в человеческой истории *деньги* не имели такого значения. Принцип «обогащайтесь!» стал доминирующим. Тотальная коррупция, «теневая» экономика, глобальная организованная преступность, бесконечные убийства — и все из-за денег, ради денег. Деньги любой ценой! Да, всегда были «скупые рыцари», убивали из-за денег и раньше. Но это не носило столь массовый, тотальный характер. И главное — никакого просвета: богатые становятся сверхбогатыми, бедные беднеют, а относительно благополучный «средний класс» — опора «включенных» стран «золотого миллиарда» — теряет свои позиции, относительно беднеет, сокращается количественно, утрачивает веру в светлое будущее... Отсюда движение среднего класса «Occupy Wall Street!».

Одним из системообразующих факторов современного общества постмодерна является его структуризация по критерию «включенность/исключенность» (*inclusive/exclusive*). Понятие «исключение» (*exclusion*) появилось во французской социологии в середине 1960-х годов, как характеристика лиц, оказавшихся на обочине экономического прогресса. Отмечался нарастающий разрыв между растущим благосостоянием одних и «никому не нужными» другими⁴⁷². Работа Рене Лемуара (1974) показала, что «исключение» приобретает характер не

⁴⁷¹ Подробнее см.: Девиантность в обществе потребления / ред. Я. Гилинский, Т. Шипунова. СПб: Алеф-Пресс, 2012.

⁴⁷² Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. II. Специальный выпуск: Современная французская социология, 1999. С. 140–156.

индивидуальной неудачи, неприспособленности некоторых индивидов («исключенных»), а социального феномена, истоки которого лежат в принципах функционирования современного общества, затрагивая все большее количество людей⁴⁷³.

Процесс глобализации конца XX в. — начала XXI в., как проявление перехода к обществу постмодерна, обострил проблему принципиального и устойчивого экономического и социального неравенства как стран, так и различных страт внутри них.

Процесс *«inclusion/exclusion»* приобретает глобальный характер. Крупнейший социолог современности Никлас Луман пишет в конце минувшего века: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего (уже нынешнего — Я.Г.) столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие — только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра»⁴⁷⁴. Экономическая составляющая процесса включения/исключения представлена, в частности, в трудах Лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица⁴⁷⁵.

Рост числа «исключенных» как следствие глобализации обсуждается в одной из книг З. Баумана. С его точки зрения, «исключенные» фактически оказываются «человеческими отходами» («*wasted life*»), не нужными современному обществу. Это — длительное время безработные, мигранты, беженцы, наркоманы, алкоголики, жители заброшенных деревень и т.п. Они являются неизбежным побочным продуктом экономического развития, а глобализация служит генератором «человеческих отходов»⁴⁷⁶.

Состояние «исключенности» и положение «исключенных» существенно влияет на уровень, структуру и динамику различных проявлений девиантности. Исключенность может служить стимулом *позитивной* девиантности — творчества (технического, научного, политического, художественного)⁴⁷⁷. Но «исключенные» и социальная база *негативных* девиантных проявлений — преступности, пьянства, наркотизма,

⁴⁷³ Lenoir R. Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974.

⁴⁷⁴ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. В: Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 94–108.

⁴⁷⁵ Стиглиц Дж. Цена неравенства. М.: Эксмо, 2015.

⁴⁷⁶ Bauman Z. Wasted lives. Modernity and its outcasts. Cambridge: Polity Press, 2004. Pp. 5–7.

⁴⁷⁷ См.: Творчество как позитивная девиантность / ред. Я. Гилинский, Н. Исаев. СПб: Алеф-Пресс, 2015.

проституции⁴⁷⁸. Так, доля лиц «без постоянного источника дохода» (аналог «исключенных») среди всех совершивших преступления, выросла в России за период вхождения в общество постмодерна с 12% в 1987–1988 гг. до 50% в 1996 г. и далее до 66% в 2013 г., а по убийствам, причинению тяжкого вреда здоровью и изнасилованию — до 72–75%⁴⁷⁹. Как показывают многочисленные исследования, исключенные составляют и большинство *жертв* преступлений.

Особенно задуматься над «прекрасным новым миром» заставляют труды С. Жижека. В «Размышлениях в красном цвете» (явный намек на коммунистическую доктрину), С. Жижек демонстрирует фактически заверченный раскол мира на два полюса: «новый глобальный класс» — замкнутый круг «включенных», успешных, богатых, всемогущих, создающих «собственный жизненный мир для решения своей герменевтической проблемы»⁴⁸⁰ и — большинство «исключенных», не имеющих никаких шансов «подняться» до этих новых «глобальных граждан».

С. Жижек называет несколько антагонизмов современного общества. При этом «*противостояние исключенных и включенных является ключевым*»⁴⁸¹. В другой своей работе, посвященной насилию, С. Жижек утверждает: «В этой оппозиции между теми, кто "внутри", последними людьми, живущими в стерильных закрытых сообществах, и теми, кто "снаружи", постепенно растворяются старые добрые средние классы»⁴⁸². Происходит раскол общества на две неравные части: «включенное» меньшинство и «исключенное» большинство. При этом оба мира неразрывно связаны между собой.

Либеральная, неолиберальная идеология (и практика, реальность!) оказывается столь же утопической, сколь утопическими были многочисленные разновидности социалистической (коммунистической) идеологии (и практики, реальности!). Точно так же, как «пороки» капиталистических отношений с их «достоинствами»: «Парадокс капитализма заключается в том, что невозможно выплеснуть грязную воду финансовых спекуляций и при этом сохранить здорового ребенка реальной эко-

⁴⁷⁸ См. подробнее: Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е издание. СПб: Алеф-Пресс, 2013.

⁴⁷⁹ Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 3-е издание. СПб: Алеф-Пресс, 2014. С. 99; Ежегодники «Преступность и правонарушения». М.: МВД РФ, МЧС РФ, ВС РФ.

⁴⁸⁰ Жижек С. Размышления в красном цвете. М.: Европа, 2011. С. 6.

⁴⁸¹ Там же. С. 342.

⁴⁸² Жижек С. О насилии. М.: Европа, 2010. С. 27.

номики: грязная вода на самом деле составляет "кровеносную систему" здорового ребенка»⁴⁸³. Поэтому (и не только) — «даже во время разрушительного кризиса никакой альтернативы капитализму нет». В результате автором предлагается «расширенное понятие кризиса как глобального апокалиптического тупика, в который мы зашли»⁴⁸⁴.

С. Жижек предвидит и попытку представителей глобальных граждан обосновать капитализм «с человеческим лицом». «Следовательно, пользуясь старомодной марксистской терминологией, главная задача правящей идеологии в нынешнем глобальном кризисе состоит в том, чтобы навязать нарратив, который будет возлагать вину за него не на глобальную капиталистическую систему как таковую, а на ее второстепенные случайные отклонения (слишком слабое правовое регулирование, коррупция крупных финансовых институтов и т.д.). Во времена реального социализма просоциалистические идеологи пытались спасти идею социализма, говоря, что провал "народных демократий" означает провал неподлинной версии социализма, так что социализм нуждается в радикальной реформе, а не в отказе от него. Забавно, что (зачастую те же самые) идеологи, которые высмеивали эту критическую защиту социализма как иллюзию и настаивали на том, что нужно винить саму идею, теперь обращаются к той же самой линии защиты: банкротство потерпел не капитализм как таковой, а его искаженная реализация...»⁴⁸⁵.

В развитом капиталистическом обществе все большему числу людей угрожает маргинализация на рынке труда, полное исключение возможностей найти работу и общественная изоляция⁴⁸⁶.

Можно, конечно, отмахнуться от трудов С. Жижека и его сторонников как «пережитков социализма/коммунизма», но как пренебречь современными реалиями: растущим и принимающим катастрофические масштабы социально-экономическим неравенством, миллионами «исключенных» и соответствующей реакцией — от «цветных революций» и «арабской весны» до массового осеннего движения 2011 г. «Occupy Wall Street!» (движение поддерживают от 40% до 60% американцев!), перекинувшегося на Великобританию, Италию, Испанию и ряд других европейских государств, а также Японию, Корею, Австралию.

⁴⁸³ Жижек С. Размышления в красном цвете. С. 19.

⁴⁸⁴ Там же. С. 8.

⁴⁸⁵ Там же. С. 26.

⁴⁸⁶ Althoff M., Cremer-Schafer H., Loschper G., Reinke H., Smaus G. Integration und Ausschluss: Kriminalpolitik und Kriminalität in Zeitengesellschaftlicher Transformation. Baden-Baden, 2001. S. 29.

Лауреат Нобелевской премии по экономике И. Стиглиц (Joseph Stiglitz) так характеризует, в частности, сегодняшнюю проблему: «Существует глобальный кризис неравенства. Проблема заключается не только в том, что финансовая верхушка получает непропорционально большую часть экономических благ, но и в том, что средний класс не разделяет экономического роста, а доля бедняков во многих странах растет... Экономическая и политическая система, которые не удовлетворяют большинство граждан не могут быть устойчивыми в долгосрочной перспективе. В конце концов, вера в демократию и рыночную экономику будет разрушаться, а легитимность существующих институтов и механизмов будет ставиться под вопрос»⁴⁸⁷. По данным швейцарского банка *Credit Suisse*, в 2015 г. впервые в истории человечества 1% его стал владеть 50% всех богатств, а в 2016 г. 1% населения владеет уже 52% всех богатств. А Россия — впереди планеты всей: 1% ее населения уже владеет 72% богатств страны...

Я далеко не сторонник «всеобщего равенства» (оно возможно лишь на кладбище, точнее — его подземной части, ибо в надземной — от покосившегося деревянного креста до мраморно-каменных замков...), неравенство людей, социальных групп — необходимое условие развитие цивилизации. Но опять же — все «в меру». Условно говоря, когда Индекс Джини, показатель экономического неравенства, 0,2–0,3 (Дания, Норвегия, Швеция и др.) — это «нормальное» неравенство, при котором обеспечивается достаточно благоприятное развитие общества. А когда Индекс Джини 0,4–0,5 и выше (Россия, США, Венесуэла, Бразилия, Гватемала, Намибия, Сальвадор, Боливия, Гаити и Зимбабве) — жди беды....

Вообще «Стратификация является главным, хотя отнюдь не единственным, средоточием структурного конфликта в социальных системах»⁴⁸⁸. И в эпоху постмодерна стратификация общества по критерию включенные/исключенные становится одним из главных, точнее — главным конфликтогенным (девиантогенным, криминогенным, суицидогенным, терророгенным) фактором.

Двуликость свободной экономики, особенно в российских условиях, начинает все больше осознаваться отечественными учеными, журналис-

⁴⁸⁷ Стиглиц Дж. Последствия кризиса // Project Syndicate // URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/global-warming-inequality-and-structural-change-by-joseph-e-stiglitz/russian#D08CbsIizxaCWfib.99> (дата обращения 07.01.2013). См. также: Стиглиц Дж. Цена неравенства. М.: ЭКСМО, 2015.

⁴⁸⁸ Парсонс Т. Общий обзор. В: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 375.

тами, вообще мыслящими людьми. «Рабство якобы отменено, а на самом деле присутствует в нашей жизни в полной мере. Только на место личной зависимости встала зависимость экономическая или социальная... Из шести миллиардов людей, живущих сегодня на планете, лишь самое малое меньшинство имеет право на индивидуальность... Остальные превращены в безликую массу, которая используется в экономике, как мясной фарш в кулинарии... Родившийся рабом, на всю жизнь остается рабом промышленности, которая забирает его тело взамен на уголь или кирпич; родившийся среди серых заборов и фабричных корпусов навсегда остается в этом пейзаже, как раб... Различие между реальным социализмом и реальным капитализмом меньше их основного сходства в отношении к человеку как к рабу на промышленной плантации... Управляющему меньшинству принадлежат не только деньги и не только собственность, но и свобода... Колесо социального прогресса застряло в исторической грязи. Оно крутится на месте... Рабство остается рабством, даже если рабы ездят на работу в собственных автомобилях и отдыхают в Египте в отелях *all inclusive*»⁴⁸⁹. Последняя фраза — не про нас ли с вами, уважаемые читатели?

Ясно, что необходимы нетривиальные идеи и решения сложнейших мировых социально-экономических проблем, связанных со «вторым лицом» современного капитализма. Но надежды на своевременность таких неординарных ходов (как создать не социализм и не капитализм!) невелики. «Хозяева мира» вполне удовлетворены *status quo*. «Исключенные» либо безмолвствуют, либо способны на «беспощадный бунт», не меняющий принципиально порождающих его отношений. Включенный «средний класс» и его идейные представители — либералы и либертарианцы — психологически не готовы отказаться от «благ» рынка и свободной экономики. Тем более, что им есть что терять, и не ясно, что они приобретут со сменой парадигмы и ее практических воплощений.

Между тем, «формирующаяся мировая экономика должна привести к положению, при котором для выполнения всей необходимой работы потребуется всего 20 процентов рабочей силы, а 80 процентов людей окажутся не у дел, т.е. бесполезными потенциальными безработными»⁴⁹⁰. Впрочем, до этого человечество может и не дожить. «Ядерный пепел» становится все большей реальностью. Тем более, что и «правые», и «левые» жаждут насилием изменить мир, построить его «по-своему», т.е. очередное «светлое будущее»...

⁴⁸⁹ Поликовский А. Рабы эпохи хай-тек // Новая Газета, 16.01.2012.

⁴⁹⁰ Жижек С. Размышления в красном цвете. С. 345–346.

Organized Crime in Contemporary Russia⁴⁹¹

Organized crime is a form of a social organization of our society.

Vladimir Ovchinskiy⁴⁹²

I. Introduction

Organized crime is a very topical issue and currently the subject of a lot of research. On the one hand organized crime is the serious danger to society. Criminal structures have access to a lot of wealth and capital, let alone ample experience of cooperating with business enterprises and even some politicians. On the other hand the stripping of a cloak of mystery and myths of Mafia and organized crime is an important task.

II. Contemporary Russian Criminality

Organized crime is a part of criminality. And firstly we will look at the trend of criminality and its types in Russia which may prove astonishing (Tables 1, 2).

We can see:

- The rate (per 100,000 inhabitants) of registered crime decreased in 1963–1965 (it was the time of the Khrushchev's «Thaw») and in 1986–1988 (it was the time of the Gorbachev's «Perestroika»), increased from 816.9 (1987) to 1887.8 (1993) and after a short stable period 1996–1998 increased again to 2700.7 in 2006.

- Reduction in the criminality rate started very unexpectedly and led to a decrease from 2700.7 in 2006 to 2112.0 in 2009.

Unexpectedly for the period of crisis, the rate of criminality has shown a reduction for all main types of crimes (Table 2).

There are two possible explanations to the unexpected reduction of criminality and its types since 2007.

⁴⁹¹ Plywaczewski (Ed.). Current Problems of the Penal Law and Criminology. Warszawa: Wolters Kluwer business, 2012, pp.167–181.

⁴⁹² Vladimir Ovchinskiy — the counsellor of the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, general-major of police (militia) in retirement, Dr. of Law, Professor.

Firstly, it may be that crimes are concealed from registration which is considered commonplace these days.

Secondly, there is a real reduction (especially in homicide cases), observed also in other European countries (*Harrendorf, Heiskanen, Malby 2010*: 16–17, 26, 28, 30; <http://www.nplc.lt/centrov/reng/ren014/ren014.aspx>). It may be assumed that this trend is the continuation of a worldwide change in criminality dynamics: from the well-documented rise in criminality from late 50s of the 20th century to the beginning of the 21st century and a reduction in criminality from the beginning of the 21st century. A special international comparative study of this phenomenon is necessary.

It is possible that a both factors have contributed to this trend.

Table 1.

Crimes, offenders and convicts in Russia (1961 — 2009)

Year	Crimes	Rate (per 1000,000 population)	Offenders	Convicts
1961	534,866	446.5	—	—
1962	539,302	446.1	—	—
1963	485,656	397.7	—	—
1964	483,229	392.2	—	—
1965	483,550	388.7	—	—
1966	582,965	464.5	596,764	—
1967	572,884	452.5	628,463	—
1968	618,014	483.6	626,129	—
1969	641,385	497.6	659,607	—
1970	693,552	533.1	700,685	554,589
1971	702,358	536.6	652,763	574,350
1972	706,294	536.3	698,964	575,056
1973	695,647	524.6	682,399	538,156
1974	760,943	570.4	718,161	579,642
1975	809,819	603.4	753,005	581,035
1976	834,998	618.0	770,473	599,652
1977	824,243	606.5	746,354	525,984
1978	889,599	650.7	782,099	557,564
1979	970,514	705.8	818,746	590,538
1980	1,028,284	742.2	880,908	645,544
1981	1,087,908	779.7	919,001	682,506
1982	1,128,558	803.1	988,946	747,865

Table 1
(continuation)

Year	Crimes	Rate (per 1000,000 population)	Offenders	Convicts
1983	1,398,239	988.1	1,077,802	809,147
1984	1,402,694	984.4	1,123,351	863,194
1985	1,416,935	987.5	1,154,496	837,310
1986	1,338,424	929.9	1,128,439	797,286
1987	1,185,914	816.9	969,388	580,074
1988	1,220,861	833.9	834,673	427,039
1989	1,619,181	1098.5	847,577	436,988
1990	1,839,451	1242.5	897,299	537,643
1991	2,173,074	1463.,2	956,258	593,823
1992	2,760,652	1856.5	1,148,962	661,392
1993	2,799,614	1887.8	1,262,737	792,410
1994	2,632,708	1778.9	1,441,568	924,754
1995	2,755,669	1862.7	1,595,501	1,035,807
1996	2,625,081	1778.4	1,618,394	1,111,097
1997	2,397,311	1629.3	1,372,161	1,013,431
1998	2,581,940	1759.5	1,481,503	1,071,051
1999	3,001,748	2026.0	1,716,679	1,223,255
2000	2,952,367	2028.2	1,741,439	1,183,631
2001	2,968,255	2045.6	1,644,242	1,244,211
2002	2,526,305	1760.5	1,257,700	859,318
2003	2,756,398	1926.2	1,236,733	767,371
2004	2,893,810	2007.2	1,222,504	793,918
2005	3,554,738	2477.6	1,297,123	878,893
2006	3,855,373	2700.7	1,360,860	909,921
2007	3,582,541	2519.0	1,317,582	916,479
2008	3,209,862	2263.6	1,256,199	914,541
2009	2,994,820	2112.0	1,211,978	882,291

Source: Annual «Crime and Delinquency» (1991–2010). Moscow: MVD RF, MJ RF.

Table 2.

Various kind of recorded crimes in Russia (2005–2009)
(<http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/>)

	2005	2006	2007	2008	2009
Homicide (with attempt)	30,362	27,039	21,895	19,740	17,414
Grievous bodily harm	57,863	51,429	47,348	45,436	43,112
Rape (with attempt)	5,865	6,433	6,055	5,902	5,967
Assault with robbery	63,671	59,763	45,318	35,366	30,085
Robbery	344,440	357,302	295,071	243,957	205,379
Theft	1,572,996	1,676,983	1,566,970	1,326,342	1,188,574
Fraud	179,553	225,326	211,277	192,490	188,723
Embezzlement	64,504	65,980	73,489	72,142	67,266
Illegal enterprise	2,716	3,200	3,340	3,267	4,001
Laundering money	524	631	365	319	374
Contraband	4,390	6,926	6,983	7,986	8,506
Terrorist act	203	112	48	10	15
Armed robbery	473	432	38	262	231
Hooliganism	30,041	28,645	20,360	13,589	9,474
Drug-related crimes	44,855	61,596	73,636	83,506	88,414
Abuse of an official position	6,941	6,634	5,852	6,055	6,103
Excess of official authority	8,939	9,185	6,736	5,804	5,541
Reception of a bribe	5,720	6,546	6,788	7,131	7,856
Giving a bribe	4,101	4,517	4828	5,381	5,285

III. Organized Crime in Russia

There are many definitions of organized crime (Abadinsky 1994, Albanese 1995, Arlacchi 1986, Block 1994, Smith 1975 and others). We will use

the definition of *organized crime as the functioning of stable, hierarchical associations, engaged in crime as a form of business, and setting up a system of protection against public control by means of corruption*⁴⁹³.

Organized crime is a form of *business enterprise*. Gary Becker, Nobel Prize winner in Economics, speaks about this in the following way: «Criminal activity is just the same profession or trade as joinery, engineering or teaching which people devote their time to» (Becker 1987). It is chosen when profit (the revenues minus the production costs) exceeds that which legal can be made by persuing a legal occupation.

Are we always in a position to draw a distinction between legal and criminal businesses abiding by the criteria of morality and legality? In Russia, it is hardly possible.

Organized crime is not only the «sum of criminal organizations». It is a complicated social phenomenon, which has influence on the economy and policy of states. Criminal associations are a *kind of social organization* of a “working (labor) collective body” type. The growth of the organizational aspect of crime is a natural, objective process; it is a manifestation of the growth of the organizational aspect of social systems as well as of their sub-systems (the economy, politics, etc.). It is a global, worldwide process.

Criminal business arises, exists and develops under certain conditions:

- demand for illegal goods (drugs, arms, etc.) and services (sexual, etc.);
- unsatisfied demand for legal goods and services (for example, total «deficit» in USSR);
- unemployment and others sources of social exclusion as social base of deviance, including criminality (Finer & Nellis, 1998; Kanfler, 1965; Lenoir, 1974; Paugam, 1996; Young, 1999);
- defective of tax-policy, customs policy of state, etc.

A criminal organization (syndicate) building up a system of organized crime (industry) is defined by the following key characteristics:

- a stable association of people, designed for long-term activity;
- criminal nature of the activity (financial pursuits dependent on criminal activity);
- deriving maximum profits as the key goal of the activity;
- complex hierarchical structure of the organization with its functions delimited;

⁴⁹³ As defined at the International Seminar on Organized Crime held at Suzdal, Russia on 21–25, October 1991, under the aegis of the United Nations.

- the corruption of political bodies and law-enforcement bodies as the main means of the criminal activity;

- aspiration to monopolizing a certain type of trade or on a certain territory.

The high degree of adaptability of criminal associations (resulting from their strict labor discipline, their careful selection of staff, the high profits, etc.) ensures their great vital capacity («the Mafia is immortal!»). For example, Russian criminal organizations recruit only the youngest, bravest and the most enterprising people.

We can see the trend of the *official* data about organized crime in Russia (Table 3).

Table 3

Date for crime of criminal organization (2003–2009)
(<http://www.mvd.ru/stats/>)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Amount of the crimes made criminal organization	25,671	28,161	28,611	30,209	34,814	36,601	31,643
Amount of revealed participant of the criminal organization	10,321	10,713	10,748	11,715	11,543	10,591	10,179
Organization of the criminal community (Art.210 CC RF)	141	224	244	255	337	325	247

We can see such main trends: the increase of some factors of organized crime before 2008 and the reduction in 2008, 2009, which has continued also in 2010.

Certainly, we can not completely rely on the official statistics. However, the changes observed in these indicators in Russia as well as in other countries may be indicative of a *quantitative* reduction of all parameters of criminality during a period of economic and financial crisis. This requires the special studies. But greatly *qualitative* features of organized crime have also changed greatly.

The following short summary of the history of Russian organized crime can help to understand the contemporary situation (Gilinskiy, 1997; Gilins-

kiy, 1998; Gilinskiy, 2002; Gilinskiy, 2006, Gilinskiy & Kostjukovsky, 2004). There are several periods of Russian organized crime.

1. Late 1970–s — early 1980–s

Firstly, late 1970s — early 1980s. It is the period when organized criminality in USSR began. This was mostly small illegal business with legal «co-operative societies», as well as big illegal business under the protection and with the participation of the leader communist party and state authorities, illegal exchange of currency and speculation («*farcovka*»). Scandals involving the illegal manufacturing and sale of cotton, fruit, caviar and fish in the 1970s and 1980s revealed for the first time the close alliances that «*tenevics*» (shady dealers) and other «traditional» criminals had with executive staff and official leaders of the Soviet Republics (the first secretaries of the Central Committees of the Communist Party in Uzbekistan, Azerbaijan, Moldova, Georgia, Kazakhstan were all at some point involved in scandals), the central bodies of Communist Party, as well as government and law enforcement bodies.

2. Late 1980s — mid 1990s

Secondly, late 80s until mid 90s was a period of the formation and shaping of the «persisting» organized crime. For instance, in 1990s in St. Petersburg there were four criminal communities of the mafia type (so-called Tambov's, Azerbaijan's, Chechen's, and Kazan's), some dozens of criminal associations (for example, Komarov's), and hundreds of criminal groups.

These were larger criminal organizations, concerning with racket, drug trafficking, the «protection» (racket) of small and middle-sized business, market trade, sex-business, theft and selling of cars, smuggling of non-ferrous metals across the border (through Estonia), control over gambling, production of and trafficking counterfeit hard liquor. Counterfeiting strong alcoholic drinks is a traditional criminal business. In 1990s it became possible to join with the legal strong drinks production. International brands such as vodka «Absolut», «French» cognac «Napoleon», «Italian» liquor «Amaretto», and other appeared in commercial centres in large amounts. They were produced... in the city and in the area around it. The result of the international cooperation of criminals was that greater amounts of become that greater amount of adulterated strong drinks was produced, but afterwards counterfeited strong drinks were produced. But afterwards the authentic goods (at corresponding prices) were on sale in Russia. These were imported from Poland, Hungary, Holland, and Germany.

The Center of Deviantology (Sociology of Deviance) of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences has been involved in a criminological study into the black market, economy and organized crime since 1993. Business in St. Petersburg and other regions of Russia was divided among the criminal communities. Highly organized informational services enable them to track and monitor all the commercial structures, and the moment when a new commercial structure begins making a profit, it arouses the interest of criminal groups. As one businessman interviewed asserted: «100% of commercial structures are embraced by racket... Racketeering penetrates all the enterprises except those of military-industrial complexes and some foreign firms». One officer of FSB (Federal Service Security) told me: «Criminal associations control about 90% business».

There were two levels of racketeering: tribute money extracted from small kiosks and shops («black racket») and that obtained from commercial enterprises. In the latter case one can distinguish various indirect, disguised types of racket: payments for «guarding», for «service in the field of marketing» in compliance with the contract for «cooperation», or for «services» (for example, recovering debts). The «taking care» by the criminal organizations of commercial structures includes having their representatives on the administrative and managerial bodies.

Based on the information from our respondents, we are in a position to identify the typical situations where businessmen are forced to commit crimes.

One has to bribe in the following situations: when registering business; when renting premises from state bodies; when acquiring licenses for their utilization from state bodies; for obtaining low-interest bank credit; when reporting to tax inspectors; when completing customs formalities; etc.

One has to conceal revenues, since with the current taxation rate amounting to 80–85%, one cannot survive the competition with other firms if one honestly reveals all revenues.

Most of the state-owned business enterprises operating under current conditions find themselves «under the protection» of bandits: they are «guarded» by some gang (band) against other gangs and have to pay «tribute» for that and render (obligatory) services. In particular, criminal organization includes their «representatives» on boards of directors, boards of business enterprises, organizations and banks. Thus legal and illegal business merges.

The rigid normative regulations in some kinds of economic activity and the absence of such regulations in other fields result in businessmen ignoring the law in some cases, and making their own «laws» in others. The synthe-

sis of legal and illegal elements in the country's economy engenders such absurdities as fake goods and services.

Hi-tech crimes are connected with computer engineering, such as bank frauds, but new technologies are also used in such prosaic areas as the counterfeiting of alcoholic beverages, the manufacture of drugs, the theft of automobiles, or the development of new weapons. To some extent it is possible to show that new developments in the field of computer engineering initially pass through criminal structures. Growing attention is being given to attracting scientific staff (chemists, programmers, economists, and lawyers), who today are engaged in criminal business.

The narcotics business is one of the least visible, well-established forms of organized crime in Russia. The struggle against the narcotics mafia is complicated by widespread corruption within the law enforcement and power organizations and the political games Russia plays with the countries which export drugs (Azerbaijan, Chechnya, and the nations of Middle Asia).

Here are some fragments from the interviews of Dr. Yakov Kostjukovsky (the Center of Deviantology) with representatives of the criminal organizations about their activity.

I. (interviewer): What types of criminal business are most popular?

R. (respondent): I think only in 1994 half of the whole metal from Russia was illegally exported. And the other half was sold by official. This was good business! People earned in two–three months enough to last them until now. Truly it was hard work for 25 hours in the day. But the play was worth the candles. The difference in prices here and in Estonia, for instance, was enormous.

Theft and resale of cars is one of the kinds of criminal activity.

I.: Do you get in touch with foreigners?

R.: Yes, of course. We have joint business of cars. It is exchange.

I.: Is it?

R.: Natural. Somebody drives car here, in St. Petersburg, and then the car goes to Holland, and sometimes from Holland here... Generally, it is a whole system in Germany, Poland, France, Hungary, Holland and Russia. It is good exchange! There is international contact.

Here are some specifics in the organization of gambling. In the city functioned «dens» («katran»), where clients play simple gambling games (card games, dice, backgammon, etc.). Gambling involves very big money. Half or more clients are representatives of the «criminal world». Another big part of this business is street gambling. There are «thimbles», «three cards»,

street raffles. Regardless of the rules of the game, the client never wins... Modern organizers of street raffles pay about 20% of their revenues to their criminal group («krysha» — roof) and contractually pay a percent to PPS (patrol service of police). Casinos also join enters the gambling organization.

I.: What about gambling organizations?

R.: If we are talking about casino as a gambling organization... This is very fitting. I can invite a person who is interesting for me to the casino and he will win. He can win so much as I want. This whole situation is pure and beautifully — no bribes, no corruption. A person is lucky, no problems. It is possible to make a great amount of money through the casino without any control. Every time, when there is an action controlling the functioning of any casino (police control) it is possible to find breaches. It is possible to find law-breaking irregularities in all casinos. But who will check it if some governor assistant sits there? In general, it is a win-win situation...

The organization of prostitution is also spreading. Some companies offering massage service, saunas, escort-firms, «call girls» operate in the city. Street prostitution has no clearly marked centers now; it is formed around stations, hotels. Hotel prostitution has existed from Soviet times till nowadays. All hotels of the city are divided between criminals groups. Criminal organizations deal in export of prostitutes across the border.

I.: What about the organization of prostitution?

R.: Prostitution in St. Petersburg is already an industry. And did not happen overnight. There are hundreds of «kontor» (illegal agencies of sex services). The business is more developed in Moscow... In our city the most expensive woman are in pubs, hotels and casinos. Then there are «call girls», girls in saunas, girls in «centers of leisure». Also in... massage salons, make-up salons. Street girls are the cheapest...

I.: And what about children's prostitution?

R.: Sure. This is very expensive. But there are too many drunkards, who are selling their own children. Then it is possible literally for a bottle of vodka too. And when I speak of prostitution in general, certainly, there is male prostitution and gay prostitution too. And males are higher in cost.

I.: What can you say about «business trips»?

R.: Yes, it happens. Moreover, these girls are not always prostitutes. It can be a team of girls for striptease work, or working in service in general. But they are exported to, for example, Turkey and they are forced

to work as prostitutes. They are lucky if they can escape. These stories usually end badly...

3, Mid 1990s to early 2000s

The third period, from mid 90s to early 2000s is a period of the bloom of «traditional» organized crime and of its gradual introduction into the organs of power and legal business.

Criminal organizations display a keen interest in *privatization*. One of our respondents said: «Their goal is to take hold of real estate». They obtain information about forthcoming auctions, come to the auctions with their armed men and decide who buys what property and at what price. Active rivals from legal businesses are requested to abstain from buying in order to avoid trouble.

The *guns trading* business has been very widespread and profitable since the mid 1990s. The Russian Army operates in hard economic conditions. Larceny of technicians and weapons from units becomes a regular channel of weapons coming onto the illegal market.

The illegal *drugs market* is being developed and changed. Before it was cannabis and poppy straw in the first place, now it is heroin, and exotic cocaine which appeared earlier. Criminal organizations of St. Petersburg actively co-operate with regional representatives of organized crime, including foreign organizations, which deal with growing, production, and the trafficking of drugs to the city.

Russian criminal organizations have different dimensions, organizational structures, specialization, but a unified, general essence: illegal enterprises.

The following elements are typical of organized crime in this period:

- its widespread sphere of influence (they control over 40–60% of the country's enterprises and 60–80% banks);
- a very high profit (“super-profit”) derived from criminal activity;
- organized crime performs some of the functions of law-enforcement bodies: «arbitration», «enforcement of rulings (verdicts)», «executive functions», protection rackets — the so-called «*krysha*» (roof), etc.
- total corruption of power, administrative and law-enforcement bodies at all levels;
- a wide social basis for organized crime, because, firstly, many idle hands are available among youth, and, secondly, in Russia legal business activity is impossible due to corruption, high taxes, criminal mentality and social anomie;
- the great extent to which violent methods are used;

- the new tendencies: striving for the legalization of criminal activity; laundering money; transition to legal and semi-legal activity; infiltration of legal business and of the power structure;
- the politicization of organized crime and the criminalization of politics and the economy.

4. The contemporary period

The fourth period, it is the contemporary one (from the early to mid 2000s) with unique particularities, which cannot be explained from the point of view of the usual features of organized crime.

Below I cite my interview (2005) with the police officer of a unit specialized in fighting with organized crime (UBOP).

I.: What do you think about contemporary Russian organized crime?

*R.: It isn't! There are we, «ment'y»⁴⁹⁴! Who are the «*krysha*» [roof], who «protect» the stalls, the market, «points»⁴⁹⁵? They are ment'y... Today all small trade enterprises, small and middle-sized business are under menty's roof. Bandit won't come close!*

The Police officer from the internal safety unit (in Russian USB) confirms (2005):

I.: Is it really so that the police is replacing bandits in providing this «protection» now?

R.: Yes, of course. Not even individual police officers or groups of policemen, but whole police subdivisions under the direction of the chief of the subdivision.

This situation isn't unique, but universal. We have now Russian police (militia) as an organized criminal group (community) — OCG. And this is not surprise. Many newspapers, journals and internet blogs publish reports daily on the actions of the police (militia) as organized criminal groups in different regions of Russia.

So, militia: «*crishuet*» (protected) small and medium-sized business, as well as retail drug business; protects criminal «authorities»; does nothing to counteract criminal organization etc. Besides, recently militia has taken part in a «*black raid* (usurpation)»; a seizure of a criminal structure or of a legal businesses, successful enterprises and companies. Perhaps the financial crisis has accelerated and enlarged the scale of the usurpation of someone

⁴⁹⁴ «Ment» — it is slang name of a policeman such as «bobby» or «cop».

⁴⁹⁵ «Point» — it is slang name of the place of the retail sale of drugs.

else's businesses. Of course, organized crime and various organized criminal groups exist in contemporary Russia. But they are usually connected with the local police body, they are found under its «roof», its protection.

Criminal organizations, like other social organizations, strive to exert influence on the state power and to exercise control over it (through lobbying, bribery, infiltration of their representatives into power structures, etc.).

Criminal authorities become city mayors (criminal boss Gennadiy Konyahin was the mayor of the city Leninsk-Kuzneck, Vladimir Nikolaev or «Winnie-the-Pooh» was the mayor of the city Vladivostok), or deputies in local organs of power (leader of the criminal organization «Uralmash» Dr. Alexandr Chabarov, leader of the criminal organization in Krasnodarsky region Dr. Sergey Capok).

Many criminal organizations function in different regions of Russia under the reliable «*krysha*» (roof) of police body. This provides the possibility for a criminal to operate for many years without detection (the criminal group of Sergey Capok in Krasnodarsky region, criminal group of Kozaev in Sverdlovsky region, criminal group of Alexandr Trunov in Novosibirsk region, and so on).

More and more information is also becoming available on the lobbying of some representatives of state bodies by the mafia. Consequently, we confront a criminalization of business in combination with an economization and a politicization of crime.

For example, there is contemporary case of «Kuschevskaya phenomenon».

Kuschevskaya is a large cossack's village («*stanicha*») in Krasnodar Region in the south Russia. The population of this *stanicha* is more than 35 000 people.

On 5th November 2010 in Kuschevskaya 12 persons were killed in one house, including four children, one of them 9 month old. This situation is not unique, but this event struck the whole Russia. The patience of many millions of the people, living in small towns and villages may have come to an end.

The counsellor of the chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, a retired general-major of militia, Professor Vladimir Ovchinsky told the newspaper «Moskovsky Komsomolets» on 25.11.2010 and the journal «Ogonjok» on 22.11.2010:

«Kuschevskaya is not anomaly, but a mirror of the whole situation in Russia with organized crime. The leading law-enforcement organ constantly report about a reduction in criminality, manipulates the statistical data, massively conceals the crimes, but in this time gangs run rampant in all region of the Russia... The main question is: why so many years did the enormous gang S. Capok operate in Kuschevskaya with impunity? There were suspi-

cions of many crimes, including a murder of a farmer, a murder of a girl and hundreds of rapes. The people were practically starved, as in a concentration camp. And they had to keep quiet, because they were afraid. The gang's leader was a local deputy. He fell under the influence of the young deputy's circle. There is no one now to fight with the largest groups. Before the tragedy in Kuschevskaya its gang had a lucky streak in the city Miass. The Gang of Kozaev terrorized the city of Berezovsk in the Sverdlovskaya area for several years. It was not until the disturbances, organized by the people after the death of the gang leader, which compelled the authorities to react, that the situation changed.

The lawsuit against the leader of the largest national criminal community "Obschak" in the Seaside Region (Russian Far East) went on for several years. "Obschak" had more than 5000 active members. It was not simply a gang but a criminal army. The Chair of the Investigation Committee of Russia Management of the Investigation Committee to Russia fired the chief of the Investigation committee on Khabarovsk Region and his deputy for a breach of the oath. This is the story of what happened before! Not so long ago the Sverdlovskaya area was run by the gang of Chudinov. The gang forced girls aged 12–15 to prostitution. If one did not agree, she was strangled and the dead bodies were buried in the woods. Only accidentally, one of the inhabitants of the town of Tagil found that grave with 15 dead bodies. This was a real shock to the society! The crime was revealed quickly, just like in the case of Kuschevskaya. But before that there had been no reaction to the lost girls for several years. But is it surprising that one criminal could operate against all the officers of the militia, controlling even the public prosecutor? No. They created the perfect conditions for criminal activity which remained unpunished, not a single person was held responsible...

The bandit operated fully confident in his impunity. Besides him there were many others involved in this activity which lasted for 20 last years in the large cossack village Kuschevskaya, and in nearby areas, where the gang was known as "capoks" — an organized criminal group (OCG) whose name comes from the surnames of its founder. They robbed, terrorized beat, and killed. After all these murders were obviously not the first for this OCG — in Kuschevskaya alone there are many unsolved murders, including the murder of the farmer Valeria Bogacheva, murder of the members of the local administration of Boris Moscovitch. The leader of the gang — Sergey Capok (some versions of the story say he was a murder on request) was "expensive" in the region. He was a deputy of Kuschevskaya region. The Gang of Capok began its operations in the 90s. This is a criminal organization with

branches in many cossack villages of the region also in possession of several legal business — a scattered network of farms, safety structures, where the group's personnel prepared the instructors of the special police».

In the Republic Bashkortostan criminal organization influenced the chief of the department of special expert operations — expert of criminal law centre under the republican Ministry of Internal Affairs (MVD) Leonid Dayanov, who created the criminal community for drug trafficking involving 15 people.

The criminal community of thieves then expanded to St. Petersburg encompassing about 40 persons, six out of whom were policemen.

In Chelyabinskaya area a large OCG involved in insurance fraud was exposed (32 persons, out of whom 11 persons were militia officers). They prepared forged documents, in which they stated that there had been a car accident, and as a result they got the damages for the car. The documents were given to insurance companies for the purpose of collecting the payments.

Gennady Gudkov, deputy head of Committee of Security of Gosduma (Russian Parliament — Y.G.), a retired colonel of FSB wrote to the «Russian Newspaper»: «Crime in large cossack village Kuschevskaya has shown not only the crisis of the law-enforcement system, but also the crisis of authorities... All gangs exist only because they are protected ("cryshuet") by the law-enforcement organs».

Writer D. Bykov asked:

«Why did the landlords of Kuschevskaya become criminals? Why the governor of the region Mr. Tkachev, did not undertake any measures to overcome this situation? Why did thirty five thousand people silently tolerate the robberies, the rapes, the stealing? Why did one hundred twenty million people, including children, peacefully and silently accept that they were deprived of the basic rights, liberties, hope, incentives, culture, and even freedom of thought? They were all afraid, but there is no one power, especially in the present, capable of inciting such terror. They were afraid that against such power all efforts were pointless and useless. Generally speaking, all these people were certain that the way things are is the way things must be. That Russia has not changed and cannot change. Their fear is not of the sheer terror spread by the bandits or even of their power. It is founded in deep internal consciousness that a society which has undergone any change will always be built in the same way. And they do believe that after the final meeting of the committee Gosduma (Russian Parliament — Y.G.) on safety a new gang, a new S. Capok, will appear in large cossack village Kuschevskaya, perhaps this time with the blessing of the highest powers in the country». (Profil, 22.11.2010).

On 27th November 2010 in Engelsky region in the Saratovskaya area ten participants of organized criminal community were detained. They had committed many felonies, including murders in the 1990s, at the request chapters of the head of the administration of the region, Michail Lysenko. Other representatives of the administration of the region also took part in the activities of the organized criminal group. The group was also well armed (<http://news.mail.ru/incident/4860592/>).

The advisor of the chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation, a retired general-major of the militia, Professor Vladimir Ovchinsky spoke on the radio «Liberty» on 19 November 2010: «The situation with organized forms of criminality is critical... If in 1990s organized criminal groups struggled for power, they now control the authorities from the inside». The Head of the Central electoral commission of Russian Federation, Mr. Vladimir Churov, has said recently: «the attempts of the criminal structures go as far as to get their candidate onto the election list and even to participate in the electoral commissions».

Moreover, the Ex-President of the Russian Federation Mr. D. Medvedev spoke about «the joining of the police bodies and organs of power with the criminal world»⁴⁹⁶. And the Chairman of the Constitutional Court of Russia Prof. V. Zor'kin write: «the joining of the authorities with crime... is not unique... Our state will change from being criminalizing to being criminal»⁴⁹⁷.

Of course, it caused unrest and increased competition in the criminal world. As result on 12.09.2009 Vyacheslav Ivan'kov («Yaponchik») was killed, and Aslan Usoyan («Grandparent Hasan») was gravely wounded on 16.09.2010.

It is difficult to understand it all, especially for someone who does not live in Russia, and has not studied the problem of authorities, police bodies and organized crime. There is no organized crime in the traditional understanding of the term. This is criminalizing police body (certainly, not all policemen), «legal» criminalizing business, institutions of power, which joined with the leaders of criminal organizations.

What are the causes of the development of the «new type» of organized crime in Russia? Here are some reasons for this:

- There is enormous social-economic inequality.
- A very big part of population (more than 70%) is very poor.
- Many young people do not have work, education, profession or money.

⁴⁹⁶ «Russian Newspaper», № 5350, 1 December 2010.

⁴⁹⁷ «Russian Newspaper», № 5359, 10 December, 2010.

- There are many goods and service in contemporary Russia (expensive motor vehicles, expensive restaurants, possibility to cross the border, and so on), but the majority of the population has no access to them.
- There is rampant corruption of all state organs including the police.

IV. Conclusion

There is new state, a new form of the Russian organized crime. It is an amalgamation, union of criminal organizations, business (legal and semi-legal), power structures and police. The indivisible network of criminal, political, business and police structures control the country, its regions, and decide the fate of the country.

The main problem is: It is unrealistic to expect real and successful action against organized crime during the economic, financial, social and political crisis and *real* instability, and in the face of total corruption among all the power structures (federal and regional), the police and the courts.

References

- Abadinsky, H. (1994), *Organized Crime*. Chicago, Nelson Hall, 4th edn.
- Albanese, J. (2000), *Organized Crime: The Mafia Mystique*. In: J. Sheley (Ed.) *Criminology. A Contemporary Handbook*. Wadsworth Publishing Company.
- Arlacchi, P. (1986), *Mafia Business. The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism*. London, Verso.
- Becker, Gary (1987). *Economic Analysis and Human Behaviour. Advances in Behavioural Sciences*. Norwood (NY): Ablew Publishing Corporation. Vol. 1.: 3–17.
- Block, A. (1994), *Space, Time and Organized Crime*. New York, Transaction Publishers.
- Crime and Delinquency. Statistical Review* (2009). Moscow: MVD, MJ (in Russian).
- Finer, C., Nellis, M. (Eds.) (1998) *Crime and Social Exclusion*. Blackwell Publishers Ltd.
- Gilinskiy, Y. (1997), *Organized Crime in Russia: Theory and Practice, Security Journal*, 9, 165–69.
- Gilinskiy, Y. (1998), *Organised Crime: The Russian and World Perspective*. In: K. Aromaa (Ed.) *The Baltic Region. Insights in Crime and Crime Control*. Oslo: Pax Forlag A/S, 168–182.

- Gilinskiy, Y. (1998a), *Economic Crime in Contemporary Russia, European Financial Services Law*, 5, 60–5.
- Gilinskiy, Y. (2002), *Organized Crime: A Perspective from Russia*. In: J. Albanese, D. Das and A. Verma (Eds.) *Organized Crime: World Perspectives*. NJ: Prentice Hall, 146–164.
- Gilinskiy, Y. (2006) *Crime in Contemporary Russia, European Journal of Criminology*. Vol 3, 3: 259–292.
- Gilinskiy, Y., Kostjukovsky, Y. (2004), *From Thievish Artel to Criminal Corporation: the History of Organised Crime in Russia*. In: C. Fijnaut, L. Paoli (Eds.) *Organised Crime in Europe. Concepts, Patterns and Control Policies in the European Union and Beyond*. Springer. Vol. 4: 181–202.
- Harrendorf S., Heiskanen M., Malby S. (Eds.) (2010) *International Statistics on Crime and Justice*. Helsinki: HEUNI.
- Lenoir, R. (1974) *Les exclus, un français sur dix*. Paris: Seuil.
- Smith, D. (1975), *The Mafia Mystique*. New York, Basic Books.
- Young, J. (1999) *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. SAGE Publications.

Internet resources

- URL: <http://www.abird.ru/articles/unemployment>
- URL: <http://www.nplc.lt/centrov/reng/ren014/ren014.aspx>
- URL: <http://crimpravo.ru/page/mvdstatistic/>
- URL: <http://www.mvd.ru/stats/>
- URL: <http://vsekommentarii.com/news/2010/02/16/2039564.htm>
- URL: <http://news.mail.ru/incident/4860592/>

The Criminal Justice System and Police in Russia: General Overview⁴⁹⁸

Introduction

Criminal justice and police systems are the result of the common social, economical, cultural, and political state. The contemporary Russian criminal justice system and police have complicated history. There are two main sources of the system: first, the old Tsar's system as part of the so-called *continental* legal system and second, the Soviet "socialistic" system.

It is clear that the communist regime was absolutely terrible. As a result of the unique experiment to establish a social utopia, the country was thrown onto the path of civilization⁴⁹⁹.

Gorbachev's *«Perestroika»* (reconstruction) was a necessary attempt to save the power structures by way of reform. A similar attempt was by Khrushchev (*the «Thaw»*). However, every attempt finished with the political death of its propagators and was followed by stagnation or reaction. With all due credit to Gorbachev, his reforms turned out to be the most radical (freedom of speech, freedom of the press, the multi-party system, the right to hold private property, the lifting of the Iron Curtain, the release of those states occupied by Stalin — Latvia, Lithuania, Estonia, etc.). However these reform did not bring an end to the Soviet nightmare.

The disintegration of production and economy continuing. Power still returned to the ruling nomenclature (with new «oligarchs» and criminals); corruption, common in Russia, has taken on a monumental role in all organs of power, establishment and law-enforcement bodies; crisis in the health, education, transport and other social services; crises of spirituality and morality continues; and the militarization of economics and politics also continue.

⁴⁹⁸ Obi N.I. Ebbe (Ed.) *Comparative and International Criminal Justice Systems. Policing, Judiciary, and Corrections*, Third Edition. CRS Press, 2013, pp. 135–147.

⁴⁹⁹ The slogan on the gate of the Solovki camp of GULAG reads: «Happiness for Everyone trough Violence».

There is now a growth in the role (importance) of the power structures — FSB (the former KGB), MIA (Ministry of Internal Affairs), and other. The war in Chechnya is a terrifying evidence of neo-totalitarianism. The country also permits human rights abuses on a large scale, particularly in the army and those penal institutions where tyranny and torture dominate (Abramkin, 1998; Christie, 2000: 79–90; *Index on Censorship*, 1999; Walmsley, 1996: 358–386). Nationalist, anti-Semitic and neofascist groups operate with impunity and meet with no resistance. Attacks against mass media in opposition began in 1999–2000 and continues to date.

The ever-growing economic polarization of the population — visible in the stark contrast between the poor majority and the nouveau riche minority (the «New Russian») — is a guaranteed source of continuing social conflict. The *official* unemployment rates in Russia were as follows: 1992 — 4.8% of the able-bodied population; 1993 — 5.5%; 1994 — 7.4%; 1995 — 8.9%; 1996 — 9.6%; 1997 — 11.9%; 1998 — 13.3%; 2003 — 8.9% (*Human Development Report*, 1999: 57; *Questions of Statistic*, 2004: 31). Today, unemployment in Russia stands at 5.2%. From 2002 to 2012 the average unemployment rate was 8.3% (Trading Economics 2013).

Technological backwardness and the absence of competition in domestic production and the service sectors have manifested themselves in the course of the reforms. A consequence of this is the inferiority complex of employees, their de-qualification, marginalization and lumpenization. The excluded population in the face of corruption engages in deviances, including crime (Lenoir, 1974; Paugam, 1996; Finer and Nellis, 1998; Young, 1999).

Legal system

According to the Constitution of the Russian Federation (Russia) there are levels of legal institutions (*Art.118, Part 2*):

- The Constitutional Court of the Russian Federation
- The Supreme Court of the Russian Federation
- Courts of the subjects of the Russian Federation (Supreme Courts of the smaller republics in remote parts of the Russian Federation); regional — «*krai*», «*oblast*», «*autonomous regions*» courts; Moscow and St. Petersburg city court
 - Area (district) and city courts
 - Martial courts
 - Arbitral courts (the Supreme Arbitral Court of the Russian Federation; arbitral courts of the subjects of the Russian Federation).

The goals of the Constitutional Court of the Russian Federation are protection of Russian sovereignty; defence of the constitutional structure; defence of the general rights and freedoms of population; and guarantee of the application of the Russian Constitution in all territories of the Russian Federation. Martial courts are included in the common legal system. The arbitral courts resolve disputes between juridical persons.

It is a pity, but contemporary Russian judicial system is not independent. First, many judges are very corrupted. Secondly, many courts depend upon politicians and power. For example, often the Basmany court would decide a case in favor of a power base. «*Basmany court*» is now common jargon for lack of independence and injustice in the Russian justice system⁵⁰⁰.

Finally, there are the «*mirovye sud'i*» (magistracy). They try cases that are not very important (administrative and civil delicts, minor criminal delinquency).

The Office of Public Prosecutor

The goals of this institution are protection of the law's leadership and the unanimity of law; defence of the rights and freedoms of people; and defence of the legal interests of society and the state. The organizational basis of the Office of Public Order is the principle of one-man management. The General Prosecutor is the head of the Office of Public Prosecutor. There is an Office of Public Prosecutor in each region, city, and district of the Russian Federation. The important functions of the prosecutor are common supervision of public order and legality, criminal investigation, and prosecution of cases.

There is an Advocatory Chamber (the Bar) in each subject of Russian Federation. The Bar is independent of the government and includes advocatory collegiums, juridical offices, and individual barristers. There are three new organizational forms of the Bar, while only advocatory collegiums existed in the former Soviet Union.

System of Government

Russia has an area of 6,593,000 square miles. The population in 2011 was 141,930,000, and in October 2012, the population was 123,300,000. In 2010, ethnic Russia constituted 81% of the population (World Bank 2012).

⁵⁰⁰ Basman is one of a number of districts of Moscow.

The contemporary Russian Federation (Russia) came into existence in 1991 after the breakdown of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR). Russia includes 21 *republics* in the remote regions of the Russian Federation, six *krai* (large regions or territories), fifty *oblast* (provinces or regions), one *autonomous area* (Chukotsk) and two *cities* under federal administration (the capital Moscow, and the former capital St. Petersburg). Moreover, seven *Federal Okrugs* (Central, North–Western, Southem, of the Volga, Ural, Siberian, and Far–Eastern) were recently constituted. Every Federal Okrug includes some regions. The representative of president is the head of each Federal Okrug. It is a realization of the idea of the consolidation of the central power («*power's vertical line*»).

According to the Constitution of the Russian Federation there are division of powers. The *president* of the Russian Federation is head of state. The Russian Federation is a presidential republic with powerful presidential power. Moreover, there are presidents in the republics in the organic parts of the Russian Federation (Bashkiria, Dagestan, Tatarstan and others).

Federal legislature is a parliament (Federal'noe Sobranie — Federal Assembly) of two chambers: upper chamber, the «Sovet Federatsiy» (Council of Federation) and lower chamber «Gosudarstvennaja Duma» (State Duma⁵⁰¹). There are also parliaments in the republics of Federation.

Federal executive power is exercised by a government with a Prime Minister. Regional executive power is exercised by a governor (or mayor in a city) with a government (administration).

Unfortunately, many criminals are part of the contemporary power structures, such as the former mayor of Lenin–Kuznetsk, the former governor of the Nizhny Novgorod region, the mayor of Vladivostok, the former head of department of the St. Petersburg's administration, many «assistants» of the deputies of the Duma, and so on.

Crime and Deviance

Crime

We are obliged to use official statistical data, because federal victimological survey is absent. Official police crime statistics are not reliable. The correct number and rates of crime are much more than the official statistical data in all countries. But since 1993–1994 there is mass cover–up of crimes

⁵⁰¹ «Duma» is the old Russian term from Russian «dumat» — to think, to brood.

that are not being registered (Gavrilov, 2001; Gilinskiy, 2002: 46–48; Luneev, 1997: 145). For example, the clearance rate in Russia is almost impossible to achieve (table 1). The data of murders cept by medical departments (*World Health Statistics*, 1996) are more reliable than police data (1992 — 22.9 and 15.5; 1993 — 30.4 and 19.6; 1994 — 32.3 and 21.8).

The trend of registered crimes from 1985 till 2002 is presented in tables 2, 3, 4. The main tendencies are as follows:

- The rate (per 100,000 inhabitants) of registered crime decreased in 1986–1988 (time of Gorbachev's Perestroika), increased from 817 (1987) to 1863 in 1995 and, after a short period (1996–1998), increased to 2051.4 in 1999.
- The rate (per 100,000 inhabitants) of murders (including attempted murders) decreased in 1986–1988 (to 6.3 in 1987), increased from 6.3 in 1987 to 21.8 in 1994 and, after a short time period, went down in 1995–1997, and increased to 22–23 in 2001–2003.
- The dynamic in the rate of others crime is analogous — minimum during Gorbachev's period, increased in 1994–1995, transitory cutting down and increased again in 1998–2003. The process of lowering of the crime rate was due to the “Thaw” of Khrushchev too.

The *rate of violence is very high* in Russia. The official rate (per 100,000 populations) of homicide increased from 6.6 in 1987 to 23.1 in 2001, and more than 22 in 2002–2003. By comparison, the rate of homicide on average per year in 1999–2001 was: Australia — 1.9; Austria — 1.2; Finland — 2.8; France — 1.7; Germany — 1.1; Japan — 1.0; Netherlands — 1.5; Norway — 0.9; Poland — 2.0; Spain — 1.1; Sweden — 1.1; USA — 5.6 (*Barclay and Tavares*, 2003: 10).

The rate of grievous bodily harm increased in Russia from 13.9 in 1987 up to 39.9 in 2003 (45.7 in 1994).

There are many causes of violence in Russia. The main ones are as following:

- The *geographical* factor. Russia is very large country. Russian people had the power to conquer, establishing their power over larger territories.
- The *historical* factor, including the Byzantine heritage and the Soviet regime. For example, the Byzantine bishops persuaded Russian Prince Vladimir to put the death penalty into operation.
- The *political* factor. Russia has never been a democratic state, and never experienced the rule of law. Instead, it has experienced a centuries-long tradition of despotism and totalitarianism. The extent of repressing the people in the Soviet period could be compared with genocide. The Soviet regime killed more 61.9 million people from 1917 to 1987 (*Kressel*, 1996).

- The *economic* factor. The Russian people have always been poor. Considerable social and economic inequality always existed in Russia. The constantly growing economic polarization of the contemporary population — visible in the stark contrast between the poor majority and the nouveau rich minority (the «*New Russian*») — is a long-term source of continuing social conflict, envy, and violence.

- The *cultural* factor. Historical, political, and economic factors helped form Russian culture and mentality which is repressive and intolerant, with a tradition of violence. Russian proverbs attest to it, and popular tales reflect it.

- The *juridical* factor. Contemporary criminal legislation and practice of the police, the judiciary, and prisons are very strict and repressive, including use of mass torture. Violence gives rise to more violence.

Table 1

Detection of Crime (in %) in Russia (1992–2003)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Total	446,9	550,6	559,6	664,5	770,1	772,2
Criminal police			551,9	555,4	660,8	664,6
MPS*			991,3	994,4	996,9	993,9

	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Total	774,4	773,4	775,6	669,7	660,9	555,1
Criminal police	666,8	665,5	667,9			
MPS*	994,7	995,4	995,4			

Source: Crime and Delinquency. Statistical Review. Annual. Moscow: MVD RF, MJ RF; State of Crime in Russia. Annual. Moscow: MVD RF.

*Militia (police) of public safety.

Table 2

Dynamic of the rates (per 100 000 inhabitants) of General Crime in Russia (1985–2003)

1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993
989.8	929.2	816.9	833.9	1098.5	1242.5	1463.2	1856.5	1887.8

1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
1778.9	1862.7	1778.4	1629.3	1759.5	2051.4	2028.3	2039.2	1760.5	1924.8

Source: Crime and Delinquency. Statistical Review. Annual. Moscow: MVD RF, MJ RF; State of Crime in Russia. Annual. Moscow: MVD RF.

Table 3

**Rate (per 100 000 inhabitants) of Serious Violent Crimes in Russia
(1985–2003)**

	Premeditated homicide (including attempted homicide)	Grievous Bodily Harm
1985	8.5	19.9
1986	6.6	14.7
1987	6.3	13.9
1988	7.2	18.2
1989	9.2	25.0
1990	10.5	27.7
1991	10.9	27.8
1992	15.5	36.2
1993	19.6	45.1
1994	21.8	45.7
1995	21.4	41.7
1996	19.9	36.2
1997	19.9	31.4
1998	20.1	30.8
1999	21.3	32.6
2000	21.9	34.2
2001	23.2	38.5
2002	22.5	40.7
2003	22.1	39.9

Source: Crime and Delinquency. Statistical Review. Annual. Moscow: MVD RF, MJ RF; State of Crime in Russia. Annual. Moscow: MVD RF.

Table 4

**Rate (per 100 000 inhabitants) of Crimes Against Property in Russia
(1985–2003)**

Year	Theft	Robbery	Assaults with robbery
1985	324.7	29.9	5.8
1986	264.4	21.8	4.2
1987	251.1	21.0	3.9
1988	327.2	29.9	5.5
1989	512.1	51.0	9.9
1990	616.8	56.3	11.2
1991	837.3	68.8	12.4
1992	1110.2	110.9	20.4
1993	1065.2	124.3	27.0
1994	888.4	100.4	25.6
1995	924.6	95.0	25.5
1996	818.0	82.2	24.3
1997	716.3	76.2	23.3
1998	779.2	83.4	26.2
1999	966.2	95.0	28.1
2000	900.0	91.0	27.1
2001	879.2	102.8	30.9
2002	645.8	116.5	32.8
2003	803.6	138.3	33.9

Source: Crime and Delinquency. Statistical Review. Annual. Moscow: MVD RF, MJ RF; State of Crime in Russia. Annual. Moscow: MVD RF.

Drug abuse

The real situation of drug use and drug addicts is not known. The official data of drug-related crime is presented in tables 5. We can see that this rate increased from 8.6 in 1988 up to 167.3 in 2000 and decreased to 126.9 in 2003.

The official rate of drug and heavy substance users in Russia increased from 25.7 in 1985 up to 195.7 in 1998. The official rate of drug addicts increased from 1.3 in 1980 to 31.0 in 1997 (*Human Development Report in the Russian Federation*, 1999: 69). Most of offenders of drug-related crime (80–90%) were convicted for actions *without* intention to sell (table 6). Consequently, the «war on drugs» is a «war on drugs users»... The Russian drug police is ineffective and there is extensive drug trafficking (*Gilinskiy, Zazulin*, 2001; *Paoli*, 2001).

Organized crime

There are too many definitions of organized crime (*Abadinsky*, 1994; *Albanese*, 1995; *Arlacchi*, 1986; and others). We will use the definition of *organized crime as the functioning of stable, hierarchical associations, engaged in crime as a form of business, and setting up a system of protection against public control by means of corruption*.

Organized crime is not only sum of criminal organizations. It is a complicated social phenomenon, which has an influence on the economy and the policy of states. The growth of the organizational aspect of crime is a natural, objective process; it is a manifestation of the growth of the organizational aspect of the social systems as well as of the sub-systems (the economy, politics, etc.). It is a global, world wide process.

Table 5

Rate (per 100.000 inhabitants) of Drug-Related Crimes in Russia (1990–2003)

1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
10.9	13.0	20.0	35.8	50.5	54.0	65.5

1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
126.3	129.6	147.9	167.3	166.0	132.1	126.9

Source: Crime and Delinquency. Statistical Review. Annual. Moscow: MVD RF, MJ RF. State of Crime in Russia. Annual. Moscow: MVD RF.

Table 6

Convicts for Drug-Related Crimes in Russia (1989–2001)

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995
Total	5107	6977	9265	10366	18836	28455	38560
Including: for drug-related actions with intention to sell or selling	290	502	712	783	1448	2665	3734
for drug-related actions without intention to sell (only for use)	4525	6092	8310	9517	17137	25441	34421
for illegal sowing drug plants	7	16	16	11	36	116	121
for maintenance of den	21	52	22	29	48	71	116
To deprivation of freedom (% from total)	45.6	46.6	42.8	40.0	36.6	43.2	43.3

	1996	1997	1998	1999	2000	2001
Total	45675	65266	101510	108290	99114	126858
Including: for drug-related actions with intention to sell or selling	4602	20257	29518	27064	26367	32154
for drug-related actions without intention to sell (only for use)	40485	43800	70291	78798	69974	91572
for illegal sowing drug plants	168	762	1193	1860	2295	2622
for maintenance of den	140	157	247	294	287	275
To deprivation of freedom (% from total)	38.2	32.7	38.0	36.8	43.0	37.7

Source: Crime and Delinquency. Statistical Review. Annual. Moscow: MVD RF, MJ RF

Criminal business arises, exists and develops due to by certain conditions:

- Demand for illegal wares (drugs, arms, etc.) and services (sexual, etc.)
- Dissatisfied demand for legal wares and services (for example, total deficit in USSR)
- Unemployment and others sources of indigency as social basis of deviance, including criminality
- Defects in tax-policy, customs policy of state, etc.

The high degree of adaptability of criminal associations (resulting from their strict labor discipline, their careful selection of staff, the high profits, etc.) ensure their great vital capacity («Mafia is immortal!»). For example, the Russian criminal organizations recruit only the youngest, bravest, and the most enterprising persons.

Contemporary organized crime in Russia began during the 1970–1990 period; that was when some kind of contact was established and collaborations initiated between traditional white-collar criminals, corrupt part functionaries, and the criminals, including old «*thieves-in-law*»⁵⁰² and the new generation of «*bandits*» or «*sportsmen*». This new generation of bandits is made up of young men who were not in the criminal population during the Soviet regime, and, who at the collapse of the Soviet Union, joined some former KGB elements in organized crime and commingling all kinds of vices. Criminals of the new generation showed energy, activity, and cruelty in deciding a conflict situation that has allowed it to quickly occupy a place under the sun in the criminal world. Contemporary organized crime is a result of this process of amalgamation of the old «*thieves-in-law*» and «*tsekhoviki*» (shady operators) with new «*bandits*» and corrupt representatives of power structures, oriented to the pursuit of heightened levels of illegal (or legal or semi-legal) profit.

The Russian criminal organizations have differently dimensions, organization structure, and specialization, but are united in illegal (criminal) enterprise. The main fields of activity of criminal organizations in Russia are bank speculations (shady transaction), fictitious real estate transaction, stealing and reselling cars, illegal export of non-ferrous metals, production of and traffic in fake hard liquor, arms sales, control over gambling, agen-

⁵⁰² «Thief-in-law» is a professional thief or a swindler who has chosen crime as a way of earning his living, well known in the criminal world, and obeying the «law of the thieves», a special code for criminals — and observing and protecting it in the prisons. In the criminal world of thieves existed the «*obschak*» — general cash desk.

cies for supplying sexual service, drug trafficking, and laundering money (Gilinskiy, 2003: 146–164).

Corruption

There are too many *definitions* of corruption. Perhaps the shortest (and precise) definition is: «*the abuse of public power for private profit*» (Joseph Senturia). The UNO offers as analogous definition (Resolution 34/169 of the General Assembly UNO, 12.17.1979).

There are too many *forms* (manifestations) of corruption: bribery, favoritism, nepotism, protectionism, lobbying, illegal distribution and redistribution of public resources and funds, theft of treasury, illegal privatization, illegal ability to finance of political structures, extortion, allowance of favorable credit (contracts), buying of votes, the famous Russian «*blat*» (different services for relatives, friends, acquaintances) (Ledeneva, 1998), etc.

Corruption is a complicated *social phenomenon*. It is an element of relations of economic exchange (brokers). It is a type (manifestation) of venality at the same kind as marriage swindlers and prostitution (the venality of spirit or body), and it exists in societies of commodity and pecuniary circulation.

Corruption is a *social construction* (Berger, Luckmann, 1967). Society determines (constructs): what, where, when, and by which conditions some action is labeled as «corruption», «crime», «prostitution» and so on.

Corruption is a *social institution* (Timofeev, 2000). It is a constituent element of the system of management and government. Corruption is a social institution for the following reasons:

- Corruption carries out some *social functions*: simplifying of administrative relations; acceleration of administrative decisions; consolidation and restructuring of relations between the social classes or strata; aiding economic development by decreasing government regulation; trigger optimization of the economy when there is a deficit of resources; etc. (Leff, 1964; Scott, 1972; and other).
- Process of corruption involves the action of *certain persons*: the bribe-taker, briber (suborner), and mediator (go-between). There are relations of «patron — client» between them. They play certain *social parts*.
- There are certain *rules (norms) of play*, and the partners know these rules.
- Certain *slangs* and *symbols* exist (for example, to express a bribe in Russia, you rub three fingers: the thumb, middle finger and forefinger).
- There are certain *fixed prices* (tariff). Some of these fixed prices in Russia were published in the Russian press.

There is corruption in all countries. It is a worldwide problem. But the dimensions of corruption are diverse. Corruption, common in Russia, has taken on a *grand scale* in all the organs of power and official establishments. The damage from corruption is about \$20–25 billion per year. The export of capital from Russia abroad amounts to \$15–25 billion per year. Every day, the Russian and foreign Mass Media reveal facts of Russian corruption and corrupt activities. Corruption in contemporary Russia is an element of the political system, and a mechanism of the political regime. There are large *corruption networks*, including ministries, the police, the FSB (former KGB), and so on (Satarov, 2002; Sungurov, 2000).

Russia has various typologies of corruption, namely, «white», «grey», and «black» corruption (Heidenheimer, Johnston, Le Vine, 1989). Russian corruption is becoming more and more common, because the tolerance of corruption is growing by leaps and bounds.

Corruption, including taking of bribes, is a very latent phenomenon. And official, registered data (see table 7) most probably shows police action than depict reality.

Table 7

Bribery in Russia (1987–2001)

Year	Registered cases	Rate (per 100,000 population from age 16)	Arrested persons	Convicts
1987	4155	3.8	2836	2008
1988	2462	2.2	1994	812
1989	2195	2.0	1306	451
1990	2691	2.4	1510	649
1991	2534	2.3	1266	612
1992	3331	2.9	1537	686
1993	4497	3.9	2279	843
1994	4921	4.3	2727	1114
1995	4889	4.3	2342	1071
1996	5453	4.8	2692	1243
1997	5608	4.9	2320	1381
1998	5804	5.0	2803	1314

1999	6823	5.9	2921	1515
2000	7047	6.0	3481	1529
2001	7909	6.8	3696	2084

Source: Crime and Delinquency. Statistical Review. Annual. Moscow: MVD RF, MJ RF.

Victims

The number of the victims in contemporary Russia is huge. The number of persons on death row in Russia is high. Table 7 shows number of persons on death row in Russia each year, from 1987 to 2001.

Latent criminality is high. A national victimological survey is absent, but there are local studies. Our victimological study in St. Petersburg (1999–2002) shows that:

- There is stable share of victims from St. Petersburg's citizens: 26.5% in 1999; 27.0% in 2000; 25.9% in 2001; and 26.1% in 2002.
- 28–36% respondents of all victims were victims more than once (two and more times) a year.
- There is a stable share of victims, who did not report to the police: 70.3% in 1999; 69.2% in 2000; 73.7% in 2001; and 73.5% in 2002.
- Reasons for refusing to report are: «nothing would be done» in 35–38%; «police could not do anything» in 17–19%; «did not want to have contact with police» said another 7–8%; «injury was insignificant or there was no injury» claimed 26–32%, etc.
- Reaction of police when crime was reported: «did not react at all» said 12–18%; «a long time afterward, they took action» claimed 5–8%; and «do not know anything about actions of police» insisted 11–15% (!). Police reaction was immediately only for 29–38% of the victims.

Similar results were observed in the city of Volgograd and the town of Borowitchy (2001). The study shows that the Russian people do not set informal wedges against crimes and police activity is low.

Table 8

Number on Death Row (1987–2001)

Year	Number of persons
1987	25,706
1988	30,403
1989	39,102

1990	41,634
1991	44,365
1992	213,590
1993	75,365
1994	75,034
1995	75,510
1996	65,368
1997	65,598
1998	64,545
1999	65,060
2000	76,651
2001	78,697

Source: Crime and Delinquency. Statistical Review. Annual. Moscow: MVD RF, MJ RF.

Police

The police force in Russia, known as the *Militia*, was set up a month after the state coup of October 1917 and it continues as the Militia to this day. The entire Militia in Russia is under the direction of the Ministry of Internal Affairs, as are the internal army and specialized forces (railroad, air and river militia). The penitentiary service was transferred in 1998 to the Ministry of Justice, the fire safety service is transferred now to the Ministry of Extraordinary Situations.

The Militia in the republics are directed by the republican Ministry of Internal Affairs, and in each territory, region, city or district, they are directed by the main board of internal affairs, as established by the Constitution and law of each region.

The current directives, functions, and structure of the Militia are laid down in the Russian legislation, «On the Militia», passed on April 18, 1991 (with some modifications).

The Militia is organized into two main sub-divisions: the Criminal Militia and the Militia for Civil Safety (or Public Order) at the local level (Law «On the Militia for Civil Safety», 1993). The Criminal Militia include the detective service, the economic crime prevention service, scientific/technical specialists, operational investigators, and others who supply material for crimi-

nal investigation. The Civil Militia include the duty service, the service for securing civil order, the state automobile inspectorate, the security service, divisional inspectors, temporary detention guards, the prevention service, and others. The Criminal Investigation Service is a separate unit under the Ministry of Internal Affairs (Gilinskiy, 2000: 173–194).

There are different data about the numbers of Russian Militia: the Militia forces stood at about 540,000, and that of the internal army at about 278,000 in 1995 (*Everyone's Newspaper*, 1995, N 51); the police rate per 100,000 population in Russian Federation was 1224.58 in 1994 (Newman, 1999: 124); staff of the Ministry of Internal Affairs RF were about 1.5 million in 1996 (*Corruption and Combat Corruption*, 2000: 29).

There are different *training and education* systems for the various police staff in Russia: private (soldier) or officer, investigator or inspector, etc. There are six main kinds of police training — common education (school, college, university) plus special training; elementary special training for privates; common higher (including juridical) education; special police education; the system of raising the level of one's skill; the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs (MIA) for the senior and the highest commanding staff.

There are two main kinds of regulations of the police training and education — *Law on Education* (1996), *Law on Higher and Post-graduated Professional Education* (1996) and different police orders (statutes, instructions, etc.). All educational programs must correspond to state (public) standards of the Ministry of Education. All training programs must correspond to orders of the MIA.

Staff of teachers is very heterogeneous. Experienced officers teach in the police school (educational centers) for privates. Experienced officers and some university teachers teach in police colleges and police higher courses. University professors, readers, and lectures teach in police universities and academies.

There is an exchange of experience between teachers of Russian police universities, policemen and foreign colleagues. The Russian police universities organize different joint international seminars and conferences. Some foreign educational institutions send books and equipment to Russian universities and colleges. Russian police officers have gone abroad for police training to Denmark, Finland, Germany, and the USA⁵⁰³.

Training and education plans of Russian universities of the MIA include programs on international human rights standards. Some universities of the MIA

⁵⁰³ International cooperation is very reduced today (Y.G., 2016).

have arrangements for training personnel assigned to the UN peacekeeping mission (for example, the Rostov's University for the mission in Bosnia).

Police as well as police training and education system are part and parcel of the society, and they have common problems — economic, social, political, morale (including insufficient of finances, corruption, traditional Russian police «secrecy», the militarization of police, and police training, etc.).

Punishment

The social control over deviance (including criminality) is one of the major problems in the modern world. Street crime, organized crime, violent crime, terrorism, and so on, affect people and give rise to «moral panic» and «fear to crime» (Cohen, 1973). Legislators, politicians, police and criminal justice officials try, often habitually, repressive methods to gain control over criminality, drug abuse and drug trafficking, prostitution, corruption, terrorism, etc. However, traditional measures have not obtained the desired results.

Social control is the mechanism of self-organizing and self-preservation of society by the establishment and maintenance of normative order, by elimination, neutralization, or minimization of deviant behavior (including crimes). Two basic methods of social control are encouragement and punishment («bait and switch»).

The social control over criminality includes general methods of social control — *punishment*, «war on crime» by means of reprisals, and *crime prevention*. Mankind has tried all means of reprisal, including qualified kinds of death penalty and refined torture. However, criminality for some reason, has not disappeared...

There are some points of view that exists about what inhibits control of crime — «crisis of punishment» (Mathiesen, 1974), crisis of the criminal justice systems, crisis of the criminal-law control over criminality, including the control of police (Christie, 1981; Davis and Anderson, 1983; Pepinski and Quinney, 1991; Hendricks and Byer, 1996; Rotwax, 1996; Christie, 2000, and others). Movement of abolitionism develops and grows towards cancellation not only of the death penalty, but also towards replacement of imprisonment by alternative measures of punishment, for transition from the retributive justice to the restorative justice (Morris, 1989; Zehr, 1990; Consedine, 1995; and others).

R. Lenoir (1974) and S. Paugam (1996), N. Luhmann (1998) and J. Young (1999) wrote about the new social global situation — the tendency to divide

people and societies into *inclusive* and *exclusive*. «Inclusive» is the personality inclusive in the functional system. «Exclusive» can be only individual not inclusive in the functional system, who are known only by existence (Luhmann). The distinction of inclusion/exclusion exist between countries (global inclusion/exclusion) and between people within some countries (national inclusion/exclusion).

From our point of view, the social and economic inequality is one of the biggest criminogenic factors. People have real opportunities to satisfy their needs, depending on their belonging to one or the other social class, stratum, and group or depending on their social and economic status. Inequality of opportunity generates social conflict, dissatisfaction, envy, and at last, various forms of deviation. The process of inclusion/exclusion is acquiring more and more criminogenic and deviantogenic significance, both for the contemporary world and for the future. It is clear that «excluded people» are becoming a mass reserve, a social basis of social deviation, including criminality.

Repressive social control is the best means of exclusion, especially through the issue of selection in the police and the judiciary. There appears to be a *circulus vitiosus* (vicious circle). The repressive mode of social control enhances the amount of the excluded people. The more people are excluded, the higher the deviance (including crime) rate seems to be. The higher the rate of deviance, the more repressive the social control is considered to be.

The basic tendencies of the theory (and in the practice of some countries) of the modern Western policy of the social control over criminality are as follows:

- Recognition of irrationality and inefficiency of the reprisals («crisis of punishment»).
- Change of the strategy of social control from «war» to «peace» and «peacemaking» (Pepinski and Quinney).
- Search for alternative (non-repressive) measures of social reaction.
- Priority of crime prevention (for our opinion about crime prevention see: Gilinskiy, 1998).
- Realization of the concept of «restorative justice».
- Realization of the concept of «community policing».

The interrelation between the police and the population is old («eternal») and is a complicated problem. The centuries old experience shows that these relations between the police and the public are not friendly and ideal. The increase of crimes after the World War II, «fear of crime» and «moral panic» activate the search for effective methods and means of social control

over crime. One of the strategies developed is community policing (Kury, 1997; Lab, Das, 2003; Skogan, Hartnett, 1997). The notion of community policing is not very easy. It has many definitions (Lab, Das, 2003: 4–9). The main idea of «community policing» is *the partnership and, cooperation between the police and the community (population, citizens) for better crime prevention*. The police render service to citizens (tax-payers). It is a pity, that the partnership between the Russian «Militia» and the community is an illusion in contemporary Russia.

The real strategy of criminal policy is absent in Russia. There are some *de jure* programs, but there are not really operational without the financing, mechanism for realization. Unfortunately, *de facto* crime control is still dominated by repressive approaches in contemporary Russia.

The current punishment system in Russia stipulates the following types of criminal punishment: the death penalty (Art. 59 of the Criminal Code of the Russian Federation, 1996 — CC RF); life imprisonment (Art. 57); deprivation of freedom (Art. 56); limitation of freedom (up to 5 years, Art. 53); arrest (up to 6 months, Art. 54); corrective labor (up to 2 years, Art. 50); compulsory labor (up to 240 hours, Art. 49); fines (Art. 46); deprivation of the right to hold a certain position or to conduct certain activities (up to 5 years, Art. 47); confiscation of property (Art. 52); and the deprivation of military or special titles (Art. 48). In addition, military personnel may be sentenced to serve in special disciplinary units (up to 2 years, Art. 55) and there are various compulsory measures of education and supervision for minors (14–17 years, Art. 90).

The last Criminal Code of the Russian Federation (CC RF) from 1996 contains very severe kinds of punishment: death penalty, life imprisonment, and deprivation of freedom for 20 years. In no other previous Criminal Codes of Russia, including during Stalin's period, were there any sanctions like life imprisonment, up to 30 years. Moreover, some kinds of probation and parole (deprivation of freedom with suspended sentence) have been excluded from the new CC RF. In fact, the last amendments to the Criminal Code (December, 2003) were steps toward liberalization, but a very timid step.

There is a moratorium of the death penalty from 1997, but the Russian Parliament («Duma») does not ratify this.

We see tendency toward cutting down the severity of punishment without the deprivation of freedom in the penal and sentencing practice (table 9) — the quota of corrective labor without deprivation of freedom has decreased (from 26.4% in 1988 to 5.2% in 2001) while the quota of fine has decreased (from 16.8% in 1987 to 6.3% in 2001).

Table 9
Punishment in Russia (1986–2001)

Method of punishment	1986	1987	1989	1991	1993	1995	1997	1999	2000	2001
Total number sentenced	795490	576788	436988	593823	792410	1035807	1013431	1223255	1183631	1244211
Death penalty	225	120	100	147	157	143	106	19	0	0
% of total sentenced	0.03	0.02	0.02	0.02	0.01	0.01	0.01	0.01	0	0
Deprivation of freedom	305427	196640	162033	207489	292868	357765	330977	388799	354413	367469
% of sentenced	38.4	34.1	37.1	35.0	37.0	36.4	32.8	32.9	35.0	30.9
Dep. of freedom suspended sentence	79563	64637	56560	83270	142532	188483	—	—	—	—
% of total	10.0	11.2	13.0	14.0	18.0	19.2	—	—	—	—
Dep. of freedom conditional sentence	34638	31285	35352	59738	124198	222340	529082	607737	543615	682930
% of total	4.4	5.4	8.1	10.1	15.7	22.6	52.4	51.4	53.7	57.5
Corrective labour without dep. of freedom	195262	150332	103513	129209	143464	92589	69548	56859	50897	62182
% of total	24.5	26.1	23.7	21.8	18.1	9.4	6.9	4.8	5.0	5.2
Fine	124623	97177	51961	72292	70906	117785	79818	65138	62657	74853
% of total	15.7	16.8	11.9	12.2	8.9	12.0	7.9	5.5	6.2	6.3

Prison

There are 750 penitentiary institutions (labour settlements), 61 pedagogical colonies (for juvenile offenders), 13 prisons, and 174 jails in 1997 (Zubkov, Kalinin, Sysoev, 1998: 81).

The imprisonment rate per 100,000 population (Table 10) in Russia is the highest in the world (more than 720–730 in 1999, excluding institutions of military justice (Abramkin, 1998; Barclay, Tavares, 2003; Christie, 2000; *Conditions of convicts in contemporary Russia*, 2003; Walmsley, 2003). One in four adult men in Russia is a former prisoner. The overwhelming portion of the prisoners are not professional criminals, but people who found themselves in prison because they had been in a position of misery, unemployment, and homeless. The conditions in penitentiary institutions are terrible (Abramkin, 1998; Gilinskiy, 1998). Extremely harsh regimes in institutions leading to the deprivation of freedom suffered by those awaiting trial or under conditional sentence, contravene human rights, such as overcrowding in the pre-trial detention centers; compelling inmates to sleep in shifts; bad food; the spread of tuberculosis; torture of those awaiting trial, and under investigation in the «press cells»⁵⁰⁴ to procure confessions of guilt; and mass beatings. Life in institution for the deprivation of freedom (prisons and correctional colonies) is unbearable, and the possibilities for «correction» are nil. The correctional outcome is quite the reverse.

Thousands of prisoners die every year from hunger, tuberculosis, and suffocating from the lack of oxygen in overcrowded cells in pre-trial detention centers. More than 2,300 people with HIV infections, and more than 92 thousands people with tuberculosis were in Russian penitentiary institutions in 1999.

The situation in penitentiary institutions has slowly improved after the transfer from the Ministry of Internal Affairs to the Ministry of Justice.

Table 10

Prison population in Russia (1989–2001)

	Prisoners	Rate (per 100,000 population)
1989	698 900	400
1990	714 700	500

⁵⁰⁴ «Press cell» — a cell that can be found in all prison institutions. In such cells prisoners selected by the administration beat, torture, and rape other prisoners to obtain information from them or to make them compliant to the needs of the administration.

1991	722 636	459
1992	750 280	505
1993	844 870	569
1994	920 685	621
1995	1 017 372	688
1996	1 051 515	713
1997	1 009 863	686
1998	996 913	681
1999	1 006 085	728
2000	923 600	638
2001	979 285	680

Source: Barklay G. & Tavares C., 2003: 22

Conclusion

Certainly, contemporary Russian system of the criminal justice and the police are more democratic and more liberal than in Soviet Union. But there are many negative manifestation and tendencies, particularly from 1999–2000. The number and rate of *violence* is very high, which is a result of the poor social and economic situation, social and economic inequality, and mass exclusion from the economic system. There are the new waves of *organized crime* — aspiration to the legalization of criminal activity; transition to legal and semi-legal activity; infiltration to legal business and power structure; the politicization of organized crime; and the criminalization of policy and economy. Russia is going farther and farther along the road to being a criminal state and a criminalized society.

Corruption in contemporary Russia is a product of the political system — a mechanism of the political regime. Wholesale corruption is the most serious Russian problem, because all other Russian problems cannot be solved until the «black market» is eliminated. The *criminal justice system* is ineffective, fraught with injustice and corruption, and depends of corrupt policy and politicians. Finally, the *police* and other «*powerful structure*», including the FSB, are very repressive, undemocratic, and irresponsible.

References

- Abadinsky, H. (1994). *Organized Crime*. Fourth Edition. Chicago: Nelson–Hall.
- Abramkin, V. (1998). *In Search of a Solution. Crime, Criminal Policy and Prison Facilities in the Former Soviet Union*. Second Edition. Moscow: Human Rights Publishers.
- Albanese, J. (2000) The Mafia Mystique: Organized Crime. In: *Criminology. A Contemporary Handbook*. Third Edition. Ed. by J. Sheley. Wadsworth Publishing Company. Pp. 265–286.
- Arlacchi, P. (1986). *Mafia Business. The Mafia Ethic and the Spirit of Capitalism*. Verso Edition.
- Barclay, G. and Tavares, C. (2003). International comparisons of criminal justice statistics 2001 // *Home Office Statistical Bulletin*. London. Issue 12/03.
- Berger, P., and Luckmann, T. (1967) *The Social Construction of Reality*. N.Y.: Doubleday.
- Christie, N. (1981) *Limits to Pain*. Oxford: Martin Robertson.
- Christie, N. (2000) *Crime Control as Industry: Towards Gulags, Western Style*. Third Edition. Routledge.
- Cohen, S. (1973) *Folk Devils and Moral Panics*. St. Albans, Paladin.
- Conditions of convicts in contemporary Russia* (2003). Moscow: Moscow's Helsinki's Groups (Russian).
- Consedine, J. (1995) *Restorative Justice: Healing the Effects of Crime*. Ploughshares Publications.
- Corruption and Combat Corruption* (2000). Moscow: Institute of General Prosecutor's Office.
- Crime and Delinquency. Statistical Review*. Annual. Moscow: MVD RF, MJ RF (in Russian).
- Davis, N., Anderson, B. (1983). *Social Control: The Production of Deviance in the Modern State*. Irvington Publishers, Inc.
- Everyone's Newspaper*, 1995, N 51.
- Finer, C. and Nellis, M. (Eds.) (1998). *Crime and Social Exclusion*. Blackwell Publishers, Ltd.
- Gavrilov, B. (2001) Can Russian Statistics on Crime become Realistic? // *Government and Law*. N 1, pp. 47–62 (Russian).
- Gilinskiy, Y. (1998) The Penal System and other Forms of Social Control in Russia: Problems and Perspectives. In: Aromaa K. (Ed.) *The Baltic Region Insights in Crime and Crime Control*. Oslo: Pax Forlag A/S, pp. 197–204.

- Gilinskiy, Y. (2000) Challenges of Policing Democracies: The Russian Experience. In: Das D., Marenin O. (Eds.) *Challenges of Policing Democracies: A World Perspective*. Gordon and Breach Publishers. Pp. 173–194.
- Gilinskiy, Y. (2002) *Criminology*. St. Petersburg: Piter (Russian).
- Gilinskiy, Y. (2003) Organized Crime: A Perspective from Russia. In: Albanese J., Das D., Verma A. (Eds.) *Organized Crime: World Perspectives*. New Jersey: Prentice Hall, pp. 146–164.
- Gilinskiy, Y., Zazulin, G. (2001) Drugs in Russia: Situation, Policy and the Police // *Police Practice and Research*. Vol. 2(4), pp. 345–364.
- Heidenheimer A., Johnston M., Le Vine V. (Eds.) (1989) *Political Corruption: A Handbook*. New–Brunswick: Transaction Publishers.
- Hendrics, J., Byer, B. (Eds.) (1996) *Crisis Intervention in Criminal Justice/ Social Service*. Charles C. Thomas Publisher.
- Human Development Report in the Russian Federation* (1999). Moscow: UNDP (Russian).
- Index on Censorship* (1999). N 7–8. Moscow (Russian).
- Kressel N. (1996) *Mass Hate: The Global Rise of Genocide and Terror*. Plenum Press.
- Kury H. (Hrsg.) (1997) *Konzepte Kommunalen Kriminalprävention*. Freiburg i. Br. Edition Juscrim.
- Lab S., Das D. (Eds.) (2003) *International Perspectives on Community Policing and Crime Prevention*. Prentice Hall.
- Ledeneva A. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Leff N. (1964) Economic Development through Bureaucratic Corruption. In: *The American Behavioral Scientist*. VIII.
- Lenoir, R. (1974) *Les exclus, un français sur dix*. Paris: Seuil.
- Luneev, V. (1997) *Crime in the XXth Century: Global, Regional and Russian Trends*. Moscow: Norma (Russian).
- Mathiesen, T. (1974) The Politics of Abolition: Essays in Political Action Theory // *Scandinavian Studies in Criminology*. 4. Oslo: Scandinavian University Press.
- Morris, R. (1989) *Crumbling Walls: Why Prisons Fail*. Mosaic Press.
- Newman, G. (Ed.) (1999). *Global Report on Crime and Justice*. New York: Oxford University Press.
- Paoli, L. (2001). *Illegal Drug Trade in Russia*. Freiburg i. Br.: Edition Juscrim.
- Paugam, S. (Ed.) (1996) *L'exclusion, l'état des savoirs*. Paris: La Decouverte.

- Pepinski, H., Quinney, R. (Eds.) (1991) *Criminology as Peacemaking*. Bloomington: Indiana University Press.
- Population and Society* (2002) N56, August. Moscow (Russian).
- Questions of Statistic* (2004)
- Rotwax, H. (1996) *Guilty. The Collapse of Criminal Justice*. NY: Random House.
- Satarov G. (2002) *Diagnosis of Russian Corruption: Sociological Analysis*. Moscow: INDEM (Russian).
- Skogan W., Hartnett S. (1997) *Community Policing, Chicago Style*. Oxford University Press.
- Scott J. (1972) *Comparative Political Corruption*. Englewood Cliffs.
- State of Crime in Russia. Annual*. Moscow: MVD RF (Russian).
- Sungurov, Yu. (ed.) (2000) *Civil Initiatives and Corruption Prevention*. St. Petersburg: Norma (Russian).
- Timofeev L. (2000) *Institutional Corruption: Essay of Theory*. Moscow: RGGU (Russian).
- Vishnevsky, A. (Ed.) (2002) *Population of Russia*. 2001. Moscow: University (Russian).
- Walmsley, R. (1996). *Prison Systems in Central and Eastern Europe: Progress, Problems and the International Standards*. Helsinki: HEUNI.
- Walmsley, R. (2003). Global incarceration and prison trends // *Forum on Crime and Society*. Vol.3, NN 1,2. pp.65–80.
- World Health Statistic*. Annual. Geneva: World Health Organization.
- Young, J. (1999). *The Exclusive Society*. SAGE Publications, Ltd.
- Zehr, H. (1990) *Changing Lenses: A New Focus for Crime and Justice*. Herald Press.
- Zubkov, A., Kalinin, Yu., Sysoev, V. (1998). *Penitentiary Institutions in the System of the Ministry of Justice in Russia: History and the Present*. Moscow: Norma (Russian).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Онтологический трагизм бытия или Размышления малицириста	7
«Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркогизма, терроризма и иных девиаций	22
Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор	35
Что же делать с преступностью?	56
Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы	75
Позитивные девиации	97
Современное состояние и перспективы российской криминологии ..	122
Интеллектуальная антимобильность современных российских обществоведов	134
Власть как объект/субъект преступлений	138
Организованная преступность: понятие, этапы и тенденции развития в России	141
Уголовная политика в эпоху постмодерна: to be or not to be	148
Девиантология как социология девиантности	153
Девиантность и социальный контроль в обществе постмодерна	176
Подростково–молодежная девиантность в обществе постмодерна	200
Проблемы законотворчества и правоприменения в обществе постмодерна	213
Что день грядущий нам готовит?	220
Капитализм или социализм? Оба хуже!	227
Organized Crime in Contemporary Russia	238
The Criminal Justice System and Police in Russia: General Overview	256